

ТЕХНОТЪМА

ХРОНИКИ ПУСТОШИ

андрей
ЛЕВИЦКИЙ / БОБЛ

алексей
БОБЛ

Технотьма

Андрей Левицкий
Хроники Пустоши

«Magic Dome Books»

Левицкий А. Ю.

Хроники Пустоши / А. Ю. Левицкий — «Magic Dome Books»,
— (Технотьма)

ISBN 978-5-17-076723-6

В сборник вошли романы «Кланы Пустоши» и «Воин Пустоши» из фантастического цикла «Технотьма». Туран Джай – сын фермера с юга Пустоши, вступивший в схватку с бандитским кланом. Все преимущества на стороне атамана Макеты, но Туран быстро учится – удел раба и путешествие по опасной Донной пустыне закаляют характер, а встреча со Ставро, хозяином летательного аппарата, не похожего на машины Гильдии небоходов, помогает пересмотреть планы мести. У Ставро свои цели, и Туран становится участником квеста к таинственному энергиону...

ISBN 978-5-17-076723-6

© Левицкий А. Ю.
© Magic Dome Books

Содержание

Андрей Левицкий, Алексей Бобл	5
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Часть вторая	34
Глава 5	34
Глава 6	39
Глава 7	48
Глава 8	53
Глава 9	59
Часть третья	63
Глава 10	63
Глава 11	68
Глава 12	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Андрей Левицкий, Алексей Бобл Хроники Пустоши (сборник)

Андрей Левицкий, Алексей Бобл Кланы Пустоши (Технотьма-2)

Авторы благодарят Ежи Тумановского за то, что он есть, а также Александра Шакилова – за то, что его нет с нами.

Часть первая Фермер

Глава 1

Выйдя из гаража, стоящего позади дома, Борис Джай-Кан сказал:

– Карбюратор я починил. Поедешь к Железной горе, отвезешь продукты Знахарке и Старику.

– Прямо сейчас? – удивился Туран.

Было раннее утро, солнце только выглянуло из-за горизонта, но ферма уже проснулась. Со стороны барака доносились голоса батраков, в загоне хрюкали свиньи, в ангаре тихо гудела динамо-машина.

Борис тщательно вытер ветошью испачканные машинным маслом руки. Он был чем-то озабочен – губы поджаты, брови нахмурены.

– Прямо сейчас. И Мику с собой возьмешь.

– Еще и Мику! Его-то зачем?

Младший брат Турана был существом бодрым и энергичным. Провести с ним целый день в тесной кабине трехколесной мотоциклетки – не слишком приятная перспектива.

– Как мы там поместимся? Мика уже здоровенный.

Борис взглянул на старшего сына, бросил грязную тряпку в ящик для мусора и пояснил:

– Я же сказал: карбюратор в порядке, я починил. Поедешь на «Панче». Назар говорил, ты не хуже меня научился управлять.

– На «Панче»?! – обомлел Туран Джай. – Научился, да! Назар не соврал! Но ты... разве тебе машина не нужна?

«Панчем» называли бронированный крытый грузовик, самую большую машину из тех, которыми владел Борис Джай-Кан, хозяин богатой фермы на юге Пустоши. До сих пор он не разрешал сыну самому ездить на «Панче», только вместе с механиком Назаром.

– А почему на нем? – спросил Туран и тут же добавил, испугавшись, что отец передумает: – Нет, я не против, конечно. Но...

Разговаривая с отцом, он заметил, что тот немного медлит, прежде чем ответить, ему как будто требовалось больше времени, чем обычно, чтобы подобрать нужные слова. Заметил, но не придал этому значения.

Взявшись за створку ворот, фермер пояснил:

– Дороги сейчас опасные. В этом сезоне холмовейники часто воюют, можешь наткнуться на матку ползунов. Помоги открыть.

Они вдвоем навалились на тяжелые скрипучие ворота.

– Продукты для Знахарки я положил, – добавил Борис. – Старику патроны, ну и другое. В кузов лучше вообще не суйся, пока на место не приедешь, понял? Штуцер в башне заряжен. В ящике под сиденьем динамитные шашки лежат. Если что – пуганешь волков.

Последних наставлений отца Туран не услышал – он любовался «Панчем», стоящим в центре просторного гаража.

Грузовик был хорош: мощная бронированная кабина, лобовое стекло сверху и снизу прикрыто листами железа, расстояние между их краями меньше полуметра, только-только чтобы водитель видел дорогу. Кузов усилен стальными подковами-тюбингами вроде тех, которыми в туннелях древнего метро укрепляли свод. Туран в метро, конечно, никогда не бывал, но Назар ему рассказывал. Механик покупал тюбинги у торговцев, чьи караваны иногда проходили через владения Бориса Джай-Кана. Немало отчаянного народу в поисках поживы шастает по развалинам городов и древним подземельям.

Круглое отверстие в крыше кабины закрывала оружейная башенка – колпак из толстой жести с бойницей. Внизу, между сиденьями, приварена полка; если встать на нее, голова окажется как раз напротив отверстия. Рядом на скобах висит двуствольный нарезной штуцер приличного калибра.

Туран пошел вдоль «Панча». Хороша машина, нечего сказать. Огромные черные колеса, массивные подножки. Противотуманные фары накрыты выпуклыми круглыми решетками, толстая выхлопная труба торчит позади оружейной башенки.

– Брута! – крикнул отец. – Ты все сделала?

– А то! – донеслось снаружи. – Чего кричать с утра пораньше?

Пока мать Турана болела, Брута вела хозяйство в доме. Старуха была сварлива, зато вкусно стряпала.

– И чего сразу спешка? – проворчала она, входя в гараж с корзиной, накрытой полотенцем. – Что за времена такие? Все торопятся, бегут куда-то...

Туран принял из рук Бруты корзину, пахнущую пирожками, и полез в кабину. Позавтракать этим утром не удалось, отец поднял его ни свет ни заря и сразу погнал мыться, а после – в гараж.

– Быстрее, – поторопил Борис Джай-Кан, когда старуха ушла. – Поставь под сиденье и поднимай Мику, а то он сам встанет и убежит, потом ищи.

– Но зачем мне Мику с собой брать? – Туран спрыгнул с подножки.

Еще пять минут назад он не хотел никуда ехать, но узнав, что ему доверяют «Панч», обрадовался. Вот только присутствие беспокойного брата могло все испортить.

– Сыпь у него, – сказал Борис, помедлив. – Сыпь на шее.

– Ну и что? У него всегда где-нибудь сыпь, а потом проходит.

– Мать волнуется. А ей нельзя волноваться.

Фермер стоял в воротах, озаренный тусклым утренним светом, – темный силуэт на сером фоне. Среднего роста, крепко сбитый, в старых брюках-галифе и свитере. Голова не покрыта. На поясе висел пистолет, закатанные рукава обнажали сильные волосатые руки. Турана всегда удивляло, что волосы на голове отца седые, сквозь них просвечивает загорелая лысина, а на руках поросль густая и черная.

– Пять минут у тебя на то, чтобы поднять Мику и прийти к матери. Время пошло!

Определенно, это было утро сюрпризов.

– А к матери зачем? – вконец удивился Туран. – Мы же к ужину вернемся, а то и раньше.

И вновь пауза – отец молчал, хотя вопрос был совсем простой.

– Она теперь редко вас видит. Попросила, чтоб зашли. Тебе сложно? Почему я должен тебя уговаривать?

Нет, Турану было не сложно. Хотя в последнее время вид матери и ее разговоры производили гнетущее впечатление. Он, конечно, жалел ее и в то же время старался видаться как можно реже, из-за чего его слегка мучила совесть.

– Всё, давай! – Отец шагнул за ворота, но потом, словно устыдившись своей суровости, остановился. Поглядел на сына и, когда тот выходил из гаража, легко хлопнул по плечу.

Туран ни разу не видел, чтобы Борис Джай-Кан смущался, он не привык к отцовским проявлениям чувств, даже таким сдержанным, – и неуверенно улыбнулся в ответ. А фермер уже спешил к сараю, откуда двое молодых батраков выводили низкорослую бесхвостую лошадь.

* * *

Мика, прыгая на одной ноге и натягивая на вторую башмак, едва не улизнул через заднюю дверь.

– Стой! – Туран ухватил его за соломенные вихры на темени. – Никуда ты не пойдешь.

– Чего это?! – заголосил младший брат. – Пусти! Мне надо!

– Отец сказал, едем к Железной горе.

– Не хочу к горе! – Мика попытался вырваться. – Там старики эти!

Мальчишка не любил Знахарку и ее брата, которого все называли Стариком. Они вечно пичкали его полезной, но невкусной кашей из карликовой кукурузы, а старуха еще заставляла открывать рот и высовывать язык, который долго рассматривала. Потом она шупала ему бока и мяла живот сухими сильными пальцами.

– Правильно, к старикам и едем, – кивнул Туран.

– Зачем? Не поеду!

Мика смешной, конопатый, лопоухий. Когда сердится, щеки у него краснеют, а между бровей пролегают две морщинки, одна короткая, другая длиннее. Он дернулся, но Туран крепко держал его за волосы – у Мики аж слезы выступили от возмущения.

– Батя сказал, Знахарка микстуру новую сделала, которая матери может помочь. Надо Знахарке отвезти продуктов и забрать лекарство. Прямо сейчас выезжаем. Ты что, не хочешь, чтоб мать выздоровела?

– Ты сдурел! Конечно, хочу! – оскорбился Мика. – Я только ехать не хочу! Я вчера силки...

– На «Панче», – перебил Туран.

– Я... Ого! – Мика замолчал, от удивления открыв рот. Потом мотнул вихрастой головой и добавил огорченно: – Не, все равно не могу, дела у меня... Да отпусти ты!

Но Туран не отпустил, зато отвесил Мике подзатыльник, чтобы не вырывался. Наклонив голову брата влево, вправо, потом вперед и назад, внимательно осмотрел кожу. И правда – сыпь между ключицами и немножко за ухом. Но из-за такой ерунды ехать к Знахарке?..

– Батя сказал – обязательно едем вдвоем. И к матери перед дорогой велел зайти.

Мика что-то еще возмущенно бубнил, но Турану было не до него. Прикрыв заднюю дверь, он потащил брата по темным коридорам. Оба они не любили ходить в дальнее крыло дома, в комнату, устланную толстыми коврами, приглушающими звуки шагов. На полу здесь стояла большая старинная ваза, треснувшая, с облетевшей позолотой, над кроватью висели древние картины в резных рамах. А на самой кровати под лоскутным одеялом лежала мать. В комнате всегда было закрыто окно и всегда горела свеча в блюде на табурете.

Мама казалась старухой, хотя была намного младше отца. Она почти выжила из ума, лихорадка изуродовала ее лицо и иссушила мозг.

Верткий Мика, который обычно и минуты не мог усидеть на месте, жался к Турану. Братья встали у изножья кровати, непроизвольно стараясь держаться подальше от матери. Та громко дышала, темные волосы разметались по подушке. Лицо покрывали глубокие мор-

щины, будто трещины в земле. Лихорадка так и называлась – земляной. Из-за болезни кожа пересыхала и лопалась. Больной постоянно не хватало влаги, она много пила, но нарушенный обмен веществ – мудреное выражение, услышанное Тураном от паломника-лекаря из киевского Храма, – неотвратимо сводил ее в могилу.

Глядя на сыновей лихорадочно блестящими глазами, мать приподнялась на локте и выпростала из-под одеяла тощую руку.

– Дети мои! – произнесла она с надрывом, и Мика вздрогнул.

В последнее время в голосе матери появилось что-то пугающее, незнакомое, будто вместо нее говорил чужой человек.

– Уезжайте! – сказала эта незнакомая старая женщина. – Уезжайте быстрее. Ну же, ну!

Она вдруг заплакала, зашмыгала острым длинным носом – а ведь раньше он не казался Турану таким уж длинным – и замахала на сыновей руками, будто на цыплят, которых хотела отогнать под навес, потому что в небе показался ястреб.

Это было совсем неприятно. Мика вцепился в локоть Турану, тот ухватил брата за плечо и, пятясь, потащил его из комнаты. Вслед им неслись всхлипывания и неразборчивые причитания.

Выбравшись из дома, братья перевели дух. Стало светлее, солнце поднялось над затянутым дымкой горизонтом. Вскоре начнется такая жара, что почти вся живность, обитающая на просторах южной Пустоши, попрячется по норам и старым подвалам.

От ворот доносился голос отца – Борис распределял между батраками работу на день, хотя те обычно и сами знали, что делать. На ферме явно что-то происходило, но Туран никак не мог понять, что именно.

Братья вошли в гараж и молча полезли в кабину «Панча». После встречи с матерью говорить не хотелось. Туран завел мотор, тот запыхтел, зарокотал и выплюнул через трубу облако копоти. Мика потянулся к свисающему с потолка тонкому тросу с деревянной «грушей» на конце, собираясь огласить ферму ревом гудка, но Туран перехватил его руку.

– Не надо, – сказал он. – Мать напугаешь.

Не зря Назар брал хозяйского сына в поездки на соседние фермы, к дамбе – огромному бетонному сооружению, одиноко стоящему посреди степи, – и к Железной горе. Теперь Туран уверенно вывел грузовик из гаража и повернул, огибая один из больших ветряков, снабжающих ферму электричеством.

Поместье окружал частокол с натянутой поверху колючей проволокой. За высокими воротами шла дорога; если поехать по ней влево, то к полудню попадешь к разрушенному мосту, за которым стоит Дворец, а если от развилки взять вправо, то в конце концов пересечешь речку Сухую. Вообще-то Сухая и не река вовсе, просто в мокрый сезон, когда подолгу льют дожди, там собирается вода, превращая русло в бурный ручей.

Столпившиеся у ворот батраки оглянулись. Мика заерзал на сиденье и пробормотал:

– Ого, сколько их.

Борис что-то втолковывал Назару, а тот поглаживал приклад тяжелого четырехствольного ружья, которое обычно висело в мастерской на стене. Когда «Панч», извергая клубы дыма, подъехал ближе, отец шагнул к нему, и Туран приоткрыл дверцу.

– Заходили к матери? – спросил Борис.

Сын рассеянно кивнул, думая о предстоящей поездке; он впервые в одиночку – Мика не в счет – отлучался из дома так далеко, да еще на «Панче». Фермер помедлил, будто собираясь с мыслями, и сказал:

– Не гони, езжай осторожно. Слышишь?

– Слышу, – ответил Туран. – Не буду гнать.

– Не суетись, если наткнетесь на матку ползуна. Ползуны шума двигателя боятся. Задержишься – переночуете у Знахарки, я разрешаю. На платформы не засматривайся, если появятся, а то введешь во что-нибудь. Всё, тусклого вам солнца!

– Тусклого солнца, – откликнулся Туран, а Мика нетерпеливо махнул отцу рукой.

Борис отвернулся, пошел вдоль ограды. Батраки открыли ворота, Туран вдавил педаль, и машина поехала. На этот раз он не успел помешать младшему брату – тот схватился за «грушу» на конце тросика и дернул что было сил. Протяжно взвыла сирена, в конюшне заржали лошади, утробно хрюкнула свинья в сарае. Если кто еще спал на ферме, то теперь уж точно проснулся.

Частокол остался позади. В зеркале Туран увидел, как затворились ворота. И тут же притихший было Мика, распахнув дверцу, полез из кабины.

– Не поеду я с тобой! – крикнул он, встав на подножку. – Хоть и на «Панче» – не могу! У меня важное дело!

– Стой! – Не отпуская руля, Туран схватил брата за плечо. – Куда лезешь на ходу?! Под колеса захотел?

Он втянул Мику обратно, захлопнул дверцу и отвесил ему подзатыльник.

– Ну так останови, чтоб не на ходу! – занял Мика, потирая ушибленное место.

Грузовик ехал по дороге из укатанного щебня, справа тянулась ограда фермы, слева – каменистая равнина, окутанная дымкой. Среди камней торчали обломки бетонных плит и кирпичной кладки, заросшие колючим кустарником. Возле толстой ржавой трубы, врытой в склон холма, виднелась разноцветная куча гнилья – туда вывозили мусор.

Мика все не успокаивался:

– Останови! Не могу я сейчас уехать!

– Да почему?

В Туране боролись противоречивые чувства. С одной стороны, надо показать брата Знахарке, раз отец так хочет, с другой – сыпь-то и правда ерундовая. Мику всякий раз такая покрывает, если он на солнцепеке долго побудет. Туран предпочел бы сам прокатиться по Пустоши: слишком уж брат беспокойный, вечно крутится, болтает без умолку. Как с ним целый день в кабине просидеть? Это ж немыслимое дело!

– Я силки на ползунов поставил! – объявил Мика, шмыгая носом.

– Врешь! – удивился старший брат. – Когда успел?

– Ничего не вру! Вчера успел. Вечером батя с Назаром в гараже копались, а я с ужина пораньше улег. Ты что, забыл?

– Забыл, – признался Туран. – Теперь вспомнил. Точно, тебя не было, когда компот давали. Брута еще ворчала. Так ты говоришь...

– Говорю – силки!

Видно было, как Мике хочется без всяких объяснений выскочить из кабины, но он не решался, опасаясь еще одного подзатыльника. Да и прыгать на ходу из здорового «Панча» действительно опасно.

– Я девять силков поставил. За мельницей, у старой скважины на краю поля, в кустах, где скелет хамелеона лежит, ну и еще... Отпусти, как мне ехать?

– Мда-а, – растерянно протянул Туран. – Выходит, что никак.

Мика ловко обращался с силками. То ли места правильные выбирал, то ли еще что, но без добычи никогда не оставался. Ночью ползуны далеко отползали от холмовейников в поисках пищи, а днем прятались, так как на солнце, особенно в сухой сезон, быстро гибли. Потому и нельзя оставлять ползуна в силке на целый день – тварь издохнет и протухнет. Тут Мика прав. Но с другой стороны...

– Да о чем я думаю! – Туран хлопнул ладонью по рулю. – Как я тебя отпущу? Ну, соберешь ты ползунов, а дальше что? Большое солнце начнется – куда денешься? Придешь на ферму, скажешь батю: меня Туран из машины вытолкнул? Нет уж!

– Не приду! – возразил Мика. По шальным блестящим глазам было видно, что он уже все продумал. – На ферме никто не узнает, что я с тобой не поехал. Я до обеда ползунов соберу, а когда большое солнце начнется, вернусь и в дальнем сарае спрячусь, в том, что над обрывом. Туда никто не ходит, ты ж знаешь. Пустой он, чего туда ходить.

– Над обрывом?

– Я там весь день просижу! Ползунов освежую, шкурки развешу, мясо завялю. У меня там кадушка заготовлена, в сарае, и вода с солью, и ножик, и скребок. Честно! Я даже еду в тряпки завернул, в сене спрятал...

Мика с надеждой глядел на брата.

Ограда осталась позади, «Панч» ехал вдоль кукурузного поля. Впереди, где дорога поворачивала, виднелся тот самый сарай над обрывом.

– Нет, – решил наконец Туран. – Не могу тебя отпустить. Если батя узнает...

– Да не узнает же! Слушай... – Мика схватил брата за локоть и горячо зашептал, перегнувшись через рычаг переключения передач: – Я тебе половину шкурок отдам. Нет, все! Кроме одной! А мясо мне, я на духовую трубку его обменяю у Шипа и на дротики. Мы с Шипом уже договорились. А шкурки – тебе! Я приманку для силков почти декаду собирал, столько личинок натаскал! Во все силки ползуны попались, точно говорю, они красных личинок знаешь как любят? Девять силков, тебе восемь шкурок! Я их сам оскоблю и высушу. На восемь шкурок ты себе... ты себе пистолет старый на базаре сменяешь! И патроны к нему, целую коробку!

Это решило дело.

«Панч» подъехал к развилке, дольше медлить было нельзя. За пограничным холмом начиналась территория, где мальчишке лучше не бегать без присмотра взрослых. Там обитали шакалы и панцирные волки, к тому же по округе шастали люди атамана Макоты.

В общем, пора было принимать решение.

– Ладно, – сказал Туран, притормозив, и брат тут же распахнул дверцу. – Стой!

– Ну чего еще? – заныл Мика. – Давай быстро, солнце встает!

Оно и правда вставало – почти целиком поднялось над холмами. Скоро начнется жара. Если не поторопиться, попавшие в силки ползуны быстро стухнут.

– Поклянись, что соберешь ползунов так, что никто не заметит, и сразу в сарай.

– Чем поклясться?

– Поклянись... поклянись здоровьем матери.

– Ладно, – сказал Мика, вывернувшись из-под руки брата. – Клянусь.

– И дождись меня вечером. Увидишь «Панч» на дороге – сразу беги к нему и садись, вроде как все время со мной ездил.

– Клянусь, клянусь! – Мика соскочил с подножки и помчался к заброшенному строению над обрывом.

Туран крикнул вслед:

– Учти: обманешь меня – мы с тобой враги! Понял? И мать умрет, если ты клятву нарушишь!

– Не умрет, не умрет! – прокричал Мика в ответ, не оборачиваясь.

Туран утопил педаль газа и навалился на руль, объезжая пограничный холм.

* * *

Когда солнце поднялось на два кулака выше горизонта, он включил радио.

Пришлось долго крутить ручку настройки, слушая шипение, свист, треск и неразборчивые голоса. Антенна на «Панче» была так себе, это не тарелка, которую Назар поставил на

крыше дома. Туран услышал древнюю музыку – механик говорил, что у предков она называлась джазом, – потом неразборчивый голос.

Ферма давно скрылась из виду, «Панч» ехал по заросшему бурьяном пустырю. Миновал покосившуюся решетчатую громадину, темно-рыжую от ржавчины. По словам Назара, когда-то такие вышки служили опорами для проводов, по которым на дальние расстояния передавалась электроэнергия. «Ну и странный мир был у предков», – всякий раз думал Туран, завидев это удивительное сооружение.

Наконец он поймал нужную волну – зазвучали знакомые позывные, и сипловатый голос Шаара Скитальца раздался из динамика:

– ...этим тихим радиоактивным утром я приветствую вас! Будьте здоровы, добрые фермеры и батраки, охотники на мутафагов и бандиты, бродяги и нищие, воры и мародеры Глубокой Пустоши! Поклон вам, суровые люди в полурясах – доблестные воины Ордена Чистоты! Я забыл упомянуть харьковских оружейников, ростовщиков Киева и хозяев Моста?! Привет вам, лучшие из лучших! Здравствуйте, перевозчики и доставщики! И даже вас, топливные короли Московии, привечу я на волнах «Радио-Пустошь»!

Пока Скиталец болтал, Туран достал из-под сиденья корзину Бруты, нащупал пузатую тыквенную флягу, вытащил пробку и отхлебнул прохладной воды, очищенной угольными фильтрами. «Панч» проехал мимо длинного здания, над входом которого висели большие буквы:

УНИ ЕР АМ

Задняя стена и крыша были полностью засыпаны песком, боковины – на треть. За «униерамом» виднелись развалины домов.

Когда грузовик накрыла большая тень, Туран высунул голову из кабины и посмотрел вверх. Над «Панчем» медленно ползла одна из тех штуквин, что иногда появлялись в небе поблизости от фермы. Огромный остров, серебристый с голубоватым отливом, парил высоко над землей.

Никто не знал, что это такое. Люди называли острова платформами, но кто создал платформы, сколько их и какая сила поддерживает в воздухе эти необычные сооружения – было неизвестно. Сколько Туран себя помнил, острова парили над Пустошью, недостижимые для ружейных пуль и безразличные к роду людскому.

Вскоре платформа скрылась за облаками. Дорога, плавно изгибаясь, тянулась вдоль русла высохшей реки, бывшей когда-то притоком Днепра.

В сухой сезон от жары не скрыться, даже сейчас, когда он подходит к концу. В полдень помехи забьют эфир, радиоприемник придется выключить. Но пока утро, голос Шаара льется из динамика так отчетливо, будто он восседает на сиденье рядом.

– Новости из далекой Рязани принесла на хвосте птичка-мутафаг, – жизнерадостно вещал Скиталец в своей неповторимой манере. – Декаду назад двое честных бродяг, известных как Отрубь и Лысый, встретили пятнистого ящера-маниса, который спустился с дюны и прошел мимо с сурком в зубах. Если это правда, то жителей Рязани ожидают большие неприятности в сезон дождей. Без малого два цикла минуло с тех пор, как пятнистых извели охотники, нанятые поселянами. Если твари объявятся опять, никто не поможет Рязани. Ходят слухи, что в прошлый раз поселок заплатил охотникам лишь часть обещанного, заживив два десятка шкур ползунов и дюжину кувшинов браги...

Туран никогда не видел ящеров, зато Назар рассказывал о сухопутных акулах, что наводят страх на обитателей Донной пустыни.

– Однако Шаар погрешит против истины, если умолчит о том, что, по свидетельствам людей из тех мест, честные бродяги Отрубь и Лысый – забулдыги, каких поискать. Каждое утро они заливают zenки кукурузной водкой, которую выменивают на найденные в развалинах древние безделушки, после чего дрыхнут в брошенных холмовейниках. И потому верить этим славным парням Шаар рискнул бы не больше, чем атаману Макоте. А уж Макоте не верит даже сам Макота. Вскоре нас ждут коммерческие объявления, отчет о курсах обмена на рынке и другие новости. А пока что ознакомьтесь с песенкой, которую специально для вас исполняют четверо парней из Рязани. Парни каждый вечер надрывают глотки в одном из тамошних кабаков и называют себя «Банда четырех»...

Скиталец замолчал, из динамика понеслась заунывная мелодия, сопровождаемая гнусавыми голосами. Они вразнобой исполняли балладу о девушке, которая влюбилась в мутанта с севера Пустоши.

Начался трудный участок дороги – крутые повороты между широкими глубокими воронками. Некоторые были затянуты паутиной гигантских тарантулов, другие заросли чертополохом и лозой-колючкой.

На мотоциклетке Туран проскочил бы этот участок быстро, не снижая скорости, но «Панч» неповоротлив – езда оказалась под стать балладе «Банды четырех», такой же унылой. В песне говорилось о том, как юная красавица собралась сбежать с мутантом в глубь Пустоши, но о планах девушки прознал отец, которому вовсе не улыбалось, чтобы единственная дочь смылась с каким-то уродом, ведь он хотел выдать ее замуж за сына поселкового богатея и получить приличный калым. Отец позвал на помощь монахов из московского Храма. Ранним утром те подстерегли мутанта у сарая за домом, где жила его возлюбленная. Нелюдь как-то умудрился обмануть охотников и сбежал. Началась погоня, как водится, с криками и стрельбой. Услышав шум, девушка выскочила из дому в одной ночной рубашке и бросилась за монахами. На берегу «туманного обрыва» она, непонятным образом опередив преследователей, нагнала любимого мутанта, обняла его и закрыла своим телом. Но монахи все равно разрядили в парочку свои крупнокалиберные карабины, и на глазах у подбежавшего отца влюбленные упали с обрыва в глубокое ущелье.

На этом песня закончилась, а Туран миновал опасный участок.

Солнце поднялось выше, слышимость стала хуже, но слова Скитальца все еще можно было разобрать. Включив для фона ненавязчивую мелодию, он рассказал про бойца Ставридеса по прозвищу Рука-Молот, знаменитого чемпиона обеих Арен, московской и той, что находится в Городе-Корабле. Нынче Ставридес отошел от дел и на заработанные в боях деньги построил некую чудо-машину, на которой передвигается по Донной пустыне, воюя с тамошними мутантами.

Дальше дорога сбегала с пологого берега высохшей реки, пару километров тянулась по дну Сухой и пересекала противоположный берег. Выворачивая руль и часто глядя по сторонам, Туран слушал радио: Шаар рассказывал новости с Корабля.

Город-Корабль находился очень далеко на юге, в самом диком и опасном районе Донной пустыни. Там была Арена, вторая по величине после московской, где сходились для боев лучшие бойцы – как свободные, так и рабы. И там когда-то сражался сам Ставридес Рука-Молот! Туран конечно же мечтал побывать на Арене, хотя понимал, что это вряд ли осуществимо.

Теперь голос Шаара едва пробивался сквозь треск помех – солнце подобралось к зениту. А Туран преодолел половину пути.

* * *

Он сбавил скорость на подъезде к Столовой горе, невысокой и очень широкой, с пологими склонами. Хотелось пить, но фляжка опустела. Вода есть в кузове, в отсеке под полом

всегда несколько фляжек лежит, но останавливаться, когда ты один в машине, посреди степи опасно. «Ладно, – решил Туран, – заеду наверх и встану, там все видно как на ладони. Не буду двигатель глушить: залезу в кузов, возьму воду и сразу назад».

Вершина горы поросла низкими кустами, они дрожали в жарком полуденном мареве. Туран то и дело посматривал в зеркало заднего вида, наклонялся к дверце и привставал – нет, никого. Он остановил «Панч», не глуша двигатель, забрался на полку и выглянул из башенки. Отсюда открывался вид на поле, за которым темнел остроконечный клык – Железная гора, где обитали Знахарка со Стариком.

Туран спрыгнул с полки; протиснувшись между сиденьями, сдвинул дверцу и шагнул в кузов. Нашупал выключатель, щелкнул. Загорелась лампочка, запитанная от аккумулятора «Панча», тусклый свет выхватил из темноты пару узких коек у бортов, прикрученный к полу столик, сундук, два железных ящика...

Что за ящики? Обойдя их, он приподнял тяжелую крышку сундука. И присвистнул, увидев содержимое. Несколько краях домашнего хлеба, банки с консервацией, ломти вяленого мяса... Ого! Еды – троим на несколько декад хватит. Значит, и вправду ценную микстуру Знахарка сделала, раз отец за нее столько отвалил.

Вдруг мать выживет?

Мысль мелькнула – и пропала, оставив после себя тоскливое ощущение. Неправда, не выживет она, быть такого не может. Земляная лихорадка в этой стадии неизлечима. Микстура Знахарки разве что ослабит боль во время приступов.

Туран присел, сдвинул лючок в полу и достал пузатую флягу. Шагнул к дверце, ведущей в кабину, зацепился за угол железного ящика. Что же все-таки там лежит? С одной стороны, это не его дело, а с другой – он ведет грузовик, значит, должен знать, что находится в доверенной ему машине.

Или не должен. Но уж очень любопытно.

Повозившись с защелками, Туран взялся за скобы-ручки, откинул крышку... и уставился на три завернутых в промасленную ткань ружья. Рядом в ячейках лежали самодельные гранаты, изготовленные в фермерской мастерской. Десять штук! Такие гранаты стоят дорого, Назар делал их только по заказу отца, а тот понапрасну не отвлекал своего главного механика, ведь работы на ферме и без того хватало.

Десять гранат – это же целое состояние!

Еще в ящике были жестянки с патронами и два пистолета, обычный и двуствольный.

Да что ж это такое? Гранаты, пистолеты... Туран открыл второй ящик, оглядел лежащие там боеприпасы и оружие. Зачем в кузов запихнули целый арсенал? Происходило что-то совсем непонятное.

Покачав головой, он закрыл ящики. Отец ясно сказал: Знахарке за микстуру отдать продукты. Об оружии речи не шло. Значит, приехав на место, ящики из кузова Туран доставать не будет. Вернется, тогда и спросит у отца с Назаром, что за блажь на них нашла.

Он перебрался в кабину. Прежде чем завести «Панч», взглянул в прореху между листами лобовой брони – и, бросив флягу, прыгнул на полку оружейной башни. Схватил штуцер, выставив длинный ствол в бойницу, прицелился в человека, быстро идущего к грузовику.

Незнакомец был одет необычно для этого района Пустоши, здесь такого не носили: короткие бриджи, шерстяные носки до колен, рыжие ботинки, кожаная жилетка. Обтягивающая голову шапка с ремешком, большие очки с резиновыми ободками и выпуклыми тусклыми стеклами. Они скрывали пол-лица, поэтому Туран Джай не сразу понял, что к грузовику приближается девушка.

Глава 2

Еще секунду Туран разглядывал незнакомку в прицел, потом опустил штуцер. Девушка шла очень быстро, почти бежала. Оружия у нее не было. Положив штуцер на полку, он крикнул в бойницу:

– Стой! Не подходи близко!

Порыв ветра донес приглушенный стук и грохот, похожий на раскаты грома, – он не сразу понял, что это звуки выстрелов.

Услышав голос, незнакомка замедлила шаг, но не остановилась. Сцепив руки над головой, прокричала:

– Помогите нам! Быстрее!

– В чем дело? Стой на месте, говорю! – Он опять схватился за штуцер, но было поздно: девчонка нырнула в сторону и скрылась из виду.

Туран слетел с полки, зацепив прикладом сиденье. Ствол уперся в стекло правой дверцы, за которым возникла голова в кожаной шапке – незнакомка забралась на подножку. Ручка задергалась, но запертая изнутри дверца не открывалась. Девушка подняла на лоб очки и прищурилась, заглядывая в кабину.

– Эй! – донеслось снаружи. – Я тебя вижу! Помогите... помоги, пожалуйста! Быстрее! У меня нет оружия, а Карабан сам не справится! – Она показала пустые ладони и повторила: – У меня нет оружия.

Глаза большие и карие, округлое лицо, розовые щеки, полные губы, ровные белые зубы. Опустив ружье, Туран с изумлением глядел на незнакомку. Кожаная шапка и очки, цветущий вид... Летуны! Она из Гильдии небоходов!

Ручка опять задергалась. Положив штуцер на пол, он открыл дверцу, и девушка нырнула в кабину.

– Ты один? – спросила, оглядываясь. – Есть кто-то из взрослых?

– Я взрослый, – сказал Туран.

– Ты... Ну хорошо, хорошо! Где ружье? Бери его, и пошли. – Она схватила штуцер и полезла из кабины.

Решив, что с него хватит, Туран взял девушку за плечо и толкнул обратно на сиденье. Заглянув в полное тревоги лицо, приказал грозным – во всяком случае он на это надеялся – голосом:

– Не дергайся. И отвечай на вопросы, а то никакой помощи не будет.

– Но Карабан...

– Отвечай!

– Хорошо! – Она оттолкнула его руку. – Что ты хочешь знать?

– Как тебя зовут?

– Аюта. Я Аюта Чиорана из роя Небесных Шмелей.

– Рой... Ты из летунов, да?

– Да, ползуны называют нас так. А на самом деле мы...

– Какие еще ползуны? – удивился Туран.

– Ну, вы... – Девушка смутилась. – Люди Пустоши. Наземники.

– Но мы не ползаем.

– Нет, но... сверху кажется, что ползаете. Рожденный ползать летать не может, – заявила вдруг Аюта Чиорана, и подбородок ее задрался вверх. Впрочем, горделивое выражение тут же сменилось тревогой, когда выстрелы загрохотали с удвоенной силой. – Пожалуйста, спрашивай быстрее!

– Как ты сюда попала?

– Мы приземлились рядом. Авиетка... В нас попали. Карабан сказал, что быстро починит, поломка плевая. Он стал чинить, но тут появились эти люди...

– Какие люди? – насторожился Туран. Неужели бедуины из Глубокой Пустоши забрели так далеко на юг?

– Не знаю, кто они. Их было трое, одного Карабан убил. Я увидела твою машину, как она поднималась по склону, и побежала звать на помощь. Они меня не заметили, точно. Хотя... – Девушка прикусила губу. – Может, и заметили. Послушай! Надо идти, они же убьют дядю!

– Не идти. – Туран взялся за руль. – Ехать.

«Панч» тронулся с места.

– Где твоя авиетка?

– Вон там, – показала Аюта направление. – За тем холмом, который поменьше, где длинный овраг. Отсюда не видно, но если возьмешь левее и объедешь...

– Ладно, понял. Стрелять ты не умеешь, наверное?

– Получше тебя стреляю!

– Ну, это вряд ли. Хорошо, бери штуцер и становись на ту полку сзади. Вверху бойница. Там тоже полка, к ней прикручена жестянка с патронами. Давай!

«Панч» ехал по склону Столовой горы, приближаясь к холму с длинным кривым оврагом у подножия. Туран видел это место тысячу раз, когда проезжал мимо, но ни разу не сворачивал туда.

Выстрелы звучали всё громче. Аюта Чиорана подняла тяжелый штуцер и полезла в башню.

Туран спросил:

– Ты уверена, что их только трое было? Бедуины вроде по трое не ездят.

– Это не бедуины! – крикнула Аюта с полки. – Какие-то бандиты!

– Откуда знаешь?

– Кочевники ведь смуглые и на ящерах, а эти обычные, приехали на двух мотоциклах!

Тут он увидел первого врага. И узнал его – Шакал из банды атамана Макоты. Недавно Шакал приходил на ферму отца, чтобы передать послание главаря. Борис Джай-Кан тогда залепил гонцу такую оплеуху, что тот кубарем вылетел через калитку в воротах.

Прячась за большим камнем, Шакал заряжал обрез. Дальше стояла авиетка – пара двойных крыльев, пропеллер, открытая кабина с выпуклым фонарем. У переднего шасси лежал человек в одежде небоходов, с большим оружием в руках. Он нажал на спусковой крючок, и ствол исторг сноп пламени, потом еще один, еще... Загрохотало, Шакал вжался в землю. Когда летун прекратил стрельбу, дробный грохот смолк. Пустой магазин упал на щебень, человек достал из нагрудного кармана другой, не глядя ткнул в отверстие приемника. Это был автомат, Туран слышал о таком оружии, расходующем огромное количество пуль, но никогда раньше не видел.

Воспользовавшись паузой, Шакал пальнул из обреза, и между холмами гулко бахнуло эхо. Дробь, не причинив вреда летуну, ударила в фюзеляж авиетки.

Когда Аюта Чиорана выстрелила, отдача едва не сбросила ее с полки. Пуля выбила фонтанчик пыли у колена Шакала, тот откатился и наконец заметил грузовик.

Далеко в стороне от авиетки чадила груда искореженного металла и покрышек – взорвавшийся мотоцикл. Позади лежал мертвый бандит, убитый автоматной очередью, зацепившей и бензобак машины. Второй мотоцикл, целый, стоял еще дальше, за его коляской прятался Чеченя, личный помощник Макоты.

Встав на колени, Чеченя прицелился в летуна из двустволки. Левый глаз бандита скрывала черная повязка. Он выстрелил, и летун вскрикнул. Автоматная очередь захлебнулась.

– Держись! – крикнул Туран девушке, утопив педаль газа.

Двигатель взревел, грузовик рванул вперед.

Шакал, бросив обрез, выхватил из кобуры пистолет и направил в лобовое стекло «Панча». Туран сжался на сиденье, пригнув голову, резко затормозил.

Аюта Чиорана выстрелила во второй раз.

Едва не наехав на бандита, «Панч» остановился. Пуля лязгнула по лобовой броне. Аюта опять выстрелила.

Нырнув в проем между сиденьями, Туран сунулся в кузов. Лампочка все еще горела; откинув крышку ближайшего ящика, он схватил револьвер и жестянку с патронами. На ходу заряжая оружие, вернулся в кабину. Аюта по-прежнему стояла на полке.

– Не подпускай их к машине! – крикнул Туран, распахнув дверцу. Мотоцикл, за которым прятался Чеченя, находился по другую сторону грузовика.

– Одного я ранила! – донеслось в ответ.

Туран присел на подножке, осторожно выглянул и спрыгнул на землю, сжимая револьвер обеими руками. Шакал лежал перед кабиной, глядя в небо остекленевшими глазами, на груди темнело пятно – девушка не ранила, а убила бандита.

За грузовиком гроыхнула двустволка Чечени.

– У меня патрон перекосило! – крикнула Аюта. – Стреляй, пока он перезаряжает!

Туран замер в нерешительности. Ему ни разу еще не доводилось участвовать в подобных переделках, он просто не знал, как действовать.

– Осторожно! Он уже рядом!

Сердце колотилось, во рту пересохло, звенело в ушах. Из-за машины доносился звук шагов – бандит подбирался все ближе.

– Стреляй же!

Вдруг Туран понял, как надо поступить. Он стоял за колесом, Чеченя не мог его видеть. Бандит наверняка ожидает, что противник либо покажется в окошке правой дверцы, либо обойдет грузовик, чтобы высунуться сзади или спереди...

Выставив револьвер перед собой, Туран боком упал на острые мелкие камни. В широком просвете между землей и днищем грузовика он увидел ноги в сапогах на высоких каблуках – и начал стрелять.

Мика и некоторые батраки помоложе завидовали этому умению старшего сына фермера. Отец говорил, что оно досталось ему от деда, погибшего в Первой городской войне, когда Орден Чистоты сцепился с Цехами харьковских оружейников.

Туран не отличался особой силой, ловкостью или быстротой. Зато он умел стрелять. Это был природный талант, а не результат долгих тренировок – патроны стоили дорого, расходовать их попусту фермеры не могли себе позволить. И все равно старший сын Бориса Джай-Кана был лучшим стрелком в округе.

Он трижды надавил на спусковой крючок – и трижды попал.

Пули пробили кожу шегольских сапог Чечени, тот с криком упал. Увидев противника под машиной, бандит выстрелил в ответ, но взял слишком высоко. Туран вскочил, выпрыгнув из-за грузовика, в четвертый раз нажал на спуск. Пуля угодила в цевье двустволки, выбила ее из рук Чечени. Тот бросился назад к мотоциклу.

Туран выругался. Три ранения в ноги – не то что бегать, ходить после такого невозможно! Значит, в сапоги вшиты пластины панцирных волков.

Взревел двигатель мотоцикла. На подножку «Панча» из кабины выбралась Аюта.

– Твое ружье не стреляет! – крикнула она.

В револьвере остался один патрон. Туран побежал вокруг грузовика, перескочил через тело Шакала. Мотоцикл быстро катил мимо холма, коляска подпрыгивала на кочках, Чеченя в седле низко пригнулся. Вскинув револьвер, Туран выстрелил, но мотоцикл сильно качнулся, и он попал в плечо, а не под левую лопатку, как хотел.

– Великое небо! – прошептала девушка сзади.

Бандита швырнуло на руль, мотоцикл вильнул и исчез за холмом. Еще несколько секунд Туран глядел ему вслед, не опуская разряженное оружие, потом обернулся. Аюта Чиорана, прижимая штуцер к груди, смотрела на мертвого Шакала.

– Я его убила, – сказала она. – Убила одним выстрелом.

– Ну да. – Туран шагнул к ней. – Ты же ему в грудь попала, да еще таким калибром. Конечно, убила.

Девушка перевела на него растерянный взгляд. Ружье, выскользнув из рук, упало.

– Осторожно, оно дорогое!

– Я никогда раньше не убивала, – пробормотала Аюта, не слушая. – Ни разу. Только видела, как другие... Карабан! – воскликнула она и побежала к авиетке. – Дядя, как ты?

Стараясь не глядеть на мертвого Шакала, Туран подобрал штуцер, повесил на плечо и побрел за девушкой. Руки дрожали, мысли путались, в голове еще гуляло эхо выстрелов.

Под авиеткой, привалившись к колесу, сидел небоход. Пуля попала ему в левую руку немного выше локтя, кровь бежала по запястью.

– Ничего, крошка! – бодрым басом пророкотал Карабан. – Подранило, но не смертельно, не хнычь.

Голову летуна украшала такая же, как у девушки, кожаная шапка, очки были сдвинуты на лоб. Морщинистое лицо, решительно выступающий подбородок, длинные седые усы – очень лихие, с закрученными кончиками.

– Я не хнычу, – сказала Аюта. – Я только...

– А чего ж бледная, как мочалка?

Завидев Турана, летун потянулся к автомату, лежавшему на земле рядом.

– Дядя, это друг.

– Чей друг? – прищурился Карабан. – Твой? Когда успели подружиться?

– Он не бандит, просто ползун, проезжал мимо, я его остановила, и он нам помог.

– А откуда знаешь, что не бандит? – спросил пилот, разглядывая Турана.

Авиетка показалась фермерскому сыну настоящим чудом техники: лакированные деревянные и хромированные металлические детали, туго натянутые тросики, стеклянный фонарь, винт... Погладив продырявленную дробью обшивку, Туран пояснил:

– Я фермер, ехал по своим делам. Ты сильно ранен? Могу отвезти к Знахарке или на ферму отца. Но лучше к Знахарке, у нее есть разные снадобья, она поможет.

Карабан покачал головой и медленно встал, опираясь на стойку шасси. Аюта взяла его за локоть, но летун отстранил племянницу:

– Карабан Чиора пока что может обойтись без помощи девчонки!

– Ты, дядя, все-таки такой... такой... – не договорив, девушка полезла в кабину. – Подожди, я достану бинт.

Придерживая пострадавшую руку, Карабан обошел авиетку, с озабоченным видом разглядывая фюзеляж. Аюта Чиорана вытащила из-под сиденья черную сумку и спустилась обратно.

– Ну хорошо, ползун, – сказал Карабан, остановившись перед Тураном. – Как, говоришь, тебя звать?

– Я не ползун, – буркнул Туран. – Вы, летуны, совсем неученые.

Карабан приподнял седую бровь.

– Разговорчики! – хмыкнул он. – Впрочем, понимаю, такое слово может быть обидным...

– Оно и вправду обидное. Ползуны – это такие твари, сразу и звери, и насекомые. Похожи на больших гусениц и живут в холмовейниках по всей Пустоши. Вы что, не знаете этого?

Небоходы переглянулись.

– Пикасы, – сказала Аюта. – Наверное, он про пикасов.

Открыв сумку, девушка достала бинт с лекарствами и велела дяде снять куртку.

– Пулю достанем в Крепости, – решила она. – Я пока только сделаю дезинфекцию раны и забинтую. Сядь.

Аюта свинтила крышку с плоской серебристой фляжки, которую вместе с бинтом вытащила из сумки. Карабан уселся прямо на землю и потянул носом воздух.

– Э, погоди, племяха! Мне и самому надо сделать дезинфекцию, изнутри. Дай-ка лекарство. – Скинув куртку, он закатал рукав свитера и отобрал у Аюты флягу.

– Дядя! – возмутилась девушка. – Ты же ведешь авиетку!

Карабан важно кивнул:

– Правильно, и она быстрее полетит, если пилот хорошенько заправится.

Аюта попыталась выхватить флягу, но дядя не отдал. Стащив с головы очки, он повесил их на сгиб локтя, сделал большой глоток и крикнул. Щеки его порозовели, седые усы встопорщились. Плеснув из фляжки на рану, летун стиснул зубы.

– Вот так! – Он вновь приложился к горлышку, вытер губы ладонью и протянул флягу Турану. – Хлебнешь, малец?

Тот покачал головой:

– Мне надо идти. То есть ехать. Меня ждут.

– Выпей, выпей, – настаивал летун. – Ты же с фермы, да? Фермерский сынок? Вряд ли тебе каждый день приходится стрелять в людей.

– Нет, он молодец, – возразила Аюта, бинтуя раненую руку дяди. – Если бы не он, тебя убили бы. И меня, наверное, тоже...

– Может, и так, – согласился Карабан, все еще протягивая фляжку. – Ладно, не робей, хлебни.

Из вежливости Туран взял флягу и, сделав маленький глоток, поперхнулся. Да уж, это не самогон и не вино, которое делают на виноградниках Ордена. Напиток для настоящих мужчин – крепкий, но без сивушного духа. Горло обожгло, он закашлялся. В голове зашумело, на глазах выступили слезы.

– Ага! – усмехнулся Карабан, наблюдая за ним. – Проняло с непривычки?

– Крепкое, – согласился Туран, разглядывая необычную флягу.

– Натуральный спирт.

– У нас такого не делают.

– Точно. Этими напитками балуются только в Московии да механики в нашей Крепости.

Туран хотел вернуть Карабану флягу, но тот махнул рукой:

– Оставь себе. Похвастаться перед своей девчонкой, что пил с небоходами, отца угостишь. У тебя ведь есть девчонка и отец?

Покончив с перевязкой, Аюта закрыла сумку.

– Спасибо. – Туран снова попытался вернуть емкость владельцу. – Возьмите, она, наверно, дорогая... – Он замолчал, разглядывая степь за холмами.

К Столовой горе что-то быстро двигалось со стороны Киева.

– Что это? – спросил Туран. – Это ваши друзья? На помощь спешат?

Летуны оглянулись, и Аюта ахнула:

– Монахи! – Она полезла в кабину. – Дядя, это Орден, надо взлетать. Ты ведь успел починить?

Лицо Карабана окаменело. Секунду он всматривался в приземистые черные силуэты, окутанные облаком пыли, потом рывкнул:

– Солнце сожги этих жрецов! Можем не успеть! Демоны облаков, можем не успеть! – И полез в кабину вслед за Аютой.

– Дядя, но ты не починил элерон! – крикнула она. – Мы толком не наберем высоту!

В кабине было два сиденья – Туран видел края спинок. Пока девушка усаживалась на заднее, Карабан оглянулся.

– Элерон... – пробормотал он. – Да, элерон... Эй, парень! С какой ты фермы?
– Бориса Джай-Кана, – ответил Туран. Он слегка растерялся – события развивались слишком быстро.

– А звать тебя как? Куда едешь?

– Туран Джай. Еду к Железной горе.

Мотор авиетки загудел.

– Это такой темный конус на юго-западе?

– Да, он из спрессованного железного лома. Кто за вами гонится?

– Погоди-ка минуту, Туран Джай! – Летун обернулся и прокричал спутнице, перекрывая гул мотора: – Дай ящик! Быстрее!

Пропеллер авиетки вращался, дул ветер. Туран отступил. Девушка достала из-под сиденья плоский металлический ящик с ручкой, передала Карабану. Мотор загудел громче, лопасти винта превратились в серый туманный диск.

Пылевое облако быстро приближалось.

– Вот что я тебе скажу, Туран Джай! – Карабан протянул ему ящик. – Возьми это и спрячь. Мы или наши друзья найдем тебя. Даже если монахи собьют нас, мы по радио передадим сведения о тебе... Ну, лезь сюда, быстро! Бери!

Туран забрался по лесенке, с сомнением разглядывая ящик. Он не был уверен, что ему хочется вмешиваться в чужие дела.

Аюта прокричала:

– Дядя, ты что?! Мы его совсем не знаем...

– А есть другой выход?! Авиетки не взлетают высоко, нас догонят, могут сбить. Я ранен, не знаю, дотяну ли до Крепости. Но тем, что у нас на борту, они завладеть не должны! Эй, фермер!

Когда Туран встал на верхней ступеньке, лицо Карабана оказалось прямо перед ним. Летун шурился, длинные усы трепал ветер.

– Возьми его, ну! – Он сунул железный ящик Турану, и тот ухватился за ручку.

– Но что это?

– Очень важная вещь, – сказал летун. Всякая веселость исчезла из его голоса, он стал суровым, почти грозным. – Слишком долго объяснять.

– Но я же должен знать, что это!

– Нет, не должен. Даже не пытайся вскрыть ящик – умрешь на месте, понял? И никому не рассказывай, что когда-то держал его в руках. Даже отцу, даже своей девчонке!

– У меня нет девчонки.

Карабан не слушал. Он дернул рычаг, и авиетка покатила, подпрыгивая на мелких камнях, набирая ход. Когда Туран собрался прыгнуть, сильная рука схватила его за плечо.

– Спрячь где-нибудь, затаись и жди. С тобой свяжутся. Сохранишь эту вещь – заработаешь много монет. Слышишь? Станешь богатым. Но если ящик пропадет, если что-то с ним случится, продашь кому-то, попробуешь сбежать с ним или вскрыть... тебя найдут, Туран Джай. Найдут и убьют. Тебя и твою семью – всех! Ты хорошо меня понял?

Карабан глядел жестко, глаза прищурены, губы крепко сжаты. Только усы, колыхавшиеся на ветру, придавали ему какой-то несолидный вид.

Туран кивнул.

– Я понял, – сказал он.

– Теперь быстро отсюда, пока еще не поздно! – скомандовал небоход и толкнул его в грудь.

Спиной вперед прыгнув с лесенки, Туран едва не упал. Пятясь, прижимая легкий ящик к груди, он смотрел, как авиетка разворачивается в сторону долины между грядами холмов. Там можно было разогнаться и взлететь.

- Удачи! – Аюта Чиорана махнула рукой. – Спасибо тебе – и прячься!
- Но что это такое?! – крикнул Туран, подняв над головой ящик.
- Хозяин неба! – проревел Карабан Чиора, не оглядываясь. – Это хозяин неба!

Глава 3

Туран опомнился, когда авиетка уже взлетела. Недоуменно посмотрел на ящик в своих руках и только теперь заметил, что серебристая фляжка все еще у него.

Подбежав к «Панчу», он поставил ящик на пол кабины, сел за руль, осмотрелся и повел грузовик к расселине у подножия холма. Спрятав там «Панч», взял штуцер, залез по склону и улегся на вершине. Вскоре он отчетливо разглядел машины – рамы из толстых труб, широкие колеса, низкие кабины. Там сидели люди в черных полурысах.

Монахи не признавали глушителей, рев мощных движков разносился по всей равнине. Автомобили Ордена Чистоты называют «тевтонцами» – Туран не знал, что означает это слово. Ямы и кочки им нипочем, на скорости машины просто перепрыгивают их. Там, где «Панчу» надо сделать крюк, «тевтонцы» даже не притормаживают. Нет дверей, нет стекол и зеркал, аскетам все это ни к чему. Нет даже кузова. Двигатель и человек, бак и колеса. В результате – скорость и проходимость, которым можно только позавидовать.

Когда кавалькада «тевтонцев» пронеслась мимо, Туран заметил пулеметы на нескольких машинах. От рычания двигателей звенело в ушах. Притаившись на холме, он смотрел вслед колонне, окутанной клубами пыли и дыма из выхлопных труб, черного, как полурысы монахов.

Загрохотал пулемет, продырявив небо очередью трассеров. Туран проследил за белой полосой – патроны зря потрачены, авиетка пока слишком далеко. Пулемет смолк, «тевтонцы» мчались за небоходами, быстро удаляясь. Туран наблюдал за погоней, пока облако пыли и дыма не растворилось в горячем воздухе над дальними холмами.

Платформа в небе, бандиты, летуны, монахи... происходящее совсем выбило его из колеи. День и так был полон необычного: странное поведение отца, поездка к Железной горе в одиночку, да к тому же на «Панче» – уже только это будоражило мысли и чувства. А тут еще такое!..

Вернувшись к машине, успевшей изрядно нагреться на солнце, он первым делом осмотрел ящик. Похож на чемоданчик, только железный, и нет ни замка, ни защелок, ни петель. По периметру едва различимая щель, значит, ящик не цельный, он как-то открывается. Ручка – железная скоба, аккуратно приваренная к торцу. Металл гладкий, твердый и достаточно толстый, чтобы не прогнуться. Вскрыть такой будет нелегко. Но Назар в своей мастерской, конечно, справится...

Туран отогнал эту мысль. Слова Карабана Чиоры он запомнил хорошо: «Не пытайся вскрыть – умрешь на месте... никому не рассказывай, что держал его в руках... найдут и убьют, тебя и твою семью».

Он не хотел впутывать родных и всех обитателей фермы в интриги сильных мира сего. С Гильдией небоходов и Орденом Чистоты не шутят. А значит, надо просто спрятать ящик понадежнее и забыть про все это, пока посланники Небесных Шмелей не найдут его.

Солнце медленно катилось к горизонту, жара спадала. Когда грузовик подъезжал к Железной горе, в приемнике вновь прорезался голос Шаара Скитальца. Шаар рассказал, что вскоре на Арене Корабля сойдутся в схватке Громобой Московии, звезда боев без правил с севера, и Костяная Дубина, таинственный боец, которого никто не видел без глухого кожаного костюма и маски.

«Панч» проехал мимо большого холмовейника, сплошь покрытого высокими слоистыми башенками и трещинами. Сейчас все входы-выходы закупорены, откроются они лишь с наступлением сумерек. Охотники с фермы говорили, что на востоке Пустоши живут особые ползуны

– огненные, которые не боятся солнечных лучей. Но здесь, в южных районах, обитала только ночная порода.

Железной горой фермеры называли темный конус с крутыми склонами и покато́й вершиной. Давным-давно сюда стянуло весь металл, что был в окрестностях: части древней техники, арматуру, дверные петли, железные миски, крышки канализационных люков... Неизвестная сила сплющи́ла все это, срастила в общую массу. Потом гору много раз засыпали песчаные бури, но даже теперь, спустя десятки лет, на поверхности конуса просматривались очертания смятых автомобилей и газовых колонок, искореженных вагонов и цистерн, балок, тросов, цепей и другой рухляди. Вид получался чудной и слегка зловещий. Назар говорил: в этом месте после Погибели образовалась патогенная зона. *Гравитационно-магнитная аномалия*, вот как он выражался. Туран не очень-то понимал, что это значит. Зато он хорошо понимал другое: только такие чудачки, как Знахарка и ее брат Старик, могли поселиться в подобном месте.

Деревья вокруг Железной горы не росли, кроме одного – древней липты, возле которой Туран и остановил машину. Заряжая револьвер, он вспомнил, что в перестрелке у Аюты отка́зало ружье. Проверил – и правда переко́сило патрон. Быстро справившись с неполадкой, Туран повесил штуцер на крюк в башенке, разыскал в кузове кирку и лопату и, захватив ящик летунов, выбрался наружу.

Помимо Знахарки со Стариком, людей здесь не было. Животные, птицы, насекомые – никто не жил в этом месте. Ветки липты сухо потрескивали на ветру, шелестели жесткие, будто из жести вырезанные листья. На дерево Железная гора тоже повлияла: корни вылезли из каменистой почвы, крона закручивалась широкой спиралью. Кора у липты была зеленовато-желтая и мягкая, а еще от нее непривычно пахло.

Выкопав яму между корнями, Туран снова осмотрел ящик. Не горячий и не холодный, не тяжелый, но и не сказать, что совсем легкий. Что-то крупное в нем не поместилось бы. Туран осторожно потряс ящик, но ничего не услышал.

Он спрятал «хозяина неба» в яму, засыпал, набросал сверху травы, отошел. Приглядевшись, вернулся и подровнял так, чтобы это место не бросалось в глаза случайному путнику. Снова отошел. Теперь ни за что не определить, что между корнями кто-то ковырял землю. А потом еще вырастет новая трава... Да никому и в голову не придет рыться под старой липтой у Железной горы.

Туран сел в грузовик и поехал дальше.

Шаар Скиталец рассказывал о ценах на какой-то «мамми», который продается на Мосту, о том, сколько серебра нынче дают за мешок кукурузной муки и сколько придется выложить за десяток куриц и бочонок сладкой патоки. Голос его все слабее доносился сквозь шипение – вокруг Железной горы всегда сильные помехи, – и в конце концов Туран вырубил приемник. Револьвер он сунул в боковой карман, хотя смысла в этом не было: в кого здесь стрелять? Но уж очень угнетающе на него действовала эта гора.

«Панч» медленно катил вдоль отвесного склона. Стало тяжело дышать, в глазах плясали искры, Туран часто сглатывал, морщился и тер лоб. В ушах звенело – неприятно, назойливо. Придерживая руль коленом, он прижал к ушам ладони, но звук только усилился. Звенели воздух и земля под колесами, склоны вокруг – звенело все это необычное место.

Достигнув свободного от камней участка дороги, Туран повернул на широкую тропу, серпантинном огибающую Железную гору. Двигатель натужно гудел, но звон в ушах заглушить не мог. И как Знахарка с братом изо дня в день выносят это? Или они ничего не слышат? А может, излучение горы усиливает знахарские способности старухи? Но при этом и сводит с ума. Оба старика – люди, мягко говоря, чудаковатые.

Еще два витка спирали, и дорога, немного не дотянув до вершины, стала горизонтальной. Взгляду открылась обширная расселина в склоне. За много лет сюда нанесло земли, на которой выросли трава и чахлый кустарник. В расселине стояла хижина.

Туран резко нажал на тормоз, увидев обугленные стены, провалившуюся крышу и сломанную изгородь. Раздался выстрел. Пуля ударила в центр лобового стекла между листами брони, и по нему разошлась паутина трещин.

«Панч» встал. Распахнув дверцу, Туран скатился с подножки, отпрыгнул и присел за колесом. Выхватив из кармана револьвер, он прицелился в человека, сидевшего рядом с хижинной, но узнал Старика и опустил оружие.

Старик всегда казался ему средоточием контрастов. Грива седых волос, длинная борода, широкие плечи, крепкая шея, суровое лицо с крупными чертами – и трясущиеся руки, ввалившиеся щеки, неловкие движения...

Хозяин хижины полулежал у обугленной бревенчатой стены, вытянув ноги. Он держал древнее, как сама Пустошь, ружье с узким раструбом на конце ствола. Когда Туран выскочил из грузовика, руки Старика бессильно опустились, и оружие упало.

– Это я! – прокричал Туран. – Сын Бориса-фермера! Старик, слышишь? Не стреляй!

Клетчатая рубаха на груди хозяина потемнела от крови. Бледное морщинистое лицо было обращено в сторону машины.

– Не стреляй! – повторил Туран.

Старик попытался поднять лежащее на коленях ружье, но не смог и прохрипел, вперив в гостя мрачный взгляд:

– Ты... Подойди.

Туран медленно двинулся к нему. Отец и Назар рассказывали, что когда-то этот человек много путешествовал, сражался с мутантами Восточного фронта и кочевниками, от которых получил прозвище Счина-Ленгу – Воин Пустоши. Хоть руки его и дрожали, Старик все еще оставался отличным стрелком, это он преподавал старшему сыну Бориса Джай-Кана первые уроки. Годы и аномальное излучение Железной горы повлияли на психику Счина-Ленгу: он заговаривался, слышал призрачные голоса, Знахарка рассказывала, что иногда брат молчит по несколько дней...

Его ранили трижды: пулевое отверстие в груди, разрез на левом плече и дырка в бедре. Присев на корточки рядом, Туран на всякий случай повторил:

– Это я, Туран Джай.

От обугленной хижины шел жар. В оконном проеме Туран видел черную, засыпанную пеплом пещеру, в которую превратилась комната.

– Где Знахарка?

– Мертва! – хрипло каркнул Старик.

– Она в доме? Сгорела? Из-за чего случился пожар? Кто в тебя стрелял?

– Там... – Старик попытался показать, но не смог поднять руку.

Привстав, Туран разглядел двоих людей, лежащих на краю расселины, вскинул револьвер и прицелился. Они не шевелились.

– Почему ты здесь? – спросил Старик.

Туран покосился на него и опять уставился на мертвых незнакомцев. Впрочем, незнакомцев ли? Кажется, это... Он сделал в ту сторону несколько шагов. Брезентовые куртки, соломенные шляпы... Багор и Лютый. Это же люди атамана Макоты!

Шакал, Чеченя и незнакомый бандит, вспомнил Туран. Теперь все сложилось в логичную картину: пятеро бандитов приехали разделаться со Знахаркой и Стариком, сожгли дом вместе с хозяйкой, ранили ее брата, который сумел убить двоих. Выстрелами он не подпустил остальных к себе. Понимая, что ему не жить, трое уцелевших поехали обратно и наткнулись на летунов. Конечно, бандиты не могли упустить такой случай.

– Почему ты здесь? – сурово повторил Старик.

Но зачем Макоте убивать Знахарку, сжигать хижину? Какой вред от безобидных стариков?

– Ты должен быть дома, защищать семью.

Раньше атаман не трогал Знахарку, ведь она лечила и его людей тоже...

– Что? – Туран повернулся к Старика. – Что ты сказал?

Налитые кровью глаза смотрели на него.

Но еще больше, чем банде Макоты, Знахарка помогала Борису Джай-Кану – она врачевала его батраков и охотников, она...

Челюсть Старика задрожала.

– Трус! Песчаный шакал! Ты не воин! Никогда не будешь им! Ты должен был остаться с ними, защищать ферму...

– От кого защищать? Что ты несешь?! – выкрикнул Туран в морщинистое лицо.

Этим криком он будто добил Старика. Тот захрипел, схватил парня за воротник, притянул к себе и выдохнул в ухо:

– Не воин – трус!

И умер. Жизнь покинула израненное тело, пальцы разжались, рука упала на землю. Еще мгновение Туран смотрел на Старика, затем бросился к «Панчу».

* * *

Атаман Макота со своей бандой пришел с запада Пустоши в начале сезона ветров. Он обосновался в так называемом Дворце, убив часть его обитателей, а остальных заставил служить себе. Макоту интересовали окрестные фермы. Две из них, хозяева которых сопротивлялись упорнее прочих, атаман приказал сжечь, большинство других с тех пор платили дань частью урожая. Макота разбогател; недавно он даже отправил в Харьков большой караван мотоповозок с вяленным мясом, шкурами и солеными грибами. Грибы эти выращивали в сырых подвалах Дворца, там же и солили. Говорили, что атаман выгодно обменял свой товар на оружие и боеприпасы.

Макота трижды присылал своих людей на ферму Бориса Джай-Кана. В последний раз Борису едва удалось отбиться, да и то лишь благодаря тому, что фермер объединился с соседом, которого звали Ефраим.

Упав за руль, Туран принялся разворачивать грузовик. В узкой расселине сделать это было нелегко. Теперь все стало на свои места: и необычное поведение отца, и желание спровадить сыновей, и запасы в грузовике, и предложение переночевать у Знахарки, и требование зайти к матери... Это был прощальный разговор!

Туран вырулил на серпантин. Раньше он не рискнул бы ехать здесь так быстро. Двигатель выл, скрипели рессоры, из-под колес летели мелкие камешки, стучали по днищу «Панча».

Назар, отец, мать... Мика! Он позволил брату уйти, отпустил – из-за своей жадности, из-за того, что хотел заполучить шкурки ползунов!

Грузовик вылетел на Столовую гору, пронесся по склону, повернул. Туран даже не бросил взгляда в сторону холма, возле которого приземлились летуны. Он и думать забыл о железном ящике, спрятанном в корнях дерева, и авиетке.

«Панч» ехал по дну пересохшей реки, когда на пути появилась матка ползунов. Самцы этой породы – небольшие существа, похожие одновременно на гусеницу и крота. А самки напоминают огромных толстых личинок, они куда сильнее самцов и гораздо опаснее.

Крупная самка ползла навстречу «Панчу», сгибая и распрямляя раздутое тугое тело, покачивая острыми рожками. Слизистая шкура влажно поблескивала в лучах закатного солнца. Охотники предупреждали, что неподалеку от фермы два больших холмовейника затеяли передел территорий. Похоже, один победил, но матка из второго спаслась.

То ли услышав рев двигателя, то ли ощутив дрожь земли, тварь изогнулась подковой, обратив к машине голову с косыми щелями глаз и клапаном-ртом. Рога ее грозно подрагивали.

Туран крепче обхватил руль и вдавил педаль газа. Двигатель загудел, под днищем что-то задребезжало – неприятный, тревожный звук. В другое время он остановил бы машину и попробовал разобраться, в чем дело, но не сейчас.

Ротовой клапан матки разжался, тулово напряглось. Из клапана вырвалась зеленая струя.

Самки способны выплевывать кислоту на двадцать-тридцать шагов. Туран знал, что сейчас произойдет, но в речном русле тяжелому грузовику не хватало места для маневра. Струя ударила в нижний лист брони.

Через мгновение «Панч» пронесся над самкой. Мог бы и переехать ее, но Туран направил грузовик так, чтобы тварь оказалась между колесами, хотя сделал это не из жалости: раздавленное тулово выплеснет фонтан кислоты, которая прожжет покрывки.

Самка осталась позади. Поворот, склон, решетчатая башня... До фермы уже рукой подать. Туран преодолел путь, на который ушло полдня, в два раза быстрее. Спина затекла, болели напряженные руки, ныли колени.

Справа потянулась каменистая равнина, полная бетонных плит, труб и прочего мусора. Еще один поворот вокруг холма – и Туран увидел ферму. Она догорала.

Гараж исчез. Крыша жилого дома провалилась, от обугленных бревен шел дым, стелился по земле. Воняло гарью, в кабине «Панча» стало душно.

Поворачивать к воротам не имело смысла. Проехав по тому, что осталось от ограды, Туран увидел тела на земле. Остановив грузовик, он схватил револьвер, вывалился наружу, скатился с подножки и побежал, размахивая оружием.

Мика лежал на боку с силком в руке, неподалеку от обрушившегося гаража, и глядел на старшего брата. Ветер шевелил русые волосы. Туран решил, что мальчишка жив, что он лишь ранен, – бросился к нему, упал на колени, просунул ладонь под вымазанную золой щеку, приподнял голову.

И увидел нож, торчащий из спины под шеей. На плоской деревянной рукоятке была выжжена большая буква «М».

Мир раскололся и рухнул в черную пропасть без дна. Голова Мики упала на растрескавшуюся сухую землю. Туран встал, ссутулившись, побрел через ферму. Револьвер выскользнул из пальцев – он не заметил. К дому нельзя было подойти, от него шел сильный жар, на балках еще плясали языки огня. Туран побрел в обход, по колено в густом дыму, перешагивая через мертвецов, обожженных, застреленных или зарезанных. Наверное, отец лежит где-то рядом... А может, он сгорел вместе с матерью в доме... Парень обогнул пожарище, но тела отца не нашел. У разбитых ворот медленно поднял голову. Повернулся. Глаза его были мертвыми.

Легкий шорох достиг ушей. Туран бросился к воротам.

У поваленной створки лежал крупный седой мужчина. Голова мелко дрожала, ободранные до костей пальцы сжимали приклад четырехствольного ружья.

– Назар! – Туран склонился над механиком.

Взгляд раненого бессмысленно блуждал, на груди запеклась кровь.

– Назар, – повторил Туран, не зная, как помочь.

Сухие серые губы шевельнулись. Закрыв рану ладонью, Назар хрипло прошептал:

– Зачем вернулся? Вы спаслись – хорошо...

– Где отец? Мать?

Но механик не слышал его.

– Ты спасся и Мику спас. Уезжайте, больше не возвраща...

Пальцы заскребли по груди, в горле булькнуло. Агония охватила тело – сначала перекосило лицо, потом напряглась шея, дрогнули плечи, грудь, живот... Пальцы разжались, и Назар умер.

Машинально ухватив ремень ружья, Туран побрел прочь, волоча оружие за собой. Прошел мимо сгоревшей конюшни, миновал барак, где раньше спали сезонные работники, оста-

новился перед догорающим домом. Бездумно скользнул взглядом по горячим углям. Солнце садилось. Подул ветер, вздымая золу, пепел закружился черным смерчем. Захрустело тлеющее дерево, черный скелет постройки обвалился – взметнувшееся облако гари накрыло Турана Джая, и он упал в беспамятстве.

* * *

Обморок был необычен: отключилось сознание, но не тело. И тело много чего успело сделать, прежде чем разум очнулся.

Туран пришел в себя, сидя в «Панче». Измазанные копотью пальцы крепко держали руль. Стояла ночь, грузовик мчался по каменистому бездорожью, объезжая разрушенные строения и котлованы, полузасыпанные песчаными бурями. Плиты и стены, горы щебня и зубья ржавой арматуры – все слилось в сплошной поток без начала и конца. Не сознавая, что делает, Туран выбрал самый короткий путь: напрямик, а не по дороге из укатанного щебня, которая широкой дугой огибала фермерское поле.

Он сжал руль так, что побелели костяшки пальцев. На соседнем сиденье лежали пятизарядный револьвер и ружье Назара. Перед глазами кружился смерч из пепла, возникший после того, как обрушился отцовский дом. Смерч сухо шелестел, и в звук этот влетались голоса обитателей фермы – отца и матери, брата и Назара, батраков, охотников, их жен и детей. Они говорили тихо, тревожно, будто просили Турана о чем-то... черные тени в мертвой полутьме. От их невнятного шепота бросало в пот, дрожь пробегала по телу и слезы текли из глаз.

Фары выхватили из темноты силуэты разливочных тумб – грузовик достиг брошенной автозаправки, когда-то принадлежавшей одному из московских кланов.

А потом впереди открылось освещенное прожекторами здание. Три этажа, плоская крыша и большие квадратные окна.

Окрестные фермеры называли эту постройку Дворцом. Назар говорил, что Дворец – просто огромная лавка, в старину там торговали разными товарами.

Изнутри доносились музыка и нестройные крики.

Туран остановил «Панч» за покосившейся башней из бетонных плит. Дрожь и слабость прошли, сердце стучало быстро и зло, ненависть переполняла его, путала мысли. Тяжело дыша, он бросился в кузов, вытащил из подпола флягу, полил водой голову, лицо, шею, потом жадно выпил все, что осталось. Отшвырнув флягу, перетащил в кабину два железных ящика, кое-как пристроил в ногах, раскрыл.

Крест-накрест стянув грудь лентами перевязи, Туран повесил на них гранаты. Вставил патроны в кожаные петли. Ружье Назара – на левое плечо, на правое – еще одно, покорооче и полегче. К поясному ремню прицепил две кобуры – со стареньким револьвером и шестизарядным «шершнем». Пристегнул длинный обоюдоострый нож, а другой, поменьше, вдел в чехол на левом предплечье.

Потом сел за руль и глубоко вдохнул. Выдохнул. Со всеми этими железяками Туран ощущал себя ходячим оружейным складом. Впрочем, он подозревал, что ходить ему предстоит недолго.

Ну и пусть. Он готов умереть. Но только после Макоты. Или вместе с ним.

Ясная звездная ночь царила над Пустошью, площадку перед Дворцом озарял свет факелов. Там праздновали победу над непреклонным фермером Борисом Джай-Каном.

Туран завел грузовик, объехал груды плит и направил «Панч» по прямой к зданию.

Глава 4

Кто-то по привычке называл клан Макоты бандой – но только если самого Макоты не было рядом. За подобные слова атаман мог и убить.

К началу сухого сезона его клан насчитывал почти сотню человек, и теперь у Макоты не было нужды лично участвовать в опасных экспедициях к торговым путям Пустоши. За один такой поход можно легко разбогатеть, удачно ограбив странствующего купца или небольшой караван, но можно и вовсе не вернуться, нарвавшись на хорошо охраняемую кавалькаду или отряд пастухов из предместий Минска.

Времена, когда Макота отправлялся на вылазки и рисковал собственной шкурой, прошли. Нынче он оплачивал подобные мероприятия, забирая половину добычи. Да и то это был вспомогательный приработок – основной доход приносили фермы. Нет, Макота не подался в земледельцы. Если этот краснощекий усатый человек, похожий на немолодого конюха, что-то и закапывал в землю – так только трупы врагов. Сажать же он предпочитал лишь на кол.

На востоке Пустоши властвовал некроз, но южные районы годились для земледелия. Собрав самую многочисленную банду в округе, Макота решил сделать карьеру на новом поприще. Он пришел во Дворец, где человек по имени Еши держал гостиницу для проезжих бурильщиков, небогатых торговцев и бродяг-наемников. После того как атаман сделал Дворец своей штаб-квартирой и его люди расправились с охраной Еши, клиентов как ветром сдуло. Владельца гостиницы Макота пристрелил собственноручно, после чего въехал в его апартаменты на третьем этаже, присвоив заодно двух жен покойного.

Макота был любвеобилен, толст, улыбчив и жесток. Его круглое лоснящееся лицо, пухлые щеки, оттопыренные уши, соломенные усы и добрые туповатые глазки производили обманчивое впечатление на незнакомых людей, чем атаман неоднократно пользовался.

Захватив Дворец, он занялся фермерами. За короткий срок его люди посетили все хозяйства округа. Пару домов пришлось сжечь, несколько человек пристрелить. Атаман поставил десяток бойцов следить за Узким трактом – единственным безопасным путем к Киеву. Бандиты перехватили четыре повозки и одного всадника, которые отправились в город жаловаться на Макоту монахам Ордена. Доносчиков убили, предварительно выяснив, с каких ферм они выехали, потом атаман лично наведился к их хозяевам. В конце концов все наладилось, и к Дворцу потянулись подводы с оброком. Закрома атамана наполнились картофелем, тыквенными огурцами, карликовой кукурузой и вяленным мясом.

Макота разбогател. Он отправлял караваны с провизией в Киев и далекий Харьков. Теперь он сам опасался грабителей на дорогах. Двое его механиков, Захар и Дерюжка, сумели запустить в подвале Дворца древние холодильные камеры, запитанные от ветряка на крыше. Агрегаты хрипели, тряслись, ломались чуть ли не каждый день, но все же работали. Теперь бандиты могли хранить продукты без опаски, что те испортятся.

Атаман кормил своих бойцов и прислугу, менял продукты на оружие, боеприпасы, солярку, одежду, запчасти для машин клана, на рабынь-шлюх. Вскоре девиц во Дворце оказалось так много, что кто-то даже предложил раз в декаду устраивать охоту на тех, которые уже успели всем надоесть.

И все равно Макота был недоволен.

Два самых крупных фермера, Джай-Кан и Ефраим, заключили союз и успешно отбивались от бандитов. Первый помощник Чеченя посоветовал атаману оставить строптивцев в покое, за что был жестоко бит и едва не лишился глаза.

Несколько дней Макота мерил шагами просторный зал на первом этаже Дворца и тербил длинные усы, что являлось признаком большой озабоченности. Когда он так делал, его приспешники старались вести себя как можно тише, зная, что главарь легко раздражается,

если ему мешают. В такие моменты он способен был на всякие пакости, самая безобидная из которых – сунуть человеку в зад пистолет и нажать на спуск.

А потом из Харькова вернулся караван мотоповозок. Атаман осмотрел груз, который они привезли, отдал необходимые распоряжения и приказал отвезти его на ферму Ефраима. Он лично желал поговорить с мятежным земледельцем. Чеченя порывался составить ему компанию, но Макота не взял никого из своих людей, захватил лишь сигнальный пистолет, найденный в одной из комнат Дворца.

Трехколесная мотоциклетка с бронированным баком остановилась вдалеке от ограды фермы. Макота велел водителю ждать его и не дергаться, что бы ни случилось. Хмыкнул, разглядывая ограду – поставленные на попу ржавые цистерны, обмотанные колючей проволокой. Две самые большие емкости служили стойками для тяжелых скрипучих ворот. Атаман сунул в зубы любимую трубку, ударил кулаком в калитку, и когда вооруженные батраки сдвинули тяжелый засов, потребовал немедленной встречи с Ефраимом.

Вернувшийся слуга сказал, что хозяин приглашает гостя войти в дом и разделить с ним трапезу. Макота отказался. «Поговорим во дворе перед воротами», – проворчал он. Вскоре Ефраим вышел к нему. На поясе фермера висели револьверы.

– Завтра я разделаюсь с Бориской, – посасывая нераскуренную трубку, сообщил Макота.

Ефраим молчал. Он был осторожным человеком.

– С Бориской и с тобой. Или тока с ним, ты решаешь.

Фермер пожевал губами.

– Ты уже пытался разделаться с нами. Трижды. И что?

– Ну так а чего, – развел руками Макота, – я неправ был. А ты знаешь, что недавно мотобургоны возвернулись? Те, что я пять декад тому в Харьков отряжал?

– Слышал об этом, – кивнул Ефраим.

– А чего в тех бургонах, знаешь?

– Об этом не слышал.

– Скажи своим людям, чтоб не стреляли, я кой-чего хочу показать.

Макота сунул трубку в карман и снял с пояса пистолет-ракетницу. Ефраим заметно напрягся. В сторону гостя были направлены полтора десятка стволов. Атаман знал, что в любой момент его тело могут наспиговать металлом, но он был смелым и сильным человеком – и продолжал улыбаться.

Он поднял пистолет и выстрелил вверх. Раздался хлопок, в небе над фермой вспыхнул огонь световой ракеты.

А затем с коротким промежутком прозвучали два взрыва.

Сначала разлетелась телега возле дома; горящие щепки ранили прятавшихся за ней батраков. И почти сразу после этого за спиной фермера поднялся фонтан земли и пламени.

Несколько человек с перепугу выстрелили в Макоту, но тот успел отскочить и спрятаться за железной бочкой, стоявшей у ворот. Эхо взрывов еще не стихло, когда атаман прокричал:

– Ефра, накажи, чтобы убрали стволы! Иначе стгорит твоя ферма!

Ефраим был единственным, кто не шелохнулся, когда прозвучали взрывы. Услышав Макоту, он оглянулся и сказал своим людям:

– Не стрелять!

За телегой стонал раненый, из дома доносились детский плач и причитания женщин. Макота, выбравшись из-за бочки, подбоченился.

– Ну так чего, ты не знаешь, чё привез мой караван? Дык я обскажу. Я ж выгодную сделку совершил, слышь, Ефра, обменял мясо сайгаков на одну редкостную штуку. Сам я в оружии не очень кумекаю, но мне сказали, она называется «миномет калибра сто двадцать миллиметров».

Суровое лицо Ефраима дрогнуло, в глазах мелькнул страх – лишь на мгновение, однако Макота заметил. Атаман не умел ни писать, ни читать, но в людях разбирался хорошо, иначе не стал бы тем, кем стал. Фермер испугался, а значит, пора было выложить все начистоту.

– Я сказал «одну редкостную штуку»? – произнес Макота громко, чтобы слышали все на фермерском дворе. – Не-не, то я ошибся. Минометов у меня два. Я, слышь, завел связи среди оружейников, думаю перебраться в Харьков. Но это позже, ясное дело. Щас надо все вопросы здесь порешать. Так ты слушай... все слушайте! Минометы стоят там, – он махнул рукой за ограду. – Они на холмах спрятаны, каждый мои люди охраняют. Помногу людей. Прежде чем вы их найдете и раздолбаете, ферму сравниют с землей. – Атаман замолчал, предоставив Ефраиму самому делать выводы.

Фермер быстро сделал их и спросил:

– Сколько?

– Половину, – сказал Макота. – А чего? Скоко и с остальных.

Ефраим качнул головой:

– Четверть.

– Половину. Почему я тебе скидку делать буду?

– Четверть. Спалишь ферму – вообще ничего не получишь.

– Та не важно оно мне. С Бориской все одно покончу, не буду стовариваться. Не люблю я его, он гордец. Я, слышь, и так имею с других фермеров больше, чем могу потратить.

– Много не бывает никогда, – возразил Ефраим. – Хорошо, треть. И тогда завтра я не стану помогать Джай-Кану.

Атаман чуток поразмыслил, широко улыбнулся и, шагнув к фермеру, протянул руку:

– Лады, треть твоего урожая каждый сезон.

Ефраим посмотрел на ладонь Макоты. Лицо его окаменело. Атаман руку не убирал, глаза поблескивали зло, безжалостно. Фермер скрипнул зубами и пожал мягкие пальцы врага.

Теперь спасти Бориса Джай-Кана могло только чудо. Но в эти жестокие времена чудеса перестали случаться на Земле.

* * *

Пьяное веселье на первом этаже Дворца каждую минуту могло превратиться в стрельбу с поножовщиной. Разобрав старые стеллажи на доски, бандиты разожгли костер прямо посреди зала. Люди атамана вопили во все горло; хохоча и ругаясь, плясали пьяные шлюхи. Сквозь шум иногда доносились крики женщин, которых притащили с фермы Бориса Джай-Кана.

Макота устроил свои апартаменты на третьем этаже. Зрительные залы бывшего мультиплекса и бар на втором отвел под склады, первый этаж отдал своим людям.

Завернутый в простыню атаман, посасывая погасшую трубку с выжженной на чашечке буквой «М», разглядывал через большое окно спальни задний двор, где стояли машины клана. Снизу доносились грохот, звон и крики. Обычно Макота поддерживал дисциплину, но после разорения фермы Джай-Кана хлопцы имели право расслабиться. В конце концов, эта ферма защищалась дольше всех.

Ему и самому не помешало бы выпить. Повернувшись, атаман окинул взглядом широкую кровать, где в ворохе смятых простыней лежали две девицы, недавно привезенные из Харькова. Одна рыжая, вторая блондинка. Как же их звать? Вроде Чеченя говорил имена... Макота не помнил. Он шагнул к кровати и, шелкнув пальцами, велел:

– Вон.

Блондинка спала, а рыжая приподняла голову и посмотрела на хозяина пьяными глазами. Возле кровати стоял столик, на нем – полупустой графин с вином, тарелка с остатками закусок, два бокала. Осколки третьего лежали у ножки кровати.

– Вот коровы! – Атаман был рачителен и трепетно относился к дорогим вещам. – Слышь, это ж, как его... хрусталь!

Проснувшаяся блондинка томно изогнулась на подушках. Рыжая, улегшись поперек кровати, подперла кулаками подбородок.

– Ну разбили, – сонно протянула она.

Макота схватил ее за волосы. Шлюха взвизгнула, длинные ногти царапнули атамана по лицу.

– Ты чё делаешь?! – Разъярившись, он ткнул рыжую кулаком в лицо, а блондинку пнул так, что она слетела на пол.

Рыжая, похоже, была совсем дурой – до сих пор не поняла, куда попала и кто перед ней. Она что-то вякнула, и атаману пришлось еще пару раз стукнуть ее, чтобы заткнулась.

– Осколки подобрать! – велел он. – И вон отсюда! Быстро, ну!

Блондинка схватила с кровати ночную рубашку, натянула поскорее и, ползая на четвереньках, собрала все, что осталось от бокала. Рыжая кое-как выпрямилась, по щекам ее текли слезы.

– Ну ты, бесстыжая! – рявкнул Макота. – Валите отседова обе!

Когда девицы убралась, он оделся, повесил на ремень пистолет с ножом, нацепил соломенную шляпу с широкими полями и вышел в коридор. Но тут же вернулся, чтобы накинуть на плечи свою любимую куртку из крепкой черной кожи, с рыжими вставками на плечах, без которой редко показывался на людях.

* * *

Стоя у дверей своих апартаментов, атаман глядел на Чеченю. Тот морщился, трогал стянутое повязкой плечо и часто прикладывался к бутылке.

– А потом он наружу выскочил и давай по мне палить...

– Ну а ты чего ж по ему не палил?

Чеченя облизнулся и глянул по сторонам, будто ожидая услышать подсказку. В бутылке оставалось на глоток, не больше.

– Шакаленок из-под махины своей выстрелил. Из-под этого...

– Из-под «Панча», – напомнил Макота.

– Ага. На землю упал и вперед. Револьвер у него. По ногам мне! Сапоги испоганил, плесень!

Атаман перевел взгляд на щегольские сапоги порученца. В голенищах зияли внушительные дыры.

– Как же ты ходишь?.. А-а, у тебя там волчьи пластины вшиты, – вспомнил он и похлопал себя по плечам.

– Вшиты, – сумрачно подтвердил Чеченя. Опустошив бутылку, он вытер губы ладонью. – Ну, я тогда ходу оттуда...

– Ходу, да? От фермерского-то шакаленка малолетнего? Ты, цвет и опора, гроза и надежда?

– Хозяин! – взмолился Чеченя. – Я ж те говорю: там еще летун был с автоматом! Автомат, понимаешь? Подняться не давал, патронов не жалел! А сверху, с башни «Панча» этого, из ружья палили. То, наверно, девка была с леталки. Шакала и Гримбу положили. Пришлось тикать. Но старуху-то со стариком мы кончили, как ты и велел. А на летунов случайно наткнулись, грех было мимо проскочить, но тут шакаленок этот... Ну неожиданно он появился! Кто ж знал, что он такой пряткий?! – едва не прокричал порученец и сник под насмешливым взглядом хозяина.

Внизу шумела бравая армия атамана Макоты. Качаясь, с креном вперед, по лестнице поднялся лысый крепыш Морз, одетый лишь в закатанные до колен штаны.

– Чеченчик! – прохрипел он. – Ну ты чего тут? Давай к нам, мы... – И бессмысленно улыбаясь, попытался облапить Чеченю.

– Куда прешь, гнида?! – заорал порученец и треснул кулаком по лыбящейся роже. Зрочки Морза окончательно разъехались в разные стороны. Чеченя расквасил ему нос, врезал по почкам, а потом прицельным ударом в подбородок сбил с ног. Бандит упал на спину. Будто размышляя о чем-то важном, полежал немного, уставившись в потолок, перевернулся и пополз обратно к лестнице.

– И то правда, чего мы тут? – спросил атаман. – Народ внизу, веселятся все, а мы здесь...

Макота с порученцем, обогнав Морза, спустились на первый этаж. Чеченя хотел было под шумок улизнуть, но не тут-то было – главарь ухватил его за раненое плечо и притянул к себе.

– Вот смотри, Чеченя... – Он принялся загибать пальцы. – Микстуры, настойки эти все Знахаркины вы из хижины не забрали?

– Так загорелось оно быстро...

– Не забрали. Летунов не завалили?

– Да ведь про летунов и речи не было, мы на них случайно...

– Не завалили. Ишь, случайно – да это ж какой случай! Чтоб ихняя леталка рядом опустилась! Ее б захватить и в Харьков не по земле, а по небу летать, а? Какой случай! А вы отпустили летунов! Далее. С шакаленком фермерским не сладили? Не. Это ж ваще уже в башку не ложится, Чеченя! Он на грузовике, а мне этот грузовик давно нравится. А теперь где его искать? Увидал, что с фермой стало, – и умелся куда подальше, ищи его теперь по всей Пустоши. Так что мне с тобой делать, Чеченя? Как наказать?

На первом этаже было жарко, вокруг костра в центре зала плясали пьяные бандиты. В отблесках пламени глаза Макоты стали красными.

– Хозяин, ты чего? Ты погоди! – залебезил порученец. – Да что тебе с той леталки? Мы б не смогли ею править, мы не умеем! И ваще это ж для летунов только. Ты ж знаешь, они за своих мстят! Они б из Крепости своей прислали другие леталки, нас бы всех вчистую... Если б тех двоих завалили, леталку все одно сжечь пришлось бы, нельзя ее...

– Сжечь, говоришь? А давай я тебя убью, – предложил атаман и потянул из кобуры пистолет, на деревянной рукояти которого темнела выжженная буква «М». – Зачем мне такой помощник? Леталка – ладно, но ты хотя бы автомат ихний мог привезти. И шакаленка упустил! И грузовик! Это как называется, а? Еще и грузовик!

– Да ведь тихонько он подъехал, неслышно...

– Тихонько?! – вконец разъярился атаман. – Такая дура броневая – и тихонько?! Всё, щас я тебя застрелю к ползуновской матери... – Он вытащил пистолет.

Чеченя вскинул руки, прикрыв голову, – все знали, что главарь клана любит стрелять промеж глаз. Макота прицелился и уже готов был отправить помощника к праотцам, но Чеченя вдруг, отняв от лица ладони, сказал:

– Э-э... а вот же опять этот звук...

– Чего? – спросил Макота, не опуская пистолета.

– Да вот же! – вскричал Чеченя. – Звук! Это он... он сюда едет, грузовик твой. *Тихонько!!!*

С грохотом фасадная стена обвалилась. Атаман развернулся и выстрелил в кабину «Панча», протаранившего Дворец.

* * *

«Панч» до половины въехал в здание. Туран вжался в сиденье и ногами уперся в панель под рулевым колесом. От удара его бросило грудью на руль, в глазах потемнело. Втянув нозд-

рями воздух, он мотнул головой и осмотрелся. Пуля Макоты попала почти в то же место, куда выстрелил Старик, стекло побелело от трещин, из него вывалились узкие осколки.

Ошеломленные бандиты застыли с бутылками и кружками в руках, но Турана они мало интересовали. Впереди горел костер, на полу громоздились сваленные стеллажи. В отблесках пламени он увидел Чеченю и Макоту в широкополой соломенной шляпе, стоящих у квадратной колонны.

Туран понимал, что одиночке не по силам уничтожить всю банду, целью был только атаман. Он распахнул дверцу и вывалился наружу.

Макота открыл огонь. Две пули угодили в металл, третья – в стекло на дверце. Менее крепкое, чем лобовое, оно брызнуло осколками. Присевший на подножке Туран подался вбок и вдавил спусковой крючок. Его пуля пролетела между атаманом и Чеченей. Помощник упал ничком, а Макота, придерживая шляпу, бросился за колонну.

Бандиты закричали, несколько человек побежали к грузовику. Прячась за дверцей, Туран сорвал с перевязи гранату. К деревянной рукояти крепился цилиндр, состоящий из схваченных сваркой кусков металла. Туран рванул чеку, воспламенитель клацнул, от искры загорелся короткий фитилек. Швырнув гранату над дверцей, он схватил вторую, потом третью...

Он метнул их с разной силой, но все – в сторону Макоты и Чечени, и когда третья еще только летела, первая уже взорвалась.

В гранатах Назара мало взрывчатки – комочек с яйцо куропатки, но и этого достаточно, чтобы расшвырять осколки корпуса на десятки шагов вокруг. Еще внутри баллон с горючей маслянистой жидкостью. К тому же механик начинал свои поделки гнутыми гвоздями и железными шариками.

Крики боли почти заглушили второй и третий взрывы.

Спрыгнув с подножки, Туран растянулся на полу возле колеса. Грохнул выстрел, и Макота отпрянул за колонну. Туран поднял голову, сжимая револьвер обеими руками. Ствол двигался из стороны в сторону, выискивая цель. Атаман исчез из виду, как и Чеченя, зато к «Панчу» бежали двое бойцов – и оба в огне. На одном пылала куртка, второй, с двуствольным обрезом, голый по пояс, орал от боли и хлопал себя по ребрам, пытаясь потушить пламя. Масло прилипло к коже, и бандит добился лишь того, что загорелась еще и рука.

Туран прицелился. Человек с обрезом упал на колени, не прекращая орать, выстрелил из обоих стволов и попал в кабину «Панча». Туран нажал на спуск, а когда стрелявший повалился на спину, вскочил и бросился за ближайшую колонну.

Бандит в горящей куртке, добежав до грузовика, ударился о радиатор и упал. От одежды сыпанули искры, он покатился по полу.

Туран выглянул из-за колонны, пытаясь найти Макоту. Если уйдет, разыскать его во Дворце будет сложно, все надо решить здесь и сейчас.

В зале царил хаос. Метались горящие люди, которых зацепили брызги смеси из гранат, натыкались на колонны и друг на друга. Кричали раненые, кто-то попал в костер и не смог подняться – дергался там, разбрасывая угли. Вдоль стены, глухо воя, полз молодой бандит, спина его превратилась в сплошной ожог. Привезенные из Харькова девицы, блондинка и рыжая, обнявшись, скулили в углу.

Но некоторые уже пришли в себя, и в Турана выстрелили, как только он высунулся.

Прижавшись спиной к бетону, сын фермера перезарядил револьвер. Сквозь крики послышался голос Чечени – порученец приказывал бандитам обойти колонну, за которой засел враг. Из глубины зала донеслось:

– Он там один! Один, говорю, валите сволочь!

Не дожидаясь, пока его зажмут в клещи, Туран достал из кобуры пистолет, глубоко вдохнул и метнулся к груде стеллажей неподалеку, стреляя на ходу.

Ему ни разу не доводилось вести огонь с двух рук да еще и по движущимся целям – он выпустил шесть или семь пуль, но попал только дважды. Зато в него не попал никто, лишь одна пуля взвизгнула над самым ухом, а вторая чиркнула по плечу, надорвав рубаху.

Тела вокруг костра, перевернутые стеллажи, заляпанный кровью пол... Возле лестницы на другой стороне зала лежал на боку длинный стол. Голова в соломенной шляпе показалась над ним лишь на миг, но Туран заметил.

Те, кого не зацепило осколками и горючей смесью, попрятались за колоннами. Чеченя опять выкрикнул приказ, несколько человек выскочили из укрытий в тот момент, когда Туран достиг стеллажей. Он выстрелил наугад и прыгнул за баррикаду.

Там, обхватив себя за плечи, сидела женщина. Татуировка на лице, короткое платье... девка из Харькова. Глядя на Турана безумным взглядом, она отшатнулась, когда он оказался рядом.

– Не шевелись! – велел он.

Женщина часто закивала. Туран выглянул из-за баррикады – бандиты приближались. В револьвере оставался один патрон, в пистолете два. Сунув оружие в кобуры, Туран сорвал с перевязи гранату, перебросил через баррикаду, сразу за ней – вторую, немного левее, и потом третью, последнюю, – правее. От взрывов задрожал пол, баррикада просела. Туран достал пистолет, выхватил револьвер и поднялся из-за укрытия.

Но выстрелить не успел, потому что прямо на него через груды обломков прыгнул человек, единственный, кому удалось добраться до стеллажей. Бандит опрокинул Турана на спину, ремень четырехствольного ружья соскользнул с плеча, приклад уперся в лопатку. Противник занес кинжал, Туран задергался, пытаясь сбросить его с себя. Это спасло ему жизнь – кинжал опустился возле уха, высек искру из пола. Перехватив жилистое запястье и вытащив нож, Туран резанул бандита по лицу, вспорол щеку и сразу ударил еще раз – клинок мягко вошел под подбородок.

Противник упал на бок, держась за горло. Рукоять ножа торчала между пальцами. Женщина завизжала.

На другом конце зала Макота, вскочив из-за стола, побежал к лестнице. Туран поднял ружье Назара. Выпрямился, нащупал все четыре спусковых крючка и поймал в прицел спину атамана.

Рядом громыхнул выстрел, пуля ударила в правый бок, жаркой волной накатила боль. Он отступил на шаг, но ружье не опустил.

Макота достиг лестницы. Краем глаза уловив движение неподалеку, Туран рывком повернул ружье к Чечене, появившемуся из-за колонны с обрезом в руках. Выстрелил из одного ствола и сразу направил оружие на атамана, который взбегал по ступеням.

Палец дернул спусковые крючки.

Пули попали в спину. Макота упал, вскочил и помчался дальше. Туран вскрикнул. Атаман перепрыгнул через несколько ступеней и пропал из виду.

Руки выпустили бесполезное ружье. Пистолет и револьвер валялись у стеллажей. Надо догнать Макоту. Теперь придется подниматься за ним на верхние этажи, искать по всему Дворцу... Мысли путались, звуки стали глухими, далекими. Туран неловко повернулся, прижав ладонь к ране на правом боку, побрел к револьверу, который лежал ближе. Услышав шаги, кинул взгляд через плечо – раненый Чеченя ковылял следом. Порученца шатало, по стянутому повязкой плечу текла кровь. В руках у Чечени был обрез, но почему-то бандит не стрелял, может, кончились патроны.

Туран добрался до револьвера. Хотел наклониться, чтобы поднять, но понял – упадет. Присел на корточки. Блеклые пятна ползли перед глазами, в ушах шумело.

Пальцы нащупали оружие, но рукоять выскользнула. Атаман жив! Это несправедливо... Но Борис Джай-Кан, покойный отец, говорил, что теперь уже справедливости не осталось в

мире. Шаги рядом. Голос Чечени. Туран крепче ухватил револьвер, приподнял – оружие казалось очень тяжелым – и попытался развернуться на полусогнутых ногах. Он не убил Макоту! И теперь уже не убьет, все кончено, он проиграл.

Чеченя встал над ним.

Руку с револьвером тянуло вниз. Надо поднять повыше, упереть ствол в живот бандита и...

Порученец ударил его обрезом по темени, и Туран Джай упал.

Часть вторая Раб

Глава 5

– И сколько наших он положил?

– Ну, сам-то он никого не убил, тока ранил.

– Как это – не убил? – ощерился Макота. – Ты чё несешь? Я скольких людей лишился!

А если б он в меня попал, в ноги или в голову? Куртку мне испоганил, как вот тебе сапоги!

Атаман был серьезен, и это больше всего пугало Чеченю, который привык к неизменной улыбке хозяина.

– Так то ведь гранатами, – промямлил порученец.

– Ну так и чего? Гранаты кто, птичка бросала? Все одно – это он их укокошил. Сколько? Пять человек, семь?

– Восемь, – сказал Чеченя. – Или девять.

Он усердно щупал раненое плечо и припадал на ногу, всячески показывая хозяину, что геройски сражался и пострадал. Макота пристально глядел на помощника, кривя губы. Тот явственно представил, как хозяин достает пистолет и – хлоп! – пуля врезается промеж глаз славного Чечени. Срочно надо было что-то придумать, и порученец воскликнул:

– Зато грузовик его цел! «Панч» этот, а? Ты ж хотел его.

– Кабина смята, – уточнил атаман.

– Ну так и чего? Это нестрашно, отрихтуем.

– Лобовуха разбита.

– Да не важно! – воодушевился Чеченя, заметив, что при упоминании бронированной фермерской махины лицо Макоты разгладилось. – Стекло заменим, дверцу поправим. Зато твой он теперь! Там такие колеса, я глядел – мощь! В нем и по пустырям можно будет, и по пустыне, по самым зыбучим пескам – не завязнет!

Перевалило за полдень, на первом этаже Дворца убрали, хотя на полу еще остались подпалы. В зале лежали раненые, над ними хлопотали женщины и Карл, лекарь клана. Остальных бойцов Чеченя с утра пораньше пинками выгнал на дежурство вокруг Дворца. К тому же надо было припугнуть обитателей ферм. Вот же какую заваруху устроил шакаленок Бориски-фермера!

– Жив он? – спросил Макота.

– Жив, жив! Но сдохнет, конечно.

– Я т-те сдохну! – Атаман сунул Чечене под нос пухлый кулак. – Веди к нему.

– Слушаюсь! – заорал порученец, обрадованный, что опасность миновала. – Наверх давай, хозяин. Я его в зале, где мутанты, приказал кинуть.

На втором этаже Дворца рядом со складами был особый зал, поменьше, чем внизу, но тоже вместительный. Потолок в нем подпирали железные колонны. Раньше между ними размещались стеллажи с товарами, сейчас к стоякам были прикованы два трофейных раба-гладатора и Туран Джай.

Макота оглядел пленных, и настроение его улучшилось.

Гладиаторы – здоровенные, кривоногие и горбатые, обученные для боев мутанты. Низкие выпуклые лбы нависают над темными глазками, изо ртов торчат подпиленные клыки. Носы вроде собачьих – черные, влажные, с вывернутыми ноздрями. Вместо одежды грязные тряпки на бедрах да железные обручи на волосатых шеях. Обручи соединяют со стояками толстые цепи. Не зря охрана каравана, ограбленного Макотой, оказала такое яростное сопротивление.

На мутантов этой породы охотились у Восточного фронта, на границе с областью, захваченной некрозом. Пойманных детенышей умиротворяли в харьковских стойлах и обучали нехитрому ремеслу смертников.

Макота втянул носом воздух.

– Ну воняет! Слышь, а гадят они куда?

– Так выводят их раз в сутки. Карл их кашницей попотчует, они успокоятся, тады и выводят, – пояснил Чеченя. – Обручи снимаем и вперед. Я пока Малика назначил главным...

– А чё ж воняют тогда?

Порученец развел руками:

– Дык немые. А что ж делать? Пусть себе, тебе с ними в одной постели не спать. Ты глянь лучше, вот он, шакаленок-то, – последние слова Чеченя с ненавистью процедил сквозь зубы.

Туран привалился спиной к стояку, вытянув ноги; голова склонилась на грудь. С него сняли рубаху и ботинки, оставили только рваные штаны. На боку запеклась кровь.

– Ну ты оборзел, Чеченя! – Макота ткнул порученца кулаком в плечо. – Он же сдохнет так! Ты его еще и бил, что ли, после всего?

– Да не, я тока...

– Не брещи! Почему рожа – сплошной синяк? Нос разбил, губы разбил, глазищ ваще не видно – заплыли. Не брещи своему хозяину!

– Ну, правда, да... Извиняй, не сдержался. Он же дергаться стал, после того как я ему по башке вломил. Когда сюда втащили, драться лез. А у меня плечо! – вдруг взвизгнул Чеченя. – Он же два раза мне... почти в одно и то же место! Два раза мне туда! И сапоги мои... Ты глянь, сплошной же грех теперь, а не сапоги! Ну не выдержал я...

– Ладно, заткнись уже.

Поигрывая тесаком, атаман подошел к Турану. Подпер ему клинком подбородок, приподнял голову пленного и заглянул в лицо. Глаза шакаленка были закрыты.

– Да он же мертв!

– Не, не! – Чеченя подскочил, ткнул Турана пальцем в грудь. – Гляди, движется! Вишь? Дышит он, дышит.

– Не мертв, так, значит, при смерти. – Убрав тесак в ножны, атаман поразмыслил и заключил: – Карла сюда, живо. Чтоб забинтовал, раны замазал, микстуры дал. Короче, чтоб не сдох шакаленок. Воды ему, жрачки. А сдохнет – ты тоже сдохнешь, Чеченя. Будет жить – и ты будешь. Вопросы есть? Вопросов нет.

* * *

Туран очнулся. Сильно болел правый бок. Над ним склонился сморщенный худосочный человек, весь скособоченный, со свернутым носом и кривой шеей, одетый в драный халат. Лекарь показал пинцет с зажатой в нем пулей, только что извлеченной из раны. Пленник узнал Карла, которого видел у Знахарки, – тот приезжал за советом. Лекарь обитал во Дворце, еще когда здесь была гостиница Еши, да так и остался после смены хозяина.

– Неглубоко вошла, – скрипучим голосом поведал Карл. – Легкая рана. Повезло.

Он перетянул рану бинтами, пропитанными темно-коричневой пахучей мазью, жирной, как болотная грязь, которой минские пастухи обмазывают коров, оберегая их от солнца и насекомых. Туран сжал зубы, чтобы не стонать. Пленник уже понял, где находится, единственное, что вызывало удивление, – почему он до сих пор жив?

Смерч из черного пепла все еще кружился перед глазами, и в шелесте его слышались голоса погибших обитателей фермы. Они шептали: «Отомсти, отомсти». Ненависть владела Тураном. Но если раньше она пылала костром, то теперь чувства тлели, как угли. Убить Макоту

– это все, чего он хочет. Но больше он не бросится в бой один против банды. Это было неразумно, и Туран поплатился за свою глупость. Отныне надо действовать иначе – расчетливо, хладнокровно. И безжалостно. Он должен стать таким же, как Макота. Это единственный способ расправиться с врагом. Чтобы убить чудовище, надо стать чудовищем.

– Есть ты не хочешь, надо полагать? – спросил Карл, вытирая лицо раненого влажной тряпкой.

Туран качнул головой.

Карл открыл флягу и поднес горлышко к растрескавшимся губам пленника. Струйка воды побежала по грязному подбородку, раненый жадно глотнул.

Пока лекарь занимался раной на бедре, Туран огляделся. Глаза его превратились в узкие щели, лицо распухло, саднила рассеченная бровь. Пленника приковали неподалеку от окна, по обе стороны на корточках сидели два здоровенных волосатых мутанта в рабских ошейниках. Они тревожно порывивали и трясли косматыми головами, тянулись к людям, бряцая цепями. Агрессии в их движениях не было, скорее подобострастие.

Карл не обращал на мутантов внимания. Закончив с процедурами, он выпрямился. У ног лекаря стояли сумка и поднос с парой железных мисок, полных зеленоватой пузырящейся кашицы, рядом лежал шест с крюком на конце. Туран заметил, что возле мутантов валяются такие же миски, только пустые.

– Почему ты лечишь меня? – спросил он сипло. За одну ночь голос огрубел, стал ниже. Казалось, он принадлежит не молодому парню, а взрослому мужчине, который знает толк в выпивке и крепком табаке.

Лекарь ответил, пожав плечами:

– Атаман приказал.

Раз его лечат – значит, не собираются убивать. По крайней мере, не сейчас. Значит, у Макоты есть планы относительно пленника. Знать бы какие...

Карл повесил сумку на плечо и взял полные миски. Мутанты заволновались: один дергал цепь и рычал, второй жалобно скулил. Лекарь присел, поставил миску на пол и подтолкнул к монстру, прикованному справа. Тот схватил посудину с довольным урчанием, подпиленные клыки лязгнули о железо. Он лакал зеленую кашу широким пупырчатым языком, будто кот. Второй мутант взвыл и ревниво запричитал.

Карл подошел к страдальцу, остановившись так, чтобы мутант не смог его достать, вновь присел и подтолкнул вторую миску. Монстр вцепился в нее и стал громко хлебать жижу. Лекарь взял шест, зацепил крюком пустые посуды. Подтянув их к себе, поставил на поднос.

Мутанты урчали и чавкали, стуча клыками о железо.

– Вечером зайду, – сказал лекарь, не глядя на Турана, и удалился.

* * *

Три дня пролетели без происшествий. Мутанты почти не разговаривали, больше мычали, лишь иногда с трудом вытаскивали из себя отдельные слова. Когда вечером приходил Карл с мисками, поведение рабов менялось. Если лекарь опаздывал, они нервничали, рычали друг на друга и на Турана, но стоило монстрам нажраться зеленоватой дряни, как они впадали в эйфорию. Пленник знал, что смесь используют как стимулятор, чтобы повысить агрессивность гладиаторов на Арене Корабля. Если человека или мутанта приучить к наркотику, лишенный дозы боец впадает в буйство и не чувствует боли, этим и пользуются организаторы боев.

Лекарь кормил Турана и лечил его – менял бинты, мазал раны заживляющим воском, заставлял пить горькую микстуру, от которой шумело в голове. Пленный больше не пытался с ним заговаривать.

Макота не появлялся, зато Чеченя заходил каждый день в сопровождении двух бандитов, отстегивал Турана и выводил в квадратный внутренний дворик Дворца. Дыры в сапогах порученец неумело залатал кусками высушенной кожи ползуна.

Однажды Карл слишком слабо подтолкнул миску к мутанту, сидящему по левую руку от Турана, и, не заметив этого, ушел. Лишенный дозы раб взволнованно урчал. Шерсть у него на голове была пятнистая. Мутант тянулся к миске, дергал цепь, пытался даже выломать стояк... все тщетно. Его товарищ по неволе, сожрав пайку, улегся на бок и затих. С каждой минутой пятнистый нервничал все сильнее, хлопал себя ладонью по темени, дергал за уши, скалился. Вскоре началась ломка, мутант стонал, глаза налились кровью.

В конце концов Туран лег на спину, ногами в сторону пятнистого, и пятками подтолкнул к нему миску. Часть кашицы при этом выплеснулась, но мутант обрадовался и тому, что осталось, – схватил миску и, хрипя от наслаждения, опустошил в два глотка. Наркотик подействовал быстро. Раб успокоился и, благодушно моргая, принялся рассматривать соседа. Во взгляде маленьких глазок Турану почудилось подобие благодарности.

Длина цепи позволяла отойти от колонны совсем недалеко, но достаточно, чтобы подбраться к широкому окну, и Туран часто наблюдал за происходящим на заднем дворе твердыни Макоты. Внизу ходили люди, на мотоциклах и трехколесных мотоциклетах приезжали и уезжали бандиты. У стены стояли крытые фургоны и телеги с бронированными бортами. На четвертый день, извергая дым из трубы, во двор вкатил «Панч». Лобовое стекло было разбито, кабина смята. Грузовик остановился у крайней телеги, наружу выбрались Чеченя и пожилой бандит с ежиком седых волос, навстречу им вышел Макота. Троица долго бродила вокруг «Панча», стуча по бортам, осматривая колеса, рессоры и крепления бронелистов. Дважды атаман забирался в кабину. Чеченя горячился, размахивал руками и что-то втолковывал ему. Когда Макота, отдав распоряжения, ушел, появились трое в грязных комбинезонах, по виду механики с одной из ферм, и приступили к ремонту. Они работали быстро и вскоре занялись покраской грузовика.

Утром механики приволокли массивную клеть, сваренную из ржавой арматуры, и водрузили ее на телегу. К вечеру на соседние повозки поставили еще пару клетей.

На следующий день во двор явились Макота с порученцем в сопровождении двоих бойцов, которые вели на поводу ездового ящера-маниса. Кривоногий, покрытый бледно-зеленой чешуей, тот вертел головой на длинной шее и хлестал себя толстым хвостом. Плоская башка напоминала змеиную, из пасти то и дело появлялся раздвоенный гибкий язык.

Пленник с любопытством разглядывал ящера. Скорее всего, Макота купил или отбил его у одного из небольших кочевых кланов. Появление рептилии наводило на мысль, что атаман собирается в поход на юг, к Донной пустыне: говорят, манисы отлично бегают по затвердевшему илу.

Маниса впрягли в телегу, на нее залез бандит в соломенной шляпе, ударил рептилию длинным гибким шестом и дернул вожжи. Ящер качнул головой и пошел вперед, неторопливо переставляя кривые мускулистые ноги. Бандит выкрикнул что-то, треснул ящера по выпирающему хребту – рептилия плавно повернула вправо. Атаман с Чеченей наблюдали. Телега описала круг по двору. Макота, одобрительно махнув рукой, вернулся во Дворец, Чеченя поспешил за ним. Телега встала, но ящера не распрягли. Возничий ушел и вскоре вместе с Карлом принес деревянную бадью, которую поставили перед ящером. Тот сунул в бадью плоскую башку и принялся жрать, дергая хвостом. В это время несколько бандитов ввели во двор еще двух манисов.

Скрипнула дверь. Дремавшие рабы подняли головы, замычали, решив, что это Карл принес их миски, но в зал вошли Макота с Чеченей. Когда дверь еще только открывалась, Туран уже сидел под стояком, вытянув ноги и склонив голову на грудь.

Бандиты встали над ним, и пленник увидел, что Чеченя наконец сменил сапоги и снял повязку с левого глаза. Он был единственным в клане, помимо атамана, кто следил за своей внешностью. Но Макота просто одевался приличнее остальных, а порученец еще и тщательно причесывался, носил щегольскую куртку с меховым воротником, кожаные штаны и рубахи из шкуры маниса. Такую одежду можно было купить разве что в Киеве да на заправках московских кланов.

– Это откуда у тебя?

Пленник поднял глаза. Макота держал в руках плоскую серебряную фляжку, и Туран не сразу вспомнил, что это такое. Ну да, подарок Карабана Чиоры. Теперь казалось, что встреча с летунами произошла очень давно, в другой жизни, хотя со времени поездки к Железной горе, разгрома фермы и сумасшедшей атаки на Дворец минуло всего семь дней.

– Не слышишь, что ль? Отвечай.

– Атаман тебе вопрос задал! – Чеченя ударил пленника носком сапога в правый бок, стараясь попасть по ране.

– Да погодь ты! – Макота отпихнул порученца. – Ну, чё молчишь?

– Мне ее летуны дали, – сказал Туран.

Руки задрожали – он едва сдержался, чтобы не вскочить и не вцепиться атаману в горло. На ремне Макоты висели тесак и пистолет, Чеченя держал револьвер... Нет, еще не время. Он должен смирить ненависть, чтобы она питала его, наполняла силой. Нельзя позволить ей управлять поступками, ему нужны холодная голова и трезвый расчет.

Чеченя оскалился:

– Летуны подарили? За что? За то, что Шакала пристрелил, сучонок?

– Нет, – сказал Туран, не глядя на бандита. – Его застрелила Аюта, а не я.

– Чё еще за Аюта?

– Летунов было двое, мужчина и девушка. Она назвалась Аютой. А он дал мне флягу за то, что я помог им.

Атаман отвинтил пробку, понюхал и хлебнул. Чеченя переминался с ноги на ногу. По лицу его было видно, что, если бы не хозяин, он бы набросился на пленника.

– Крепкое! – объявил Макота, крикнув. – Чё за такое оно? Навроде самогона, тока крепче. Вкуснота. Ладно, а чего еще они те дали?

– Ничего. – Туран успокоился, руки больше не дрожали. Говорил он глухо, сквозь зубы, и смотрел в пол.

– Мож, еще чего подарили? – настаивал Макота. – Летуны-то, а? Они ж богатые, скажи, Чеченя?

– А то! – согласился порученец.

– Мож, оружие какое? Аккумуляторы, э? Куда ты их запрятал?

Туран покачал головой. Макота разглядывал его, что-то обдумывая.

– Так чего, хозяин? – нетерпеливо спросил Чеченя. – Может, я его на шматки прям сейчас? Медленно так, чтоб порадоваться...

– Дурень ты. – Атаман повернулся к нему, достал тесак и несильно ткнул порученца острием в грудь. – Вот кто я, по-твоему, такой? Кто таков Макота теперь есть, скажи?

Чеченя замаялся, не понимая, что хочет услышать хозяин.

– Ну-у, ты... – протянул он; Макота внимательно глядел на него. – Ты, значит, эта... Ты главарь в бан... то есть в клане. Хозяин ты, наш хозяин! Атаман!

– Атаман! Еще раз такое скажешь – убью. Я теперь бизнесмен. Понял?

– Понял! Все понял! А что оно такое, этот бизнесмен?..

– Тьфу, неуч! Значит, купец, барыга, дела всякие веду, вопросы решаю, заработок имею.

А откуда я его имею?

– А откуда?

- А с торговли.
- Торговля! – оживился Чеченя. – Это я понимаю. Торговля. – Он кивнул на рабов-мутантов. – Вот с этих, э?
- И с этих тоже. И вон с него. – Макота клинком тесака плашмя постучал по голове Турана; тот сидел неподвижно, опустив глаза и внимательно слушающая. – Торговать его буду.
- Куда торговать?
- Уй, болван! Хотел тебя старшим здесь сделать, минометы даже оставить для охраны Дворца. Теперь думаю – какой с тебя старшой? Не сможешь...
- Смогу я, смогу! И с минометами слажу! Только ты разбъясни...
- Разбъясню. Шакаленок, хоть бою и необученный и не здоровяк с виду, а шустрый. Ловкий. Так?
- Ну так.
- Не нукай, дурень. Он пусть и на «Панче» своем, пусть и неожиданно въехал, и весь оружием обвешанный, а все одно не важно это. Главное – что? Главное – он с десятка наших положил. Значит, обучить ежели его, боец знатный получится. А мы куда этих двоих, – Макота показал на мутантов, – куда их везем? Для чего я их откармливаю?
- Так на Корабль же, на Арену гладиаторскую, ты чего, забыл? Сам же хотел их там продать, а еще встретиться с этим, как его... с Графом, хвастал, у тебя с ним сделка какая-то крупная, важная...
- Ну от, правильно. Не забыл я. Втемяхал теперь?
- Ага, – сказал Чеченя. – Теперь втемяхал. Вот чего ты третью клетку приказал на телегу...
- Ну то-то же. Значит, давайте цепи с него долой – и вниз. Вечером в дорогу, а ехать далеко.

Глава 6

На бегу ящер качал хвостом, высовывал длинный язык и громко шипел. Управлял им низкорослый жилистый бандит, которого все звали Крючком. Особенно примечательными у Крючка были уши – оттопыренные, большие и розовые. Три ящера, волочившие повозки с клетками, где сидели мутанты и пленник, шли в середине каравана. Он состоял также из мотоциклов – у одного была коляска, – мотоциклеток, трех мотофургонов и «Панча».

Один из мотофургонов, которые на Пустоши еще называли самоходами, тащил на прицепе цистерну с горючим. Второй вез бочку воды; в дощатый кузов третьего сложили провизию, а сверху на шесте водрузили красное полотнище с намалеванной черной краской буквой «М».

Бок уже почти не болел, силы постепенно возвращались к Турану. Его кормили дважды в сутки, после чего ненадолго выпускали из клетки под охраной Крючка и бандита по кличке Малик.

Чеченя остался командовать во Дворце; в путешествие к Кораблю, стоящему в центре огромной пустыни, отправился сам атаман Макота. Он подошел к телеге лишь однажды, когда под вечер первого дня пути Туран, перегревшийся на солнце, в полубреду лежал у прутьев клетки. Сухой сезон закончился, дневная жара досаждала уже меньше, но в полдень под прямыми солнечными лучами было все еще опасно. Караван остановился на привал, бандиты разминали затекшие мышцы. Кому-то выпало охранять машины, кто-то, нарубив веток с колючих кустов, разжег костер и занялся ужином, прочие без дела сидели на камнях. Со всех сторон доносились ленивые голоса, ругань и смех.

Крючок, спрыгнув на землю, встал рядом с Макотой. Лопухий монотонно двигал челюстями, катая во рту жвачку – слабый наркотик из болотной травы, растущей где-то под Мин-

ском. Пластинками высушенных и спрессованных стеблей был забит кошель, висевший на поясе Крючка.

Бандиты молча глядели на пленника, он же едва различал фигуры у повозки. В голове до сих пор гудело злое полуденное солнце, обожженная кожа на лице стянулась, будто ее вымазали клеем и тот засох.

– Ну ты, слышь, – обратился Макота к Крючку. – Ты скажи, почему вокруг меня одно дурачье?

Крючок, меланхолично жуя, пожал плечами.

– Вот ты тоже дурак, как и остальные.

– А-а... – равнодушно протянул лопухий бандит.

– Я чё те сказал? Я сказал: чтоб с шакаленком порядок был. До конца пути ты за это отвечаешь. Сказал?

– Ну, сказал.

– Не «ну, сказал»! – повысил голос атаман. – Я приказ те отдал! Так чего он полудохлый, тупая твоя душонка?!

– Ну так солнце же. Спекотно днем.

– Спекотно! Тупой! Так тряпку возьми и накрой клетку! И воды ему дай! Карл во Дворце остался, здесь его лечить некому. Короче, ты запомни, Крюк: ежели он сдохнет – посажу тебя самого в клетку и продам на Арену. Обучат тебя красиво помирать и отправят на игрища. Понял, стручок ты кукурузный?

Крючок пожал плечами и равнодушно пробурчал:

– Понял.

Когда Макота ушел, бандит выплюнул жвачку, достал из кошеля новую пластину, сунул в рот и полез на телегу. Первым делом он протолкнул между прутьями тыквенную флягу с водой, потом вытащил из поклажи большой кусок брезента и накрыл клетку.

Распухшими пальцами пленник выдернул из фляги затычку, напился, протер лицо и шею, побрызгал на затылок. Стало легче, гул в голове смолк. Туран откинулся на спину и закрыл глаза. Его везли в Донную пустыню, чтобы сделать гладиатором, бойцом на Арене или «бегающим мясом». Про игрища на Корабле постоянно рассказывал Шаар Скиталец. Он часто упоминал одно из представлений, когда на центральную, самую большую Арену выгоняли толпу безоружных рабов, а затем спускали на них оголодавших мутантов и мутафагов. Для людей это была верная смерть, никто не выживал, хотя иногда доведенные до отчаяния рабы умудрялись завалить пару-тройку тварей.

Крючок принес миску тыквенной каши и кукурузную лепешку. Миска между прутьями не пролезала, бандит поставил ее на солому, устлавшую дно телеги, почесал волосатую грудь и ушел к костру, к товарищам, которые передавали по кругу бутылку.

Туран прижал лицо к прутьям, просунул между ними руки и принялся есть, макая лепешку в кашу. Лепешка оказалась полусырой, тесто липло к зубам, зато его щедро сдобрили перцем.

Поздней ночью, когда стало прохладнее, караван отправился в путь и ехал без остановок почти до полудня. Ящерам раскаленный воздух не доставлял неудобства, зато людям в душных кабинах приходилось несладко.

В полдень бандиты останавливались на несколько часов, прятались под «Панчем» и фургонами-самоходами, расстелив на горячих камнях куски толстого брезента. Лечь, накрыть лицо соломенной шляпой и дремать в ожидании вечерней прохлады – единственный способ переждать жару.

Плотная ткань защищала Турана от прямых солнечных лучей, но дышать горячим воздухом было тяжело. Он укладывался ничком, закрывал глаза и валялся до тех пор, пока караван не трогался с места.

Они ехали мимо развалин заброшенных поселков, занесенных песком фундаментов, карьеров и пустырей. Пленник целыми днями переползал по дну клетки с места на место и разглядывал окрестные пейзажи. Никогда раньше Туран не бывал так далеко от родной фермы. Машины катились по холмам и долинам, иногда вдалеке проходили стада сайгаков, пробегали небольшие стаи шакалов или волков-панцирников; изредка появлялись люди, охотники или бродяги, но никто не пытался приблизиться к охраняемой колонне.

Шел десятый день пути, когда караван достиг хорошо утрамбованной земляной дороги между редколесьем и руслом высохшей реки. Расслышав сквозь гул моторов крики, Туран поднял голову. Из-за деревьев выскочили люди в лохмотьях, вооруженные пороховыми самострелами и копьями. Раздались выстрелы, с головы Крючка слетела шляпа, он свалился с телеги, выпустив вожжи. Караван встал, с дружным лязгом на правом борту «Панча» откинулись крышки над узкими лючками. Хором рявкнули с десятков стволов, и трое нападавших упали.

Крючок, лежа у колеса телеги, перезаряжал обрез. Туран искоса оглядел бандита, на ремне которого висел нож в шитых из тонкого войлока ножнах. Выпрямившись, лопухий привалился к клетке спиной. Соблазн был велик. Туран протянул руку и осторожно взялся за рукоять. Выстрелы не смолкали. Бродяги отступали в редколесье, люди Макоты азартно палили им вслед.

Туран успел вытащить нож до половины, когда Крючок резко повернулся и локтем отбросил его руку. Выплюнув травяную жвачку, бандит ткнул пленника стволом в лоб, но тот отпрянул, удар вышел слабый.

Бродяги убежали, оставив на краю рощи несколько тел. Макота приказал, чтобы трупы осмотрели, оружие и все мало-мальски ценное забрали, добились раненых.

Позже, во время привала, Крючок вместе с атаманом подошел к телеге. Оглядев Турана, Макота сказал:

– Нож, а? Ожил, шакаленок, резвый опять. Тебе, знать, упражняться надо, хватит отлынивать. Завтра бой устроим. Готовься, Крючок.

– А и ладно, – пожал плечами лопухий бандит.

* * *

На следующий день караван достиг свалки автомобильных покрышек и железного лома. Бандиты разбили лагерь между черными холмами и руслом высохшей реки, поставив машины в круг.

– Ну чё, малец, – сказал Крючок, выплевывая жвачку. – Щас я тебя бить буду.

Все члены клана, кроме выставленной атаманом охраны, столпились у телеги, гомоня в предвкушении зрелища. Крючок открыл клетку, Туран выбрался наружу, потер поясницу, выпрямился во весь рост. В клетке он мог стоять лишь слегка пригнувшись и наклонив голову. Из кузова «Панча» вынесли кресло на подставке-раме и водрузили на другую клетку. Пятнистого мутанта загнали в угол, чтобы не мешал атаману залезть наверх. Макота уселся, положив на колени ружье.

Турана стерегли двое – лысый Морз и тощий длинноволосый Каланча. Крючок отошел к соседней повозке, скинув куртку с рубахой на руки Малика, до колен закатал штаны, несколько раз присел, помахал руками, постучал себя ребром ладони по шее. Подбежал молодой механик Дерюжка, протянул жестяную банку. Крючок зачерпнул оттуда что-то прозрачное и принялся втирать в тело. Запахло жиром панцирного волка.

Туран сел, поджав ноги. Макота сдвинул брови, и Морз хрипло заорал:

– Ты чего сел?! Встать! Встать, говорю!

Они с Каланчой пинками заставили пленника подняться.

– На! – Под нос Турану сунули банку с жиром. – Мажься, шакаленок.

Пленник покачал головой. Мышцы его после долгого пребывания в клетке ослабли, немного кружилась голова.

Торс Крючка блестел от жира, лопухий намазал даже лицо и коротко остриженные волосы, которые теперь торчали, словно иглы ежа.

– Смажься! – Морз опустил ладонь на затылок Турана и надавил; второй бандит держал банку перед носом пленного. – Ну!

Едва не ткнувшись лицом в жир, Туран переступил с ноги на ногу и врезал Морзу локтем по ребрам. Быстро шагнул в сторону, выхватив банку, швырнул в голову долговязого Каланчи. Морз крикнул, схватившись за бок, его напарник отпрыгнул, ругаясь. Банка покатила по земле. Бандиты вокруг загоготали, кто-то захопал в ладоши. Морз схватился за нож, Каланча за пистолет, но тут раздался крик Макоты:

– Назад! Ему не с вами драться! Морз, не тронь шакаленка!

Крючок достал пластинку травы, сунул в рот, снял с пояса кошель и, бросив его на землю, медленно пошел вперед, приподнимая и опуская плечи, наклоняя голову то влево, то вправо. Каланча с Морзом отступили.

Макота поднял руку, готовясь дать сигнал к началу схватки, бандиты притихли, но Туран не стал дожидаться – тело его после многих дней бездействия требовало движения. Пригнувшись, он бросился на Крючка, врезался головой ему в грудь и тут же ударил кулаком в живот. Крючок отскочил; оба удара достигли цели, но не причинили особого вреда. Бандит резко подался вперед, будто собрался боднуть противника лбом в нос, Туран отпрыгнул, Крючок нырнул следом, обхватил его за поясицу и приподнял. Толпа взревела, что-то возбужденно забормотал пятнистый мутант. Ноги Турана повисли в воздухе, он неловко ударил Крючка кулаком по спине, а тот, сцепив кисти в замок, сжал его сильнее. Ребра скрипнули, в глазах потемнело. Туран саданул локтем по мускулисту плечу, кулаком – по шее, по затылку. Руки соскальзывали с натертой жиром кожи, а лопухий, громко сопя, сдавливал его все сильнее. Макота привстал, наблюдая за поединком. Пятнистый мутант, припав мордой к прутьям, вцепился в них лапами и рычал.

Хрипло выдохнув, Крючок сжал противника еще крепче. Туран больше не бил, сил на это не осталось – стучал ладонями по плечам и бугристу, влажному от жира затылку. Мир качался, тускнея. Пятнистый мутант сочувственно глядел на Турана и от волнения дергал себя за ухо.

Ухо! Туран, зажмурившись, схватил Крючка за оттопыренные красные уши – и рванул что было сил.

Крючок замычал, выпустив противника, отпрыгнул с перекошенным от боли лицом. Бандиты восторженно взревели.

– Добрый прием! – гаркнул Макота, потирая руки. – Вот это дело, шакаленок!

– Десяток патронов к ружью ставлю, что Крючок фермера одолеет, – произнес старший механик Захар.

– Принимаю! – откликнулся Малик.

Туран отступил к телеге, поглаживая ребра, оглядел небритые лица вокруг. Макота ухмылялся, мутант скалился и кивал пленнику.

Крючок потрогал уши и пошел вперед. Челюсть двигалась быстрее обычного, он чавкал и брызгал зеленой слюной. Когда бандит бросился на Турана, тот встретил его прямым ударом в лицо, но Крючок пригнулся, упал на колени и врезал ему двумя кулаками в живот.

Пятнистый мутант зарычал. Туран упал на спину, дыхание перехватило. Он перевернулся на бок, скорчился, прижав колени к груди, и увидел Крючка над собой. Бандит занес ногу, чтобы ударить его подкованным каблуком в лицо.

– Авиетки! – закричал кто-то. – Авиетки летунов!

Бандиты кинулись кто куда, в машины и под телеги. В небо уставились десятки стволов. Макота полез с клетки вниз, мутант попытался ухватить его за сапог, просунув волосатую руку между прутьями, но не успел.

Атаман закричал:

– Не стрелять в летунов! Только если нападут, слышали? Все слышали?!

Две небольшие авиетки промчались над горами покрышек. Одна полетела по кругу, слегка накренившись, вторая – по прямой и над руслом реки заложила крутой вираж. Туран увидел головы над открытой кабиной, кожаные шлемы и квадратные очки. У сидящего сзади человека в руках было ружье. Авиетка пронеслась над караваном, головы небоходов повернулись в сторону «Панча».

Они прилетели за ним! Карабан Чиора обещал, что его найдут. Наверное, летуны побывали на ферме, увидели, что она сгорела, и отправились на поиски Турана. Он приподнялся, хотел помахать рукой, но не стал: слишком много бандитов вокруг, они заметят и поймут, что пленник подает сигналы.

Теперь обе авиетки летели совсем низко. Двигатели гудели, рокотали пропеллеры. Макота, забравшись на подножку «Панча», открыл дверцу и поднял ружье.

Оглядевшись исподтишка, Туран увидел, что рядом никого нет, и пополз к пересохшей реке. «Панч» перекрашен, и хотя оружейная башенка – деталь приметная, летуны могут не признать грузовик. Тем более что в авиетках не было Карабана с Аютой. Очки и шлемы мешали рассмотреть лица, но в обеих машинах сидели мужчины, и ни у одного не было длинных лихих усов.

Даже если летуны узнают «Панч» – что будет? Им нужен железный ящик, а не Туран Джай. Они приземлятся и попытаются договориться? Мирно расспросят бандитов о Туране? Гильдия могущественна, но не всесильна, а до Крепости далеко. Что, если Макота прикажет убить летунов и сжечь авиетки? Узнав об их интересе к фермерскому сыну, атаман возьмется за него...

Достигнув обрывистого берега реки, пленник увидел застывшую грязь внизу. Пророкотал мотор, винт взбил воздух над головой Турана, авиетка стала разворачиваться. Он перегнулся через край обрыва и упал. В груди екнуло, черная грязевая корка прогнулась, треснула. Авиетка, заложив вираж над горами покрышек, полетела вдоль реки, вторая понеслась на юг. Похоже, летуны не узнали грузовик. Вскочив, Туран побежал прочь от стоянки. Рокот моторов затихал: крылатые машины мчались в сторону Киева.

Грохнул выстрел, пуля взломала корку у самых ног. Сзади донесся окрик. Беглец остановился и медленно повернулся. Стоящий на берегу Крючок целился в него из обреза. Туран огляделся. До противоположного берега далеко, спрятаться негде, он здесь как на ладони. И бежать нет смысла – пуля догонит...

Рокот авиеток стих, рядом с Крючком показался Морз, а за ним и атаман. Макота ткнул в Турана пальцем, поманил к себе. Ссутулившись, пленник пошел обратно. Кое-как забрался по склону. Когда он встал перед бандитами, Макота ударил его в челюсть, Туран упал и замер, вперив взгляд в сапоги атамана. Зубы свело от напряжения. Ему хотелось вцепиться в эти сапоги, рыча, прогрызть лодыжки врага, опрокинуть его – и бить, топтать, ломать кости... Но он лежал молча, не шевелясь. Он копил в себе ненависть, как старый скряга, дрожащий над монетами в своем сундуке.

– Вставай ужо, – сказал Макота и отвернулся. – Прыткий он стал, э? Ладно, запирайте его. Крюк, теперь в оба гляди, нам до Моста еще переть и переть.

* * *

Прошло много дней с тех пор, как Туран покинул Дворец. Он дрался почти каждый день, лишь иногда Макота давал передышку, если пленнику особенно сильно наминали бока. Бои были единственным развлечением в пути; бандиты делали ставки, живо обсуждали, сумеет ли фермерский шакаленок выстоять сегодня или нет, кричали, хлопали в ладоши, ругались и хохотали. Часто Туран оказывался побежденным, но случалось и по-другому. Он больше не брезговал мазаться жиром, каждый день упражнялся в клетке – подтягивался на верхних прутьях, отжимался, качал пресс. Туран Джай и раньше не был слабаком, теперь же мышцы всё рельефнее проступали под кожей, плечи расправились, прямее стала спина.

В одной из драк Крючок ухватил его за отросшую шевелюру и приложил головой о борт телеги, едва не раскроив череп. После этого Туран отказался драться, пока ему не обрежут волосы, и Морз налысо обрил пленника своим раскладным ножом, до крови расцарапав темя. Сойдясь с Крючком вновь, Туран сделал подсечку, а когда бандит упал – прыгнув сверху, ударил коленями по ребрам. Крючок охнул и потерял сознание. Позже выяснилось, что одно ребро у него не то сломано, не то треснуло. Больше лопухий в боях не участвовал.

Караван приближался к границе степи, берегу Донной пустыни. Пейзаж менялся. Исчезли развалины древних построек, стало меньше птиц, куда-то пропали небольшие стада сайгаков, кочующие по Пустоши в поисках оазисов.

Впереди показался длинный узкий холм, по которому можно было подъехать к воротам Моста, но на пути к нему машины уткнулись в большой ржавый автобус, стоящий поперек накатанной колеи.

Первым двинулся мотофургон с красным флагом над крышей, прикрытый с боков мотоциклетами, которым что дорога, что бездорожье – все едино. Караван встал, мотоциклетка и мотоцикл устремились вперед. Макота выскочил на подножку «Панча» и заорал, приказывая вернуться, но за ревом двигателей его не услышали.

Через мгновение окна автобуса ошетинились оружейными стволами. Гроыхнули выстрелы. Мотоцикл вильнул, водитель откинулся назад, ноги взлетели к небу, он свалился на землю. На мотоциклетке раненый бандит судорожно вцепился в руль; сидящий за ним попытался спихнуть товарища, чтобы перехватить управление, но не успел – машина врезалась в автобус, и водителя швырнуло на ржавый борт. Из окна по пояс высунулся человек в кожаной куртке, усеянной заклепками, приставил ствол к темени второго бандита, который, вылетев из седла, стоял на четвереньках посреди обломков, и нажал на спуск.

Взревели моторы, по сторонам от автобуса на дорогу выскочили приземистые черные машины с человеческими черепами, закрепленными на капотах. Вместо лобовых стекол полосы металла, вперед можно смотреть лишь сквозь узкие щели. В машинах сидели вооруженные люди, затянутые в черную кожу.

– Кетчеры! – крикнул кто-то, и по всему каравану загрохотали выстрелы.

Стволы исчезли из окон автобуса. С ревом из-за остова выкатилась еще пара иссиня-черных машин. К капоту и бамперу одной были приварены трубы, образующие треугольный таран. На крыше красовался клыкастый череп акулы-мутафага из Донной пустыни, за ним торчала пулеметная турель с сиденьем.

Туран наблюдал за происходящим из клетки. Изрыгая дым, автомобили кетчеров помчались по широкому кругу. Три, резко ускорившись, нырнули между самоходами клана. Бандиты беспорядочно стреляли, кетчеры палили в ответ.

Крючок врезал манису шестом по башке, ящер зашипел и побежал быстрее. Машина с акулым черепом пронеслась мимо телеги. Из открытой кабины на пленника смотрели двое

кетчеров. За пулеметной турелью восседал здоровяк в кожаных штанах, жилете и перчатках-крагах; ремешок массивного шлема врезался в двойной подбородок.

Пулемет впечатлял, Туран еще не видел такого оружия: несколько стволов спаяны в цилиндр, сзади длинная рукоять, снизу приварен ящик, из которого к цилиндру тянется патронная лента.

Здоровяк – наверное, он был главарем банды – развернул пулемет в сторону «Панча», но огонь открыть не успел. Мотоцикл с коляской нагнал его машину, и Малик прыгнул с сиденья на черный багажник. Блеснул нож, здоровяк взревел, машина унеслась вперед и скрылась за самоходом с флагом на кузове. Зато вместо нее рядом с телегой появилась другая – водитель был мертв, пули продырявили капот, из-под него пробивались языки пламени. Усатый кетчер в шлеме с забралом, сидевший рядом с мертвецом, почти в точности повторил маневр Малика: забравшись на спинку сиденья, перепрыгнул на телегу.

Крючок выхватил дробовик из сумки-кобуры на спине. Ударив его, кетчер потянулся за большим пистолетом, торчащим из-за ремня. Бандит уронил обрез на дно телеги, бросив вожжи, схватил усатого и прижал его локти к бокам. Кетчер был на голову выше Крючка и в плечах куда шире, к тому же бандит двигался неловко из-за поврежденного ребра. Он сдавил бока кетчера, а тот вырывался, пытаясь достать пистолет. Повозка качнулась, когда никем не управляемый ящер повернул, обегая автобус. Впереди ехали два бандитских самохода с цистернами на прицепах, мотоцикл и пара мотоциклеток. По бокам неслись легковушки кетчеров.

Усатый навалился на Крючка, но тот извернулся и прижал его к клетке. Ревели дизели, грохотали выстрелы, выхлопные трубы изрыгали вонючий дым. Мимо телеги пронеслась мотоциклетка, ее преследовали две машины, украшенные черепами.

Кетчер выпрямился, приподняв вцепившегося в него Крючка, и сумел наконец достать пистолет. Бандит сжал локти кетчера так, что от науги покраснело лицо. И все равно ствол пистолета медленно поворачивался – еще немного, и усатый выстрелит в противника.

Туран не ждал от кетчеров ничего хорошего: сейчас он, по крайней мере, жив, а если они одолеют банду Макоты, то без лишних разговоров пристрелят пленника. Кетчеры – убийцы-кочевники, промышленяющие грабежом караванов и одиноких торговцев, налетами на нефтяные вышки и небольшие поселки. У них нет постоянных лагерей, потому пленных они стараются не брать даже ради выкупа.

Сунув руки между прутьями, он обхватил усатого за шею. Тот захрипел, попытался ударить нового противника, но Крючок держал крепко. Туран сдавил горло что было сил. Крючок, сипло выдохнув, вырвал у кетчера пистолет и выстрелил в решетчатое забрало, скрывавшее верхнюю часть лица.

Между прутьями забрала плеснулась кровь, мертвец свалился возле клетки. Обессиленный Крючок, уронив пистолет, на четвереньках пополз к своему обрезу.

Пистолет упал на поверженного кетчера, и Туран схватил его. Он еще не видел такого красивого оружия: узор на широком стволе, лакированная рукоять с железным кольцом и цепочкой, серебристый шомпол под стволом. Туран взялся за цепочку.

Раздался крик, и он поднял голову. Ящер, взбудораженный грохотом выстрелов и ревом моторов, бежал со всех ног. Автобус остался позади, дорога тянулась дальше по вершине узкого холма. Мимо пронеслась командирская машина кетчеров – сидящий рядом с водителем человек был убит, на спине мордатого здоровяка висел Малик. Кетчер держал бандита за волосы и тянул вперед, пытаясь перебросить через себя, Малик колотил его по плечам и голове. На полном ходу легковушка врезалась в мотоциклетку, сваренный из труб таран поддел ее и подбросил. Мотоциклетка кувыркнулась в воздухе, из нее выпал бандит, с воплем покатился по земле, машина рухнула на него, и крик смолк.

– Бросай, – сказал Крючок, целясь в Турана из обреза. – Наружу бросай.

– Если бы не я, он бы тебя застрелил. – Туран кивнул на мертвеца в черной куртке.

Крючок пожал плечами:

– Ага. А теперь бросай, а то шамальну.

Туран кинул пистолет ему под ноги, но вместо того чтобы поднять оружие, лопухий вдруг заорал:

– Берегись!

С надсадным ревом со склона за краем дороги вынеслась машина кетчеров. Она взлетела, как по трамплину, и Туран кинулся на пол, увидев над собой бешено вращающиеся колеса. Бампер врезался в крышу клетки, повозка просела на бок, верхние прутья смяло. Упав на спину, Крючок выстрелил из обоих стволов. Дробь прошла бензобак, полетели искры. Пронесшийся над телегой черный автомобиль ударился о землю и вспыхнул.

От столкновения с ним клетка погнулась, Турана прижало к полу, но он хорошо видел происходящее. Взрывом машину швырнуло в мотофургон, тот накренился, и водитель вывернул руль, чтобы самоход не опрокинулся. Туран заерзал, пытаясь выбраться из западни. Крючок, присев рядом, быстро переломил дробовик, зарядил и направил на пленника:

– Лежи на месте, никуда не суйся.

Туран только сейчас осознал, что телега встала: машины каравана двигались мимо. Приподняв голову, он увидел лежащего на боку ящера с дырой в башке. На крышу проезжающего мимо «Панча» выбрался Макота, вооруженный винтовкой с длинным стволом, в шляпе и с трубкой в зубах. В атамана сразу же выстрелили с нескольких сторон, но никто не попал. Когда Макота поднял винтовку, в пространство между «Панчем» и телегой ворвалась черная машина с пулеметом на крыше. Мордатому здоровяку удалось сбросить Малика, теперь он стрелял, бешено вращая рукоять пулемета – стволы крутились, и тот, что оказывался наверху, выплевывал короткий язык огня. От оружия шел дым. Полоса дыр прочертила борт «Панча», здоровяк откинулся назад, задирая стволы, чтобы достать очередью человека на крыше, но тут Макота выстрелил, и пулемет захлебнулся. Атаман снова вдавил спусковой крючок. Командирская машина кетчеров вильнула, пристегнутый ремнем главарь обвис на сиденье, когда пуля продырявила лоб под краем черного шлема.

Неуправляемая легковушка слетела по крутому склону и врезалась в землю у подножия холма. Из-под капота повалил дым, еще пару мгновений мотор хрипел, потом взорвался. Оставшиеся в живых кетчеры, развернув свои машины, рванули в разные стороны от каравана. Люди Макоты падали вслед, пока атаман не приказал прекратить огонь.

Караван остановился. Черные машины в облаках пыли мчались к горизонту. Впереди виднелись ворота Моста.

* * *

Крючок охранял Турана, пока Морз и Дерюжка с Маликом, громыхая кувалдами, чинили клетку. Караван потерял самоход, сгорели весь провиант, мотоцикл и две мотоциклетки. Бандиты сновали вокруг, Туран исподлобья наблюдал за происходящим. Свою вконец изорванную рубаху он снял, остался лишь в грязных штанах и ботинках.

За грузовиком кто-то стонал, возле мотофургона с топливной цистерной лежали тела, над которыми склонился долговязый Кромвель, заменяющий в отряде лекаря. Туран шагнул назад, освобождая дорогу троим, несшим раненого с обгоревшим лицом. Что-то коснулось затылка, покрытого ежиком едва отросших волос, и пленник обернулся. Позади стояла телега с клеткой, сидящий на корточках пятнистый мутант по плечо протиснул между прутьями волосатую руку. Он не схватил человека за голову, хотя мог это сделать, лишь притронулся грубыми толстыми пальцами, чтобы привлечь внимание.

Пятнистый оскалился, показав желтые клыки, и быстро закивал, хлопая ладонью по железному ошейнику. Не зная, как реагировать на такое дружелюбие, Туран кивнул в ответ. Мутант замычал, вцепился в прутья, дернул – клетка скрипнула, но не поддалась.

– Ладно, – сказал Туран. – Ты сильный парень, но вылезти наружу не сможешь. И я тебе ничем не помогу, я такой же пленник.

Склонив голову, пятнистый смотрел на человека темными глазками. Он опять схватился за прутья, попытался раздвинуть их, мышцы на плечах вздулись – мутант был очень силен, но все же не настолько, чтобы сломать решетку из толстой арматуры. Скалясь, он вопросительно поглядел на Турана. Тот покачал головой.

– Отойди! – раздалось сзади, и он шагнул прочь от телеги.

Крючок стоял неподалеку, покачивая обрезом, равнодушно взирал на суету вокруг. Туран присел на корточки, быстро огляделся и, убедившись, что за ним не наблюдают, пощупал правую ногу выше колена.

Разъяренный, брызжущий слюной Макота метался по вершине холма. Наплевать на людей, но он потерял столько машин! Чтобы как-то успокоиться, атаман дал в ухо первому попавшемуся бандиту, расквасил нос еще одному и лишь потом стал распределять обязанности. Часть людей занялись ремонтом мотоциклеток, кто-то принялся осматривать продырявленный борт «Панча», кому-то выпало охранять караван.

Туран выпрямился. Крючок отвернулся, вокруг бегали, кричали друг на друга бандиты. Нет, даже в такой неразберихе ему не уйти далеко. Караван стоит на вершине, с одной стороны обрыв, с другой пологий склон. Бежать вперед, возвращаться назад... Его легко подстрелят. Заметив кусок металла, торчащий из рыхлой земли, Туран носком ботинка счистил с него грязь и разглядел выдавленные в железе буквы. Мать выучила сыновей грамоте, и он прочел, шевеля губами: «О-де-са».

Что еще за Одеса? Наверное, это название какого-то древнего поселения?

– Так, а тут чего?

Туран поднял голову. Макота стоял возле телеги, хмуро разглядывая труп ящера.

– Крюк!

К атаману подошел лопухий, челюсть его монотонно двигалась.

– Чё ты всё жуешь, харя?! – разъярился Макота. – У меня стоко потеря, а ты... Почему ящер сдох?!

– Мне б если в башку из тридцать восьмого залепили, так я б тоже сдох, – отвечивал Крючок философично.

– Еще сдохнешь у меня! – Макота погрозил кулаком, но лопухого было не пронять.

– Все там будем, – неопределенно откликнулся он. – Теперь пересаживать хлопчика надо.

Бандиты повернулись к Турану, и Макота спросил:

– Куда пересаживать?

Крючок пожал плечами:

– Тебе решать. В самоход или в грузовик твой. Не к мутанту ж его в клетку – подерутся.

– В грузовике я еду! И мне чё, прикажешь телегу здесь бросить?

– Не, зачем? К грузовику привяжем.

Макота еще раз оглядел пленника и ткнул в него пальцем:

– А вот пусть он тащит. Ему упражняться надо, силушки набирать. Я ж не в бордель его продавать везу, а в гладиаторы. Запряжешь шакаленка вместо этой падали. – Макота пнул ящера. – Понял?

– Ладно, – согласился лопухий.

Туран слушал их равнодушно, будто речь шла не о нем. В рукояти пистолета того кетчера, которого застрелил Крючок, находился короткий стилет. Потянув за кольцо с цепочкой, пленник вытащил его, и теперь стилет был спрятан под штаниной на правой ноге.

Глава 7

– Стой! – Крючок несильно ударил Турана шестом по плечу, и тот перестал налегать на подпругу. Ноги подгибались, дыхание с хрипом вырывалось из груди. Пленник опустился на колени.

Тяжелые створки ворот крепились к двум столбам из установленных один на другой автомобилей, залитых бетоном. На самом верху торчала пара больших джипов без колес, из салонов вниз глядели загорелые мужчины, вооруженные помповыми ружьями и карабинами. Ворота Моста высились на краю обрывистого берега, за которым начиналась Донная пустыня; перед ними стоял ряд накрытых брезентом телег. На обочине за длинным столом сидели люди в коричневых штанах и куртках – таможня Моста.

Фермер, хозяин груженых товаром телег, беседовал с толстым командиром таможенников. Тот слушал вполуха, на вопросы отвечал односложно, чаще просто кивал – и отказывался скостить плату за проезд.

В конце концов, не выторговав ни единой монеты, фермер заплатил пошлину. Макота вылез из «Панча», раскурил трубку и в сопровождении двух бандитов подошел к столу. Спрыгнув с повозки, Крючок встал рядом с Тураном. Пленник не пытался подняться с колен – у него болело все тело, сердце громко стучало, в боку кололо.

– Два самохода, грузовик, мотоциклы, – протянул Крючок, сплевывая жвачку. – Да народу почти два десятка. Много атаману платить.

– Зачем платить? – спросил Туран, тяжело дыша. – Почему не спуститься в пустыню где-то в стороне?

Бандит покосился на него:

– Берег обрывистый. До места, где спуститься можно, крюк большой делать надо. А на другом конце Моста есть хороший спуск. Мост – это ж просто так называют его, а на самом деле он навряде дороги такой, бетонки на сваях. И на другом конце с нее съезд. Говорят, там остров из коралла, этого... искусственного, который теперь как гора стал. Да еще у атамана дела здесь. И арбузами запастись надо, без арбузов дальше никак.

Макота заговорил с таможенником, тот назвал цену, атаман в ответ что-то прорычал, пыхнув табачным дымом. Толстяк развел руками: не устраивает – катись куда хошь.

– Жадный наш атаман, – прокомментировал Крючок, криво улыбувшись. – Не любит с деньгой расставаться.

Макота раскрыл кошель и бросил на стол монеты. Пока толстяк неторопливо пересчитывал их, раздался скрип цепей, створки ворот открылись, и телеги фермера вкатились на Мост.

На крышу одного из венчавших столбы джипов выбрался человек. Приставив ладонь ко лбу, глянул вниз, повернулся к товарищам и махнул рукой – караван пока что не пропускали, ворота за фермерскими телегами закрылись. Атаман, склонившись над столом, что-то сказал толстяку. Тот ткнул Макоту пальцем в грудь, скривил губы в усмешке и принялся пересчитывать монеты заново.

Туран посмотрел на Крючка. Глаза бандита поблескивали, он казался непривычно оживленным, будто предвкушал что-то.

– Ты здесь был? – спросил пленник.

– Чего?.. А, ясное дело.

– Что интересного есть на Мосту?

Крючок почесал кадык.

– Арбузы и мамми.

– Мамми?

– Кактусы. – Лопухий широко улыбнулся. – Колючие. И вкусные – обожраться. Кровь от них аж вскипает.

Наконец Макота и таможенник разобрались с платой за проезд. Атаман отступил, толстяк встал из-за стола, и тогда Туран увидел, что это киборг. Левая нога, штанина на которой была обрезана, ниже колена сплошь железная: рычаги, толстая пружина, шестерни в том месте, где начинается стопа, то есть узкий металлический брусок с рядом круглых отверстий. Таможенник прошелся вдоль машин каравана, пересчитывая высыпавших наружу бандитов, при каждом шаге в механической ноге лязгало, в решетчатом колене качался короткий шатун, ходил вверх-вниз поршень.

Кивнув на «Панч», толстяк спросил у Макоты:

– Никого внутри?

– Никого, – ответил атаман, раздосадованный этой проверкой. – Мож, в кузов залезть хочешь?

– Что ты, я тебе верю, – сказал толстяк, улыбаясь.

Он скользнул по Турану равнодушным взглядом, посмотрел на мутантов в клетках и полязгал обратно к столу, на ходу крикнув:

– Ладно, пускайте!

Заскрипели невидимые цепи, и ворота открылись. Зарокотали моторы. Выплывывая дым из труб, машины поехали вперед, следом потянулись телеги. Пятнистый сидел у прутьев клетки, раскачиваясь из стороны в сторону, и смотрел на Турана сонными глазами; получив порцию кашицы, он пребывал в благостном расположении духа. Крючок сказал пленнику: «Тяни, шакаленок», – и пошел вперед.

Ныли спина и плечи, болели ноги, но Туран поднялся и зашагал, натянув постромки. Телега, скрипнув осями, покатила за ним.

На Мосту дул ветер, было жарко и душно. Когда-то это сооружение соединяло берег с большим искусственным островом, бетонное полотно полого изгибалось, конца не разглядеть. Здесь все было устроено очень просто: в центре – гладкая серая полоса для пешеходов и транспорта, по сторонам – неказистые хибары, лавки, ночлежки и притоны. Строения, сплетенные из толстых высушенных стеблей, напоминали большие корзины, в которые на ферме Бориса Джай-Кана собирали кукурузные початки.

– Почему они из камня не строят? – спросил Туран, нагнувшись вперед так, что постромки впились в плечи. – Или из кирпича?

– Нельзя тут, – сказал Крючок. – Оно все тяжелое. Мост не выдержит, старый совсем.

– Но «Панч» таможенники пропустили, он тоже тяжелый.

– Чё за «Панч»?.. А-а, грузовик твой бывший. За него атаману лишнюю деньгу пришлось отвалить. И все одно охрана запретила на ночь машины на Мосту ставить, потому мы на Квадрат едем, тока там заночевать можем.

– Что еще за Квадрат?

– Гостиница такая. Отстань, шакаленок, щас все сам увидишь.

Солнце сползло к горизонту. Караван миновал большое здание-корзину с многочисленными пристройками, над крышами которых вились виноградные лозы. Шины сухо шуршали по бетону, уставшие бандиты ехали молча, предвкушая отдых. Туран больше не задавал вопросов. Голова его кружилась от напряжения, в ушах гудело.

Над крышами торчали верхушки железных столбов. Между ними протянулись цепи и тросы, к которым были прикручены проволочные сетки, клетки и деревянные помосты – так называемые висячие сады, славившиеся обильными урожаями. Мост находился в одном из немногих мест Пустоши и Донной пустыни, богатых водой. От десятков скважин вверх шли трубы, над сетками они изгибались горизонтально, ветвились желобами. Сквозь узкие отверстия сеялись капли воды, искусственный дождь орошал мясистые бледно-зеленые стебли,

обвившие сети и клетки. На стеблях висели полосатые плоды размером с человеческую голову, а то и крупнее, – знаменитые водяные арбузы Моста. Из их мякоти делали сладкое вино, но главное достоинство арбузов заключалось в другом: они не портились даже при сильной жаре. Все, кто хотел пересечь Донную пустыню, брали арбузы в поход.

В сетях висели пугала, на столбах вращались ветряки – они давали электроэнергию, а заодно отгоняли длинноклювых птиц, любивших поклевать арбузы. Внизу между домами шныряли тощие псы. Из-за висячих садов и обилия воды на Мосту всегда прохладнее, чем в округе, но днем все же жарко, и местные прятались от зноя в тени. Лишь несколько бродяг дрыхли прямо на солнцепеке у края проезжей части, обмотав головы лохмотьями.

Часть труб оставались сухими, на них росли кактусы – бурые, длинные, колючие. Туран увидел, как по приваренным к трубе перекладинам вскарабкался полуголый парнишка с мешком у пояса. Встав в полный рост на последней перекладине, он рукой в кожаной перчатке схватился за основание пожелтевшего кактуса, отодрал его, сунул в мешок и потянулся к следующему, растущему выше.

– Маммилярый, – сказал Крючок и облизнулся. – Спелый.

– Что? – не понял Туран.

– Кактусы так называются, – пояснил бандит. – С них верхушки срезают, очищают от колючек и сушат на солнце. Мякоть коркой затягивает. Ее потом надо ножиком ковырнуть и... Ага, приехали. Вот он, Квадрат. Давай, все уже там, а ты плетешься.

Туран направил телегу на свободную от домов площадку из толстых бревен, пристроенную сбоку к Мосту. На ней вертикально стояли шесть огромных цистерн, плотно сдвинутых, с прямоугольниками дверей и окон. Судя по окнам, каждая цистерна делилась на два этажа. Круглые «крыши» были украшены клетями и сетками, без которых, похоже, не обходилось ни одно сооружение на Мосту.

Оскальзываясь, Туран подтащил телегу к середине площадки и упал на колени, тяжело дыша. Рядом с «Панчем» стояли машины каравана. Подошедший Макота вытащил из зубов трубку и склонился над пленником:

– Устал, шакаленок? Ничё, оно тебе на пользу. Окрепнешь, потом больше за тебя возьму. – Отвернувшись от Турана, атаман принялся отдавать приказы: – Рабов и ящеров накормить. Машины проверить. Потом все свободны до завтрашнего утра, кроме Морза и Каланчи. А ты чё лыбишься, Крюк? Знаю, о чем думаешь. Так от – забудь! Забудь, понял? Будешь здесь сидеть, ни шагу с Квадрата. Стережешь этих троих. Увижу мамми у тебя – сброшу вниз. Отседова далеко лететь.

Туран присел, потер поясницу. Уперев руки в бока, атаман стоял перед Крючком, а тот переминался с ноги на ногу. В окнах цистерн мелькали лица – постояльцы наблюдали за суетой.

– А жрать мне что? – спросил Крючок.

– А я скажу, чтоб принесли. – Макота зашагал к крайней цистерне. – Каланча, Морз, за мной, делов много.

– Куды идем, хозяин? – спросил Каланча, вылезая из кабины грузовика.

– Оно тебе не все равно? Сначала к Пузырю, потом к Рюрику.

* * *

Освободившись от упряжки, Туран едва доковылял до ограждения, на последнем шаге завалился вперед и упал грудью на массивный брус. Великая Донная пустыня раскинулась перед ним. Туран слышал, что когда-то она была дном моря, то есть огромного соленого озера, но не мог представить себе такое количество воды.

Дул жаркий ветер, завывал смерчи сухого ила. Гряды коричневых холмов, будто пласты грязи, лежащие один на другом, тянулись до горизонта. Опоры Моста вросли в окаменевший ил. Город-Корабль отсюда было не разглядеть.

Туран долго стоял у ограды. Такого он еще не видел – этот страшный, негостеприимный простор совсем не походил на знакомую степь. Вдалеке бесшумно били гейзеры, от них над слоистыми холмами расплзался грязно-серый туман. Солнце коснулось горизонта – и облака занялись огнем. Несколько секунд они тлели, разгораясь темно-красным светом, потом вспыхнули. Закатный пожар охватил небо, облака стали алыми.

Когда голова перестала кружиться и сердце в груди успокоилось, Туран нагнулся дальше, заглядывая под Мост. Там стояли низкие купола из кирпича, от них тянулись трубы, покрытые каплями конденсата. Отворив приземистую дверцу, из ближайшего купола на четвереньках выполз человек, выпрямился, отряхнул штаны и направился к соседней постройке, помахивая гаечным ключом.

Услышав рычание, Туран посмотрел через плечо. Мутанты, не получившие вовремя похлебку, маялись в своих клетках. Пятнистый тряс головой, ударял себя кулаками в грудь и поскуливал.

Крючок пропал, ни одного бандита поблизости не было. Что, если спуститься на дно высохшего моря, пока никто не видит? Снова перегнувшись через брус, Туран оглядел колонну, подпиравшую Квадрат. Нет, здесь не слезть.

Он обернулся, когда сзади раздался знакомый голос. Из двери крайней цистерны, воровато оглядываясь, показался Крючок. Пригнувшись, бандит отбежал подальше, выпрямился и неспешно направился к пленнику. Вскоре его догнал бородатый старик – наверное, хозяин гостиницы. Они остановились в тени самохода, Крючок передал старику монеты. Сунув их в карман, тот протянул бандиту тряпичный сверток, после чего хозяин вернулся в гостиницу, а Крючок опять зашагал к Турану.

Правую ногу прострелила боль – слишком долго тянул телегу, от непривычной нагрузки мышцы свело судорогой. Скрипнув зубами, Туран присел и стал мять пальцами голень, заодно проверив, на месте ли цепочка со стилетом.

– Чего корчишься? – Крючок встал над пленником.

– Судорога, – пояснил Туран, не глядя на бандита.

– Бывает, – кивнул лопухий. – Так, неча тут рассиживать, вон к той скобе двигай. Давай, давай!

– Мне надо поесть.

– Сейчас поешь. Туда иди, говорю.

Из гостиницы вновь показался хозяин, следом – грудастая девица с подносом, на котором стояли три миски и лежал кусок хлеба. Хозяин махнул рукой в сторону Крючка и что-то сказал, железная дверь за ним закрылась. Девица, виляя полными бедрами, подошла к бандиту.

– Вот, еда ваша, – сказала она. – Для зверья.

– Не звери они, а мутанты, – поправил Крючок. – А один так вообще человек. Отдай им миски и не маячь тут.

– Да ты ошалел, что ли? – возмутилась толстуха. – Сам отдавай, я к ним не подойду.

– Тогда этого покорми, шакаленка нашего, он смирный.

Крючок взял миски с зеленой кашицей и отдал мутантам. Те зачавкали, раздалось довольное урчание. Девица поставила похлебку перед Тураном, бросила на доски краюху хлеба. Ложка пленнику не полагалась. Крючок нетерпеливо переминался с ноги на ногу, сжимая свой дробовик.

– Это ж откедова вы его волочите? – Служанка не спешила уходить, с интересом рассматривала пленника. – Чего он чумазый такой и тощий?

– Откедова надо, оттедова и волочим, – ответил Крючок. – Шакаленок, жри быстрее!

Толстуха глядела на жующего Турана с жалостью и легким презрением. Даже она, замызганная гостиничная служанка, стояла выше на социальной лестнице Моста, чем пленник-раб.

– Все, хватит! – Терпению бандита пришел конец.

– Да он же не поел еще, – возразила толстуха. – Чего ты?

– Поел, поел. – Отпихнув ее локтем, Крючок вырвал из рук подопечного миску с остатками похлебки.

Пальцы Турана скользнули под штанину, к узлу цепочки, но тут лопухий пнул его ногой и повалил лицом вниз. Потом связал руки за спиной, продев веревку в скобу.

– Жестокий ты, – сказала служанка, прижимая поднос к груди. – Чего над человеком измываешься?

– Не измываюсь я. – У Крючка явно не было настроения продолжать беседу. – Давай, давай, иди. – Он шлепнул девицу ладонью пониже спины.

– Не пихайся!

– Иди, говорю.

– А миски? – Служанка показала на мутантов. – Миски надо забрать.

– Утром мы уедем, они тут валяться будут, заберешь.

– Вот еще – утром. Мне на кухню сейчас надо.

– А ну топай отседова! – заорал бандит и ткнул в живот толстухи обрезом. – А то пристрелю!

Служанка взвизгнула и бросилась прочь. Зацепилась ногой за сучок, торчащий из настила, упала, выронила поднос, вскочила – бандит все еще целился в нее. Оставив поднос, служанка подбежала к двери, распахнула ее и нырнула в гостиницу. Дверь захлопнулась.

Крючок, скупно улыбнувшись, стащил с телеги одеяло, расстелил на досках и сел.

В гостинице было тихо, зато с Моста доносились голоса – жара спала, люди вышли на свежий воздух. Крючок достал из кармана тряпичный сверток, развернул и причмокнул, предвкушая удовольствие. Положив на одеяло бледно-зеленый ломоть кактуса, снял куртку, стянул через голову рубаху и вытащил нож. Вытерев о брючину, провел лезвием по плечу. Когда потекла кровь, он схватил мамми, сделал на нем надрез и приложил к ране. Ноздреватая, будто губка, мякоть тут же напиталась кровью. Лопухий убрал руку – мамми остался висеть на плече.

– Крючок! – позвал Туран.

Бандит молчал.

Пленник повторил громче:

– Эй, слышишь!

– Чего тебе? – невнятно откликнулся Крючок.

– Кто такой Пузырь?

– Торговец, – пояснил бандит, едва ворочая языком. Сок мамми уже попал в кровь. – Арбузник. Арбузы продает, жирняк.

– А Рюрик?

– Заткнись, шакаленок.

– Сейчас я заткнусь, – пообещал Туран. – Но ты сначала ответь: кто такой Рюрик?

– Притон держит. – Теперь Крючок говорил совсем неразборчиво. – Большой притон, «Под Мостом» называется. Там нанять можно... – Вдруг он громко засмеялся.

Это был чистый детский смех, Туран даже вздрогнул – настолько неожиданно он прозвучал. Приоткрыв рот, Крючок откинулся назад, упер локти в одеяло и забормотал. Потом улыбнулся Турану, лег на спину и притих.

Стемнело, на Мосту зажглись огни. Между плетеными домами разгуливал народ, с гудением проезжали машины. Поскрипывали плохо смазанными осями телеги, где-то визгливо ругались женщины.

– Геда! – вдруг сказал Крючок, подняв к небу руку. – Брат, прости, я не смог. Испугался, с этими зверями пошел...

Слова превратились в неразборчивое бормотание, Крючок хлопнул ладонями по одеялу, пытаясь встать, но так и остался лежать.

Ждать дальше было бессмысленно. Туран выгнулся дугой; суставы заскрипели, лицо покраснело от напряжения, но он сумел просунуть кисть под штанину и сорвал с ноги цепочку. Отдышавшись, нащупал выпавшее из штанины оружие. Разрезать веревки оказалось легко – стилет был острым. Туран быстро освободился, размял запястья и выпрямился. Позвоночник хрустнул. Чтобы поменьше привлечь внимание, он опустил на корточки и подполз к бандиту.

Крючок, лежа на спине, блаженно пялился в небо. По подбородку текла слюна, пленника он не замечал. Туран занес стилет, чтобы вонзить в шею бандита. Замер. Лопухий сейчас беспомощен, как младенец. Хотя неизвестно, сколько продлится действие кактусового наркотика. Бандита надо убить. Хорошо, если Крючок проваляется до утра, но что, если он вскоре очухается и поднимет тревогу? Нужно прирезать его – никакой жалости. Чтобы убить чудовище, стань чудовищем. Кончик стилета коснулся острого кадыка... и Туран убрал оружие. Тихо выругавшись, ударил клинком в одеяло рядом с головой бандита. Он много раз дрался с Крючком, но это были обычные кулачные бои, точно так же иногда развлекались батраки на ферме отца. Лопухий не сделал ему ничего плохого, даже был по-своему добр.

Еще некоторое время Туран сидел возле Крючка, потом пробормотал:

– Пес с тобой, живи.

Вскоре стемнело окончательно. Туран забрал у Крючка дробовик, снял с ремня нож, пистолет, кое-как стащил с бандита патронташ и стал пробираться между машинами к гостинице, стоящей рядом с выходом на проезжую часть Моста. В небе мерцали звезды, из Донной пустыни порывами налетал ветер.

Хорошо, что Крючок, прежде чем вырубиться, успел рассказать о Пузыре и Рюрике. Теперь Туран знал, где искать атамана Макоту.

Глава 8

– Слышь, ну ты загнул! – Макота постучал кулаком по прилавку. – Сто монет за сотню фляжек – это чё за цена?

Фляжками на Мосту называли арбузы, и Пузырь был самым крупным торговцем. Ему принадлежали четверть висячих садов Моста и большой склад неподалеку от Квадрата, на него работали множество батраков и лавочников, но ради того чтобы пообщаться с дорогим гостем, он лично вышел к прилавку.

– Десять по десять, – повторял торговец, ласково щурясь, отчего глазки на заплывшем красном лице превратились в щелки. – Сто монет, такая теперь цена, добрый Макота. Одна фляжка – одна монета, десять по десять фляжек – десять по десять монет. Это хорошая цена.

– Если за одну – монета, так за сотню скидка должна быть, – отрезал Макота. – Семьдесят даю.

– Ни-ни-ни, семь по десять никак нельзя, атаман Макота! – Казалось, Пузырь сейчас расплатится от желания угодить клиенту. – Десять по десять, меньше не можем!

Макота выпятил челюсть, прикидывая, как будет лучше – врезать по круглой роже или сразу засадить торговцу пулю в лоб. Пузырь щурился, жалостливо улыбался, мял передник – и цену не опускал. Рука атамана лежала на револьвере, но он не решался вытащить оружие из кобуры. За спиной Пузыря была стена, сплетенная из высушенных арбузных стеблей. В стене имелись отверстия, много отверстий. Атаман понятия не имел, сколько стволов сейчас направлено на него и Каланчу с Морзом, которые переминались рядом. Пузырь мог поставить

там одного вооруженного батрака, троих, пятерых... а может, и вовсе никого. Хотя последнее – вряд ли. Уж ради самого атамана Макоты жирняк точно позвал нескольких подручных.

– Ладно, восемьдесят, – сказал атаман, жалея, что захватил с собой так мало бойцов. – Больше не дам, и не проси.

– Ни-ни-ни, – закачал головой Пузырь, облизывая губы и причмокивая. – Мы бы рады, добрый атаман, всем сердцем, но – не можем.

– Тогда я пойду к Крысе, – решил Макота. – Ну, ползуна тебе в глотку! Чё ты губы кривишь, толстый?

– Склад доброго Крысы сгорел третьего дня, – пояснил торговец, печально улыбаясь. – Ночью вспыхнул. Может, пьяный раб поджег, а может, еще что случилось, да только загорелось разом со всех сторон – пыххх! – Он махнул пухлой рукой. – Грустно это, так грустно, жалко нам бедного Крысу. К тому же сгорела молодая наложница, которую он недавно купил в Киеве...

Макота шагнул к двери.

– Тогда к Щеке пойду.

Пузырь что-то пробормотал вслед, но атаман, не слушая больше, покинул лавку.

Стемнело, в садах над крышами зажгли лампы, но между плетеными домами лежала тьма.

– Свет давай, – велел Макота.

Каланча нес шест с промасленной ветошью на конце. Чиркнув кресалом, бандит зажег факел, поднял над головой. Впереди стоял длинный помост, на нем выстроились харьковские сендеры, приземистые, с широкими колесами для передвижения по пустыне. На краю помоста, привалившись к ограждению и зажав коленями ружье, дремал охранник.

– Скоко? – спросил Макота.

Охранник вскочил, моргая.

– Я не знаю, друг. Хозяина звать? В этом сезоне покупают мало, он уступит.

Атаман потерял мотоцикл с коляской, мотоциклетки и фургон – сендер не помешал бы, но стоил он дорого, а Макота не любил тратить деньги. Все машины в клане были либо угнанные, либо трофейные.

– Не сейчас, – решил он. – Идем к Щеке.

Миновав автолавку, Макота шагнул в дверь большой плетеной постройки... и почти сразу выскочил обратно, ругаясь на чем свет стоит.

– Чё, хозяин? – спросил Каланча.

Не глядя на него, Макота бросился прочь. Когда помост с машинами остался позади, из темноты выбрел тощий полуголый парень. Плечи его гноились: из-за кактусового сока разрезы, к которым прикладывают мамы, плохо заживают.

– Монетку подай, добрый че...

Попрошайка упал, когда атаман, не замедляя шага, ударил его в лицо. Макота спешил дальше, двое бандитов едва поспевали за ним. Огонь факела гудел на ветру.

Казалось, Пузырь и не пошевелился с тех пор, как атаман покинул лавку. Скомкав край передника, торговец стоял в той же позе и щурился, виновато улыбаясь.

– Слышь, ты чё не сказал, что Щеку завалили и все его фляжки с Моста скинули?! – заорал на торговца атаман. – Я чего время должен терять, ты опупел совсем, толстый?!

Нагнувшись над прилавком, Макота схватил Пузыря за воротник. Каланча и Морз, вошедшие следом, вытащили пистолеты. Пузырь молча улыбался, не пытаясь высвободиться. За плетеной перегородкой раздался шорох, совсем тихий, но атаман услышал – и отпустил торговца.

Улыбка покинула лицо Пузыря. Глядя в глаза Макоты, он бросил:

– Сто монет. Утром будет сто десять.

Макота провел ладонью по щеке, уколотившись жесткой щетиной. Крыса, Щека... почему одновременно? Он впился взглядом в красное лицо Пузыря. Ну конечно, вот в чем дело! Жирняк подминает под себя всю торговлю арбузами на Мосту. Собственно, уже подмял. Он, Крыса и Щека были самыми крупными продавцами, владельцами самых больших складов и воздушных грядок. Остальные – мелочь, шелупонь. Был еще Бобер, но тот пьяным свалился с Моста два сезона назад, и его съели катраны. Правда, Бобер не пил, да и катраны не забредают к границе Донной пустыни... Значит, тоже работа Пузыря. Хитрый жирный ублюдок! Макота поновому, чуть ли не с уважением, посмотрел на торговца. Конечно, атаман и раньше знал, что слащавая улыбка обманчива, что жирняк отнюдь не прост, но такой прыти от него не ожидал.

А что, если договориться с Пузырем? Закупать фляжки оптом, а потом сбывать в центральных районах Пустоши? Водяные арбузы больше нигде не растут, только на радиоактивном иле, пропитанном отходами города, который до Погибели стоял на этом месте. Можно еще возить арбузы в Московию, организовать постоянные караваны. Когда на Мосту останется лишь один крупный торговец, за ним будет проще уследить, если попытается найти других перевозчиков...

– Так, ладно, – сказал Макота, успокоившись. – Мы с тобой еще погутаим, Пузырь. Обсудим это дело, когда я назад от Корабля поеду. – Он достал кошель и принялся отсчитывать монеты. – Но в цену входит доставка, слышь? Пусть твои люди фляжки на Квадрат притащат. И чтоб до последнего арбуза все на месте были, я лично проверю!

Когда бандиты покинули лавку, на Мосту уже кипела ночная жизнь. Мамми привлекал сюда отребье со всей Пустоши. Люди сидели на лавках у стен домов, лежали на циновках или прямо на бетоне, из окон притонов доносились музыка и хохот.

– Куда, хозяин? – спросил Каланча.

– Тебе не все едино?! – обозлился атаман. – Твое дело за мной топать и охранять! К Рюрику идем.

* * *

Квадрат находился далеко от берега. Цепочка огней, плавно изгибаясь, исчезала из виду за поворотом Моста.

Нога после судороги все еще болела, и Туран потерял икру. С вершины ближайшей цистерны доносился тяжелый гул ветряка, у соседней хибары ругались два оборванца. Туран осмотрел себя. На нем были вконец стоптанные ботинки и рваные штаны, поясницу охватывала патронная лента, на ремне висели ножны и кобура, на плече – двуствольный обрез. Порванную цепочку он связал, стилет болтался на шее. Хорошо, что Макота не надел на пленника ошейник, Туран ничем не выделялся из толпы: обычный бандит-одиночка явился из Пустоши в поисках развлечений.

Чтобы попасть в лавку Пузыря и в притон «Под Мостом», надо идти к началу Моста или к дальней его части? И почему «Под Мостом»? Притон где-то внизу, у основания опор? Нужно расспросить кого-нибудь из местных, в конце концов такой невинный вопрос не должен вызвать подозрений.

Туран медленно двинулся прочь от берега, внимательно глядя по сторонам, чтобы не наткнуться на людей Макоты. Перешагнув через вытянутые ноги бродяги, сидевшего под трухлявым бочонком, прошел мимо изгороди, за которой лежала гора арбузов под охраной двух вооруженных парней, и едва не наступил на дочерна загорелого старика в набедренной повязке и грязной тряпке, обернутой вокруг головы. Старик сидел на корточках на драной циновке и моргал неестественно выпученными глазами, поблескивающими в свете ламп. Перед ним валялись выбеленные косточки, по которым явно прошелся резец. Туран остановился.

– Ко мне, бродяга, – глухо сказал темнокожий. – Кости старого ящера правду расскажут. То особый ящер, альбинос, шкура белая, колдовской зверь. Откуда идешь, куда – всё расскажут. Две монеты дай, узнаешь грядущее.

Морщинистая ладонь сгребла кости, уронила в кувшин. Прикрыв горлышко рукой, старик встряхнул глиняный сосуд.

– Я знаю, откуда иду, и знаю свое будущее, – сказал Туран, приглядываясь к старику. – Ты из кочевников? Людоед?

На узких плечах людоеда не было ран – он не употреблял мамми. Темнокожий смотрел на Турана и тряс кувшин, стуча гадальными костями.

– У меня нет денег, ни монеты. И я не верю в гадание. Лучше расскажи, где мне найти...

Из сумерек, расцвеченных светом ламп, вынырнул тощий полуголый парень. Он держался за нос и громко сопел. Увидев Турана, бродяга упал на колени и забормотал с надрывом:

– Сломал мне... а я ж только монетку... на пропитание монетку дайте... а он сразу в морду... нос сломал, тварь, за что мне это, дай на пропитание, добрый человек!

Попрошайка вцепился в штаны Турана. Старик-гадатель безо всякого выражения смотрел перед собой остановившимся взглядом и тряс кувшин. Рука бродяги скользнула к правому карману Турана, и тот схватился за оружие. Попрошайка жалко осклабился, когда ствол пистолета ткнулся в гнилые зубы.

– Убери клешню.

Бродяга дернулся, но Туран сжал костлявое плечо и вдавил ствол глубже в рот. На разбитых губах выступила кровь, попрошайка замычал.

Кости в глиняном кувшине стукнули громче и просыпались на циновку. Старик склонился над ними.

– Отфушти... – промямлил бродяга.

– Где найти лавку торговца Пузыря? – спросил Туран. – И притон «Под Мостом»? Говори или пристрелю.

Попрошайка, дрожа, попытался отползти, Туран вытащил ствол из его рта и приставил к грязному лбу.

– Где?

– Ближе к воротам. Не туда идешь, добрый че...

– Я не добрый, – перебил Туран. – Уже нет. Значит, они в той стороне? Как выглядит лавка? И притон?

– Лавка как лавка, простая лавка. – Бродяга скосил глаза на пистолет. – Не знаю я, как она выг...

– Приметное что есть? – Туран стукнул его в лоб, и попрошайка застонал, хотя удар был совсем слабый. – Покрашена? Ставни, еще что-то? Как ее узнать?

– Не надо, не бей меня! – захныкал бродяга. – Без мамми все болит. Все тело. Я как без кожи, добрый человек, все чувствую, даже ветер делает мне больно. Надо чуточку мамми, чтоб не болело. Дай монету, не бей...

– У меня нет денег. Как выглядит эта лавка? – повторил Туран. – И притон – он где-то под Мостом?

– Под Мостом? Почему под Мостом? Нет, он за лавкой Пузыря, а лавка под большим ветряком, и за ней склад, длинный такой склад... Пузырь – он жирняк, арбузник богатый. Самый богатый. Но и самый жадный. Наверное, потому он и самый богатый, что самый жадный. Дай монету, добрый человек, дай...

Большой ветряк и длинный склад... Туран оттолкнул парня, тот упал, хныча и причитая, пополз прочь. Туран повернулся в сторону ворот, но услышал хриплый вздох сзади и кинул взгляд на людоеда, про которого успел забыть. Изучив упавшие на циновку кости, старик под-

нял голову. Зрачки его расширились, он уставился на Турана так, будто увидел в его будущем нечто ужасное, и крикнул:

– Ты!

Рот широко раскрылся, показав беззубые десны, глаза закатились, старик схватился за горло, раздирая кожу ногтями, повалился на подстилку.

– Ты... Ты... – хрипел он, дергаясь.

Отвернувшись, Туран поспешил прочь. Поведение людоеда наполнило его внутренней дрожью. Быстро шагая по бетонному полотну, он тряхнул головой, чтобы избавиться от наваждения. Где-то впереди, в озаренной блеклыми огнями полутьме, скрывался атаман Макота.

* * *

Притон «Под Мостом» напоминал лежащую на боку бочку высотой в три человеческих роста. В торце прорезана круглая дверь, над нею светится вполнакала прожектор. У двери, поигрывая раскладной дубинкой, расхаживал охранник. Когда бандиты приблизились, он окинул их взглядом и сказал:

– Факел потушите.

Атаман кивнул Каланче, тот бросил на бетон горящий факел, затоптал. Морз распахнул дверь, и они вошли. Свою широкополую соломенную шляпу Макота снимать не стал.

На второй этаж, где находились отдельные комнаты для любителей мамми, вела лестница. Внизу располагался питейный зал.

– А чего «Под Мостом»-то? – спросил Каланча. Бывший батрак с разоренной кланом Макоты фермы, он еще ни разу не бывал в этих местах.

Не удостоив его ответом, атаман направился по проходу между столами.

– А чё тебе не нравится? – проворчал Морз.

– Не, ну чего «под», а не «на»?

– Да шутят так.

– В чем шутка-то?

– Ежели кто заснет тут пьяный или под мамми чудить начнет, так потом запросто может внизу проснуться. Без монет в кармане. Хорошо еще, если проснется, а то ведь всякое бывает. Отсюда многие прямо под Мост попадают навсегда, понял, да?

Притон наполняли гул голосов, пьяные выкрики и смех. Сквозь щели в плетеных стенах тянуло сквозняком, лампы на цепях под потолком раскачивались, тихо поскрипывая. За столами сидела разношерстная публика: и преуспевающие торговцы с охраной, и оборванцы всех мастей, норовящие умыкнуть кошелек у подвыпившего соседа. Макота прошел половину зала, когда из двери за стойкой бара выскочил сутулый мужчина. Кривозубо ощерившись, он воскликнул:

– Макота, давно не заглядывал! Наверх желаешь, в кабинку, или...

Атаман не был расположен к болтовне.

– Проводник нужен, – бросил он. – Есть у тебя?

Рюрик оглядел зал:

– Трое сейчас здесь. А тебе...

– Мне лучший нужен. Который?

Хозяин притона ткнул пальцем в сторону стола, стоящего под лестницей:

– Там. Один сидит, не любит компании. Зовут Така, но он...

– Ладно. – Атаман отпихнул Рюрика и зашагал к лестнице.

Он навис над столом, за которым сидел худой смуглый мужчина, босой, в штанах до колен и жилетке на голое тело. Волосы его напоминали баранью шапку – мелкие завитки черной

шерсти. В ухе висела золотая серьга, на шее – ожерелье из клыков, когтей и радужных ракушек. Во рту не хватало зуба.

Морз с Каланчой встали за Макотой, проводник посмотрел на них, но ничего не сказал. Атаман без спроса взял со стола бутылку, отхлебнул, сдвинул шляпу на лоб.

– Слышь, ты людоед, чё ли? – Он достал трубку и сунул ее в зубы, не раскуривая.

Смуглый, откинувшись на спинку стула, оглядел троицу.

– Давненько Така не едал человеческого мяса, – прошепелявил он и вдруг, быстро протянув руку, ущипнул Морза за живот.

– Э, ты чё?! – Бандит отскочил, схватившись за оружие.

– Шибко жилистый, – покачал головой Така. – Жесткий. А этот, – он повел рукой в сторону Каланчи, – этот тощий, Така не любит кости обглаживать. Вот ты бы мне подошел, Большая Шапка.

Покраснев, как закатное солнце, Макота сграбастал смуглого за жилетку и потянул на себя.

– Пасть закрой, тока на вопросы отвечай, – процедил он. – Мне...

– Знаешь, что такое крон? – перебил Така.

– Чё?

– Крон! – закивал Каланча. – Я знаю, знаю, хозяин! Яд такой, кочевники в пустыне, грят, из медуз его добывают. Он если хоть чуток в ранку попадет или в царапинку какую, так человек наземь падает, ногами сучит, орет страшно – и подыхает. Тока перед тем, грят, кишки свои выблюет...

– Заткнись! – велел атаман.

Смуглое до черноты лицо было прямо перед ним – нос с горбинкой, низкий лоб, впалые щеки. Атаман видел, что на лице этом нет и намек на страх. Наоборот, глаза проводника искрились весельем.

– Правду тощий говорит. Дротик с кроном любого убьет.

– Ну так и чё? – не понял Макота.

– Дротик у Таки в руке. Под столом. Така им целится тебе между ног. У тебя детки есть, Большая Шапка?

Еще мгновение атаман глядел на него, потом отпустил и шагнул назад.

– Хозяин, так мы, если чё, можем... – Каланча держал руку на кобуре, и атаман пихнул его кулаком в бок, чтобы заткнулся.

– А ты вправду того... людоед? – опасливо поинтересовался Морз.

Проводник важно кивнул:

– С рождения. Но тебя Така есть не будет. Така ест только девственников, их мясо нежное, молоком пахнет.

Побледневший Морз пробормотал:

– Хозяин, не надо его в проводники.

– Да издевается он, ты чё, не видишь? – рявкнул Макота. – И потом, они не одно только человеческое мясо жрут.

– Не только, – согласился Така. – Тех, кто его нанимает, Така не ест. Таков закон.

– Чей закон? – подозрительно спросил Морз.

– Закон пустыни.

Атаман еще раз оглядел проводника и наконец решился. Людоед не людоед, это значения не имеет. А то, что Така из кочевников, даже хорошо. Кочевники лучше других знают Донную пустыню и нравы местных обитателей, как людей, так и зверья.

– Нанять тебя хочу, – сообщил он. – Мой караван к Кораблю едет.

– Сколько вас? – спросил смуглый.

– Много.

– Така хочет знать: на чем едете?

Макота сел за стол напротив людоеда и еще раз хлебнул вина из бутылки.

– Разные машины. Два фургона-самохода, грузовик бронированный, мотоциклы. И телеги с ящерами.

– Телеги, – кивнул проводник. – Така машины не любит. Никогда не ездит на них. На телеге поедет. Сто монет.

– Сто?! Слышь, вы чё, сговорились все? За соляру сто, за фляжки сто, за проводника сто... Я разорюсь так!

– Фляжки в дороге нужны, – подтвердил Така. – Но проводник нужнее. Така не торгуется, Така без работы не сидит. Така – лучший, кого ты нанять можешь. Спроси у Рюрика, у кого хочешь спроси.

Спустя минуту Макота оставил смуглому тридцать монет задатка и договорился, чтобы проводник явился поутру к Квадрату. Покинув притон, раздраженный всеми этими расходами атаман решил больше никуда не ходить – он устал, а перед завтрашной дорогой надо было отдохнуть.

– Назад идем, – скомандовал он и направился к гостинице.

Глава 9

Стараясь держаться в тени, Туран быстро шел вдоль домов. Когда он миновал длинный помост, где в ряд стояли приземистые пустые сендеры, впереди показался Макота.

По сторонам от атамана шагали двое бандитов, Морза сбежавший пленник знал, а вот имени второго, высокого и худого, не помнил. Все трое были вооружены. Остановившись, Туран сдернул с плеча обрез. Люди вокруг не обращали на него внимания. Он прицелился – и опустил оружие. Слишком далеко, из дробовика надо стрелять, когда цель ближе. Пистолет... Нет, тоже не годится. Туран хорошо помнил, что произошло во Дворце: он попал в спину атамана, тот упал, сразу вскочил и побежал дальше. Скорее всего, в его куртку вшиты пластины, значит, стрелять надо в голову, но с такого расстояния легко промахнуться, а рисковать нельзя.

Отступив к помосту, Туран оглядел ряд сендеров с выпуклыми лобовыми стеклами и закрытыми кабинами. Сторож, крепкий конопатый детина, спал. Бандиты приближались, еще немного – и бывшего пленника заметят.

Туран перелез через ограждение и забрался в ближайшую машину. Вверху приглушенно гудел ветряк, с тихим скрипом покачивались лампы в жестяных плафонах. Он уселся на затянутое кожей сайгака сиденье, вытянув ноги под рулевую колонку, оглядел кабину. Правая икра все еще побаливала после того, как на Квадрате ее скрутила судорога; Туран помассировал лодыжку, голень и положил руку на рычаг передач.

Бандиты, подойдя к краю помоста, остановились возле сторожа. Туран перебрался на соседнее сиденье и выставил в окошко ствол обреза, прикидывая, на какой высоте будет голова Макоты, когда тот пройдет мимо. Между атаманом и помостом окажется Морз, но это нестрашно – если выстрелить из двух стволов, дробь снесет обоих, а то и всех троих. Макота не погибнет сразу, зато у Турана будет время, чтобы выскочить из машины, приставить к его виску пистолет и нажать на спуск. А дальше...

Он не знал, что будет дальше, не строил никаких планов на будущее. Со времен разорения фермы все его мысли занимала месть, ни о чем другом Туран не мог думать. Он разделается с Макотой, а что потом – не важно.

Туран Джай прицелился. Бандиты стояли в нескольких шагах от линии огня.

* * *

У края помоста Макота задержался, разглядывая сендеры. Все же машина нужна ему. Атаман прикинул, что Каланча перережет горло спящему охраннику так, что тот и пикнуть не успеет. Других не видно, а хозяин автолавки, скорее всего, храпит в своем доме рядом с помостом. Убив охранника, можно просто сесть в сендер и уехать. А то и угнать две, даже три машины... Нет, все-таки две, Морз не умеет сендеры водить, только мотоциклетки.

Макота не любил покупать. Это было для него в новинку – расставаться с деньгами, чтобы получить какую-то вещь. Есть ведь другие способы завладеть желаемым: украсть или отобрать, убив прежнего владельца. Убивал Макота не из-за кровожадности – хотя и был жесток, – а просто потому, что мертвые не мстят. За время пути он много раз спрашивал себя: почему пожалел фермерского шакаленка, оставил в живых? Ответ был один: из-за денег, ведь раба-бойца можно продать на Корабле. Вот и сейчас при виде плохо охраняемых машин прагматизм атамана вступил в борьбу с жадностью. Пара сендеров – это ж большие деньги! Но с другой стороны, что будет, когда хозяин обнаружит пропажу? Если услышит шум двигателей и выскочит из дома? Тогда придется убить и его, а это уже вряд ли получится сделать тихо и незаметно. Вокруг шатается куча народу, к тому же хозяин в доме может быть не один.

Макота с сожалением покачал головой. Не годится. Укради он сендеры – и Квадрат придется покинуть немедленно, задолго до утра выехав в пустыню без проводника, ведь Така появится только на рассвете. А если задержаться, всполошится охрана Моста, начнет обыскивать его, на Квадрате найдут украденные сендеры и у Макоты потребуют ответа. Нельзя начинать на Мосту серьезную потасовку. Большинство бандитов разбрелись кто куда, быстро их не собрать...

– Чё, хозяин? – спросил Морз, заметив нерешительность атамана.

– Ничё. Идем. – Макота зашагал дальше.

Морз нагнал его, Каланча пристроился с другой стороны. Они достигли середины помоста, атаман краем глаза уловил движение справа, повернул голову, Морз спросил: «Кто там сидит?» – и в этот момент громыхнул выстрел.

* * *

Туран вдавил оба спусковых крючка, но за мгновение до этого ногу опять свело судорогой. Он дернулся, едва не вскрикнув от боли, – и дробь пролетела над головами бандитов.

Морз с воплем повалился на бетон, прижав руки к темени. Каланча замер с разинутым ртом. Отпрыгнувший Макота сбил его с ног.

Скрипя зубами от боли, Туран бросил разряженный обрез, выхватил нож и ткнул им в правую икру. Еще раз, ниже, еще... Потекла кровь – и судорога прошла. Он кинул взгляд на бандитов, дернул кольцо стартера, вытянув короткий тросик из гнезда под баранкой. Двигатель завелся с полоборота, Туран вдавил газ, навалился на руль. Сендер рванул вперед, к Макоте. Атаман, с изумлением увидев в машине фермерского шакаленка, вскинул револьвер и выстрелил в лобовое стекло.

На стекле разошлась паутина трещин. Снеся ограждение, сендер выскочил на бетон, и Макота прыгнул навстречу – когда надо, он умел соображать очень быстро. Атаман сделал единственное, что могло спасти его: бросился под машину, накрыв голову руками. На миг стало темно, грохот оглушил, жаркий дым из выхлопной трубы обдал затылок, а потом автомобиль пронесся над ним. Морз, упавший чуть в стороне, остался жив, но широкое колесо переехало Каланчу. Сендер повернул, Морз вскочил, бросился следом. Завопил проснувшийся сторож, в

доме хозяина автолавки зажегся свет. Макота, встав на колени, несколько раз выстрелил вслед машине.

– Взять его! Взять! Взять!!! – орал он, давя на спуск.

* * *

Атаман исчез из виду – будто провалился куда-то, Туран не понял, что произошло. Он вывернул руль, чтобы не врезаться в дома на другой стороне Моста.

Сзади раздались выстрелы. Пуля взвизгнула у головы, лобовое стекло осыпалось, и тут же кто-то громко задышал над ухом. Не оглядываясь, Туран ударил локтем и попал в лицо Морза. Тот повис на машине, ухватившись за трубу, приваренную к крыше, пытаясь влезть внутрь. Туран пригнулся к рулю. Впереди с криками разбежались люди.

Морз стал протискиваться в кабину. Туран крутанул руль – сендер вильнул к стене ближайшего дома, хозяин которого как раз выглянул на шум. Машина снесла раскрывшуюся дверь, Морза сбросило на бетон, он покатился, размахивая руками.

Туран не знал, убит атаман или нет, но момент был утерян – возвращаться бессмысленно, даже если Макота жив. Оставаться опасно, надо бежать с Моста. Но как? На берегу ворота, там не прорваться. Мост вроде бы заканчивается на вершине горы, Назар что-то рассказывал про огромный конус из коралла, бывший остров, выращенный предками на дне моря, которым когда-то была Донная пустыня, а недавно и Крючок упоминал его. Вторые ворота наверняка тоже стерегут, но вряд ли оружие охранников направлено на Мост, опасности они ждут со стороны пустыни, откуда могут прийти мутафаги и людоеды. Туран либо прорвется с ходу, либо бросит сендер и попытается проскользнуть мимо охраны. Потом спрячется в пустыне. Макота – если он жив – отправится дальше к Кораблю, и тогда можно будет напасть вновь.

Мелькали плетеные стены, впереди разбежались люди. Обрез валяется на сиденье рядом, в ленте на поясе полно патронов с дробью, есть немного и для пистолета, еще нож и стилет. Туран мало что знал о Донной пустыне, но с оружием у него был шанс выжить. Он надеялся, что на окраине пустыни не так опасно: рядом люди, а они привыкли уничтожать все, что мешает им. Главное – вырваться с Моста.

Слева показался въезд на Квадрат. Оттуда на дорогу выбежал Крючок с револьверами в руках, повернул голову на шум, увидел беглеца в машине и открыл огонь.

Туран еще успел подумать: надо было прирезать Крючка, когда тот лежал беспомощный, с мамми на плече. Жалость не доводит до добра. Хочешь убить чудовище – стань им. Он проявил милосердие и этим погубил себя.

Крючок стрелял с обеих рук. Первые пули ушли в воздух, а потом он попал в переднее колесо. Сендер швырнуло в сторону, Туран навалился на руль и почти сумел выровнять машину, но ее занесло, бросило поперек бетонного полотна – окутавшись черным дымом, она перевернулась.

* * *

– Ты мне по душе, шакаленок! – объявил Макота, расхаживая перед стоящим на коленях пленником.

Запястья Турана примотали к лодыжкам, он выгнулся назад, едва удерживая равновесие. Тело покрывали синяки, во рту не хватало зуба. Вывихнутую руку Крючок вправил, но плечо до сих пор ныло. Очень болели ребра после удара о руль сендера.

– Но, слышь, злюсь я на тебя сильно, – добавил Макота. – Все ж таки мне тебя кончить надо. Хотя еще лучше – завести подальше в пустыню и связанного оставить, чтоб людоеды нашли да сожрали или катраны обглодали до косточек.

Было позднее утро, Мост остался позади. В низине между слоистыми холмами машины стали кругом. Телегу, которую недавно тащил Туран, волок новый ящер, рядом с Крючком сидел кучерявый темнокожий человек.

– Но тут от еще чего, – продолжал атаман, – на Корабле я тебя продать смогу. За раба для боев много получить можно, ежели у него болячки какой нет и руки-ноги целы. Хотя староват ты уже, там щенков покупают, чтоб обучать их с детства. Ну так я тебя на «бегающее мясо» отдам, хоть чё-то выручу. Неохота мне деньги терять, и так я их скоко потерял. Но и убить тебя ох как хочется! Так чё мне делать, скажи? – Наклонившись, он заглянул Турану в лицо.

Пленник молчал, и Макота лениво, с оттяжкой двинул его в челюсть. Повалившись на бок, Туран замер у ног атамана, неподвижно глядя перед собой. Макота сдвинул назад соломенную шляпу, и та повисла на ленте, перехлестнувшей его шею.

– Молчишь, шакаленок? Чё ты молчишь? Ты у нас гордый или глупый? А я вот чё сделаю! – Он полез в кошель и достал большую серебряную гривну, отчеканенную киевским монетным двором. На одной стороне был выбит профиль тамошнего Владыки, на второй – цифра «1» и крест с распятым мутантом.

Атаман огляделся – стоящие вокруг бандиты ждали, что будет дальше. Он поднял монету над головой и громко сказал:

– Вот она все решит! Так и знайте: атаман Макота слово держит. Владыкой кверху упадет – шлепну шакаленка. Не буду людоедам отдавать или катранам, прям здесь пристрелю. – Он достал пистолет и направил в голову Турана. – А ежели крест выпадет – довезу до Корабля и там продам. Но не в бойцы. Вдруг выживет? Или сбежит? Не-е, я все равно его смерть хочу увидеть, пусть даже деньги на том потеряю.

– К игрищам ведь приедем, хозяин, – подал голос Морз, оседлавший мотоциклетку. Ему повезло: дробь лишь счесала кожу с темени, теперь рану прикрывала повязка.

– Верно, – согласился Макота. – Значит, продам его на «бегающее мясо». Всем местá на Арене куплю, будем смотреть, как бойцовые мутанты его терзают. Все слышали? Ты слышал, шакаленок? Владыка или крест? Крест – поживешь чуток, Владыка – умрешь на месте.

Он подбросил монету, она взлетела, вращаясь, посверкивая в лучах солнца. И упала в пыль перед лицом лежащего пленника. Туран скосил глаза.

Макота выругался – и нажал на спуск.

Пуля ударила в центр пятака, подбросила его в воздух.

– Везучий, шакаленок! – Атаман зашагал прочь. – Значит, поживешь еще. Ну, чё пялитесь? В путь! Крючок, Така – заберите падаль на свою телегу. В клетку его! Едем!

Часть третья Пустыня

Глава 10

– Стой! – Крючок дернул поводья. Манис бежал, раскачивая хвостом, оставляя когтями глубокие царапины в корке застывшего ила. Он тянул за собой скрипящую осями телегу с клетью, в которой на корточках сидел Туран. Повозку с одним мутантом прицепили к мотофургону, а маниса впрягли в телегу, на которой стояла клетка пленника. Берег Донной пустыни остался далеко позади, Мост исчез из виду. С самого утра Така вел себя странно. Сначала он велел Крючку ехать по следам какой-то машины, едва видневшимся в иле, через некоторое время – взять левее, хотя с той стороны пустыня была точно такая же, как и в других направлениях, а теперь вот вообще сказал остановиться. – Стой! – повторил Крючок недовольно, натягивая поводья. Вслед за его повозкой, возглавлявшей караван, начали тормозить машины. «Панч», скрежетнув тормозами, чуть не раздавил мотоциклетку Морза.

Спрыгнув с телеги, проводник прошелся по илу, что-то высматривая и приседая у кочек. Така трогал черно-серые камни, губы его беззвучно шевелились, жаркий ветер трепал колечки черных волос. Крючок искоса наблюдал за людоедом и молчал, ведь Макота приказал слушаться проводника. На пленника лопухий вообще не глядел. Туран заметил, что в последнее время Крючок ведет себя по-новому. Бандит как будто испытывал вину оттого, что выстрелами остановил его на Мосту. А может, что-то еще происходило у него в душе, Туран не знал. Так или иначе, Крючок стал более угрюмым, часто застывал, глядя в одну точку, словно вспоминал о чем-то, а еще старался не смотреть на пленника в клетке.

Ящер зашипел, высунув раздвоенный, как у змеи, язык. Вернувшись с прогулки по илу, Така положил ладонь на длинную башку в желто-коричневой чешуе. Маниса трясло, ноги ходили ходуном, хвост мелко дрожал.

Така забрался на повозку и показал вперед. Крючок дернул поводья, ударил маниса шестом по голове – тот побежал. Испускающая клубы дыма и взрыкивая моторами, машина каравана потянулись следом. Туран улегся в клетке, закрыл глаза, отрешенно прислушиваясь к происходящему снаружи.

Вскоре ящер начал спотыкаться, харкать кровью и в конце концов рухнул на бок. Караван снова остановился.

Вылезший из «Панча» Макота подошел к рептилии, пнул носком сапога в тяжело вздымающееся брюхо и велел добить, чтобы разделать на мясо. На это Така сказал, что добить – можно, чего твари мучиться, а разделать, чтоб после съесть, – никак нельзя, опасно, ящер порченый был.

В телегу Крючка впрягли последнего маниса, но возник вопрос: что делать с той повозкой, которую он раньше тащил. Снова использовать фермерского шакаленка? Тут не Пустошь, тут пустыня, надолго Турана не хватит, упадет, как тот ящер, и Макота потеряет монеты, которые намерен выручить за продажу раба. Атаман с сомнением поглядел на мутантов в клетках. Один спал, налопавшись своей кашицы, пятнистый по привычке сидел, ухватившись за прутья, и осоловело глядел на людей. Что, если этого красавца впрячь? Да нет, куда там. Если он под наркотой – то сонный и вялый, а если без наркоты – нервный и на всех бросается, в любом разе телегу не потащит. Значит, надо цеплять ее к одному из мотофургонов – но к какому? К тому, что с топливной цистерной? Или к тому, что везет воду? Куда ни прицепи, дополнительный груз слишком сильно замедлит самоход.

Еще на Мосту Така предлагал слить всю воду из цистерны подчистую, мол, арбузов для каравана достаточно. Но Макота решил иначе, ведь вода в пустыне на вес золота, что бы ни рассказывал людоед. Теперь тот повторил, что от воды можно избавиться. Макота снова отказался. А после понял: другого выхода нет.

К цистерне было не прикоснуться – так она нагрелась на солнце. В горячей воде вымыли и постирали все, что можно было вымыть и постирать, остальное слили в три большие бадьи, которые достали из самоходов. Полуголые бандиты гомонили, радуясь внеплановой остановке, хлопали друг друга по спинам свернутыми в жгут мокрыми рубахами, чистили уши, носы, мыли небритые рожи, плескались и гоготали. В смятом ведерце Крючок принес воды Турану, тот разделся и кое-как вымылся. Собственное тело показалось незнакомым – слишком худым, жилистым, со шрамами на плечах и груди.

Когда вода в бадьях стала черной от грязи, Макота приказал вылить ее, а емкости спрятать обратно в фургоны. После этого проводник забрался на клетку Турана и оттуда прочел перед кланом короткую речь. Суть ее сводилась к тому, что они покидают менее опасный береговой район пустыни и отныне надо слушаться Таку, как отца родного. Он снова поедет на повозке, и повозку ту никто не должен обгонять, равно как нельзя удаляться от нее в сторону или отставать.

Две повозки с клетками мутантов прицепили к мотофургону. Только караван отъехал от стоянки, с неба спустилась большая черная птица и стала деловито клевать сдохшего ящера. Рядом приземлились еще две, грифы с клекотом принялись бить друг друга крыльями. Туран, наблюдавший за ними между прутьями, отвернулся. Возле фермы отца грифы тоже водились, только куда меньших размеров и пугливее – машины еще толком отъехать не успели, а эти уже пируют. Непуганые, в пустыне им раздолье. Кстати, в ожерелье на шее проводника среди раковин с бусинами болтались и когти грифа. А еще там был мешочек из выбеленной кожи – Туран несколько раз замечал, как людоед ласково поглаживает его крепкими смуглыми пальцами.

В полдень, когда жара стала невыносимой, Макота скомандовал привал. Така настоял, чтобы проехали немного дальше, объяснив Крючку: здесь пустыня злая, здесь нельзя.

Когда он выбрал место для лагеря, транспорт выстроили в круг, и людоед во всеуслышание объявил, что за пределы круга выходить ни в коем случае не надо, чего бы ни случилось. И вроде все поняли, что Така не шутит, но нашелся-таки один, который постеснялся справлять малую нужду при товарищах. Он пролез под днищем грузовика и неспешной походкой, показывая, что не боится рассказней какого-то дикаря, отошел от стоянки шагов на двадцать, повернулся к бандитам спиной. Они хохотали ему вслед и подначивали. Смельчак, отвечая шуточками, журчал в свое удовольствие. А потом вдруг замолчал, пошатнулся и упал на спину.

– Гаврош! – позвал стоявший рядом с телегой Малик.

Тот, раскинув руки, засучил ногами. Агония длилась недолго – вскоре он затих. В лагере повисла тишина.

Проводник покачал головой, подошедший Макота спросил у него:

– Слышь, чего это с хлопцем приключилось? Опасно там? Забрать его можно?

Людоед кивнул:

– Можно, да. Нет медуз.

Он поманил пальцем двух самых молодых бандитов, Дерюжку с косоглазым Лехой, но те не пошевелились. Макота положил ладонь на кобуру. Така пролез под грузовиком, и молодежь гуськом, шаг в шаг, потопала следом.

Когда Гавроша положили у ног атамана, тот сказал:

– Он же не мертвый!

Бандит на земле иногда вздрагивал, ноги дергались, пальцы сгибались и разгибались.

Макота многое повидал на Пустоши, но в Донной пустыне он раньше не бывал, местных условий не знал. К примеру, атаман и не подозревал, что человек с дырой в горле может еще жить.

– Рыба-игла, – пояснил Така.

Лежащий в клетке Туран прислушался к разговору. Из рассказа людоеда стало ясно, что в Донной пустыне обитают твари, которые годами сидят в иле, дожидаясь, куда бы отложить икру. Точнее – в кого бы. Если расковырять Гаврошу шею, можно найти внутри тонкую гибкую рыбку, которая умеет вытягиваться в струнку, становясь тверже камня. Но проводник не советовал этого делать – шибко хорошо рыбка прыгает, мало ли.

– Он еще жив. – Така почесал загорелую шею, потрогал кадык. – Икра там. Пять дней жив будет. Может, семь. Потом мальки вылупятся. Пожрут его изнутри, им вкусный он. Таке нет, Така не ест кого ведет.

– Ну и чё делать теперь? – спросил Макота.

– Така помочь не умеет. Никто не умеет. Умрет мужик.

Атаман кивнул и приказал добить Гавроша. А сам отвернулся и пошел к себе в «Панч».

Бандиты нерешительно переглядывались. Один из них, которого звали Кромвель – высокий, худой, с узким серым лицом и белыми волосами, с треснувшим моноклем, от которого к уху тянулась проволока, – достал из кобуры длинноствольный серебристый револьвер. Кромвель пришел в банду откуда-то с запада, говорил с заметным акцентом и был лучшим в клане охотником на сайгаков. Во время путешествия Туран заметил, что убийства доставляют охотнику удовольствие, лицо Кромвеля, когда он всаживал пулю в кого-то, в зверя или человека, розовело, глаза становились шальными.

Он встал над дергающимся Гаврошем, направил длинный ствол ему в голову и выстрелом разнес череп. Некоторые отвернулись, молодой Дерюжка тихо охнул, а Леха вдруг согнулся пополам, держась за живот. Его стошнило.

Бандиты стали расходиться. Така залез на повозку, сел рядом с сумрачным Крючком и сказал:

– Ветер меняется. Иловая буря скоро.

* * *

В детстве у будущего атамана не было даже игрушек, зато теперь он мог позволить себе всё. Или почти всё. Закинув ноги в сапогах на атласные подушки, которыми был обложен диван в салоне «Панча», Макота потягивал ягодную настойку из стакана и закусывал вяленным мясом.

Механики Дворца основательно переделали грузовик. Железные ящики и сундуки выкинули. Острые углы срезали, а что нельзя было срезать, заварили листами жести и обили планками из красного дерева. Древесина источала приятный аромат. Пол покрывал дорогой ковер, в крыше появился люк.

Кузов разделили на два отсека. В одном устроился Макота, второй, с закрытыми броней узкими лючками, он оставил охране.

Атаман думал, хмуря рыжеватые брови. Подергал себя за ус, налив еще настойки, выпил залпом. Потянулся за трубкой. Хотелось выплеснуть раздражение, разбить кому-нибудь из подчиненных морду в кровь. Но нельзя. Пусть люди думают, что Макота хладнокровный, настоящий хозяин. Впереди длинный путь. Он покачал головой, подумав, что зря не взял с собой Чеченю – глуповатый, но деятельный и исполнительный порученец пригодился бы сейчас. Но ведь кого-то надо было оставить за старшего во Дворце...

В бронированную дверь постучали. Ругнувшись, атаман поставил стакан на пол и достал из-под подушки пистолет. Подняв круглую заслонку «глазка», едва разглядел в пыльном мареве Крючка. Отодвинув тяжелый засов, распахнул дверь.

Караван еле полз, и Крючок, оставив Таку управлять повозкой, перебрался на «Панч». Скривив губы, атаман оглядел лопухого. Крючка он одновременно и презирал и уважал: доходяга, наркоман конченный – и все же был в нем какой-то стержень, ржавый, треснувший, но пока еще не сломавшийся. Вроде и кривоногий Крючок, и ростом невысок, и мышцами похвастаться не может – а мало кто в отряде захочет связываться с ним. Разве что хладнокровно-бесстрашный Кромвель да еще бывалый, многоопытный Морз и злобный бритоголовый здоровяк по кличке Бочка. Ну, Малик, который из омеговцев, да и то вряд ли... Остальные, если дело до драки дойдет, спасуют: когда надо, лопухий может очень решительно и быстро действовать. Макота хорошо помнил, при каких обстоятельствах Крючок попал в клан – тогда еще небольшую банду, – и спрашивал себя иногда: а помнит ли сам Крючок? Помнит, кем был раньше, какие события произошли тогда? Или вытравил всякие воспоминания дурман-травой?

– Ну, чё приперся? – спросил Макота.

Челюсть Крючка монотонно двигалась. Он мотнул головой, глядя под ноги атамана, произнес равнодушно:

– Черный говорит: буря начинается.

– Черный? Людоед, что ли? Какая еще буря? Ехай дальше!

– Иловая. Говорит: надо еще немного проехать, стать кругом и стоять, пока не утихнет.

– Слышь, каким еще кругом?! – возмутился атаман и плечом отпихнул Крючка в сторону. – Мы к Кораблю спешим, скоко можно по этой пустыне шкандыбать... – Высунувшись наружу, он замолчал.

Небо почернело, с востока через слоистые холмы на караван катило темное, как совесть Макоты, облако.

– Разъешь тебя некроз! – Атаман побыстрее спрятался обратно. – Ладно, едем, докуда он скажет, и ждем, пока оно не утихнет.

* * *

Горячий ветер завывал между холмами – приближалась песчаная буря. Хотя это в степи, откуда Туран родом, она была бы песчаной, а здесь, на дне высохшего моря, ветер закручивал в смерчи черно-серую иловую пыль. Она забивала нос, от нее горчило во рту и слезились глаза.

Бойцы Макоты повязали на лица платки, чтобы хоть как-то спастись от колкой взвеси, кружившей в воздухе. Крючок опустил голову, сдвинул на лоб шляпу.

После того как монета решила судьбу пленника, атаман потерял к нему интерес. Раньше Макота навевался каждый день, следя, чтобы Туран добрался до Корабля живым и здоровым, теперь же редко подходил к повозке, а на пленника и вовсе не глядел.

Караван едва тащился, иногда меняя направление. Вокруг стояла завеса пыли – в трех шагах еще можно что-то разобрать, но дальше лишь серая мгла.

Така спрыгнул с телеги и пошел впереди, через шаг наклоняясь и подолгу приглядываясь к илу. В отличие от бандитов, проводник обходился без платка и шляпы.

Вскоре он повернул обратно, размахивая руками. Крючок натянул вожжи, ящер зашипел.

– Совсем плохо будет. Кому жить надо, пусть в машинах прячется, – сказал проводник Крючку. – Даже ящерицу худо будет.

– Мы в грузовике с охраной пересидим, – решил бандит. – А шакаленок здесь останется.

Така покачал головой:

– Я тоже здесь.

– Сдурел! – удивился Крючок, спрыгивая на землю. – Пошли.

Не обращая на него внимания, проводник залез в повозку и уселся на передке. Лопухий ушел к «Панчу», но вскоре появился вновь, да не один, а с Лехой, Маликом, Стопором и Хангой. Следом высунулся Макота, размахивая пистолетом, проорал что-то и ткнул стволом в

сторону мутантов в клетках. Те беспокойно ворочались и прикрывали глаза широкими коричневыми ладонями.

Бандиты открыли большие двери в торце «Панча», со стороны отсека, где сидела охрана. Наружу выпрыгнули механик Захар и еще двое молодцов. Отворачивая лица от ветра и недовольно перекрикиваясь сквозь его завывания, все потопали к повозкам. Пятнистый вытянул лапы между прутьями. Крючок отдал команду, бандиты разошлись, с четырех сторон подхватили клетку, подняли и медленно понесли к «Панчу». Мутант привстал, клетка зашаталась в их руках, но до грузовика оставалось уже недалеко – и вскоре пятнистый исчез в широких дверях. Наблюдая за происходящим, Туран прикинул, что клеть едва вошла внутрь, заняв всю ширину отсека. Еще одна – и места внутри точно не останется.

Бандиты залезли в отсек, втолкнули клеть поглубже и вернулись за второй. Когда и она очутилась внутри «Панча», они закрыли двери и вместе с Крючком направились к мотофургону с топливной цистерной, собираясь переждать бурю там.

Така все это время сидел на повозке спиной к пленнику, ссутулившись, обхватив себя за колени. Манис, улегшись на брюхо, энергично елозил лапами и хвостом, зарываясь в ил. Ветер рвал брезент, накрывавший клетку; Туран опасался, что его вот-вот сорвет. Хорошо бы снять ткань да обмотаться, чтобы ветер не так хлестал – крупинки больно кололи лицо, руки, плечи. А если ураган усилится?

Привстав, Туран начал разматывать медную проволоку, которой прихватили брезент к прутьям. Он спешил, обдирая пальцы в кровь. Что-то подсказывало: времени почти не осталось. Ветер уже не выл – надсадно, злобно гудел. Клетка шаталась под его ударами, покачивалась телега.

Четыре угла – четыре куса проволоки. Туран размотал два, зажмурился, на ощупь отыскал третий. Брезент кидало из стороны в сторону, он хлопал по крыше, ударяя по пальцам. Если высвободить последний угол, ветер сорвет брезент...

Серая метель бушевала вокруг. Машины каравана стали темными пятнами во мгле.

Пришлось просунуть левую руку между прутьями и удерживать брезент за край, а правой разматывать проволоку. Пыль забивала нос и рот, Туран тяжело дышал, сердце колотилось в груди. Он едва смог втащить брезент в клетку; упав на дно, завернулся. Подоткнул полы, втянул голову в плечи и схватил хлеставший по лицу угол.

Стоял полдень, но было темно, как ночью. Когда дыхание успокоилось, Туран отважился выглянуть из-под брезента. Манис зарылся в ил, наружу торчал лишь конец хвоста. Не заметив проводника, Туран перевернулся на бок, крепко сжимая края брезента, покосился вверх.

Така сидел на крыше клетки, поджав ноги. Чтобы не пялиться на него снизу, Туран переполз к прутьям... и обомлел.

Рассекая мглу, высоко над телегой летели широкие ромбы с длинными хвостами. Усеянные шипами отростки источали бледно-голубое свечение. Овеваемые мутными потоками существа размером с «Панч» легко скользили в вышине, их было много, очень много – Туран не смог сосчитать. Они волнами пролетали над стоянкой, и никто, кроме пленника и проводника, не видел их. От восхищения Туран открыл рот и сразу закашлялся, наглотавшись пыли.

Он приподнялся, любуясь грациозной силой этих созданий. Захотелось встать во весь рост и подпрыгнуть, пробив головой прутья, чтобы ветер подхватил тело, поднял к стае. Она была самой свободой, летящей над Донной пустыней.

Пальцы Таки, вцепившиеся в прутья, побелели от напряжения. Ветер взвыл, порывом Турана прижало к решетке, а Таку едва не сбросило с крыши. Отпустив прутья, проводник выпрямился во весь рост, широко расставил ноги.

Бушевал ветер, потоки серой крупы колыхались темными полотнищами. Така подставил им лицо, запрокинув голову, поднял руки. Снизу Туран видел, как шевелятся его губы – людоед что-то говорил, обращаясь к стае над головой.

А потом, в одно мгновение, все кончилось.

Последняя волна существ пронеслась вверху, исполозовав небо росчерками светло-голубого сияния, и умчалась вдаль, унося бурю с собой. Только что они плыли над стоянкой каравана – и вдруг оказались далеко, где-то у линии горизонта.

И почти сразу стих ветер. Пыль еще кружила в воздухе, но косые лучи солнца уже продирали мгlistую завесу, золотыми столбами уперлись в окаменевший ил.

– Что это было? – прошептал Туран, выплюнув ком грязи, и добавил громче: – Кто это был?

В звенящей тишине собственный голос показался ему оглушительно громким. – Кто это? Кто они?

Стоящий на крыше Така вдруг упал. Тряся головой, дополз до края клетки и полез вниз. Туран удивленно смотрел на него. Проводник сполз на передок повозки, перевалившись через борт, рухнул в ил. Некоторое время его не было видно. Быстро светлело, мгlistая завеса расходилась, обнажая высокое голубое небо. Наконец проводник встал, держась за колесо, повернул к Турану серое от пыли лицо.

– Скаты, – произнес он. – Скаты небесные. Они живут в буре, в ветре, не могут иначе. По всей пустыне кочуют. Така тоже кочует. Така старый, пора уйти ему. Не взяли. Хотел, просил...

– Но ты не старый, – возразил Туран.

– Много лет Таке. – Проводник провел рукой по черным как смоль волосам. – Очень старый, только похоже, что молодой. Душа Таки как камень теперь. Была как пух – легкая, летала над землей. Теперь твердая, тяжелая, не поднять. Старый. Хотел к ним, в небо... Не взяли.

– Куда не взяли?

Така не ответил. Сел, привалившись спиной к колесу, и долго еще смотрел вслед небесным скатам, давно исчезнувшим из виду.

Глава 11

Как и велел людоед, караван выстроился колонной – повозка, где стояла клетка Турана, «Панч», мотофургоны и телеги с мутантами. По бокам и сзади двигались мотоциклетки с мотоциклами.

В гладкой корке донного ила все чаще попадались каменистые проплешины и трещины, из которых шел пар. Впереди вырастали красно-бурые скалы. У подножия их что-то белело в лучах солнца – и вскоре Туран разглядел огромные кости, возвышавшиеся над пейзажем. Крючок правил прямо к ним.

Скелет оказался таким большим, что повозка проехала между ребрами и какое-то время высоко над головой тянулись позвонки размером с колесо «Панча». Грудная клетка напоминала конструкцию из бетонных арок; если обить ее листами жести, получится неплохой ангар.

Туран попытался представить, как выглядел зверь, которому принадлежали эти кости. Он же был размером с Дворец атамана Макоты, а то и больше! Неужели подобные чудовища обитали здесь когда-то? Или зверь – мутант, порождение Погибели?

Мутантов в клетках скелет почему-то привел в ярость – они рычали, кидались на прутья и пытались сломать их. Особенно негодовал пятнистый, своим рычанием он даже напугал маниса, а потом так бросился на клетку, что едва не перевернул ее. Успокоить будущих бойцов Арены удалось лишь внеочередной порцией зеленой каши.

Скелет остался позади. На полпути между ним и красными скалами Туран заметил, что самоход с топливной цистерной отстал. Помогать врагам не хотелось, но, как и во время нападения кетчеров, у него не было выбора – и пленнику, и бандитам надо как-то выжить в пустыне.

– Така! – окликнул он, приподнявшись. – Крючок, эй!

– Чё тебе? – пробурчал лопухий, не оглядываясь.

– Машина отстала, а вы все на горы вылупились. Назад гляньте.

Первым обернулся людоед, потом бандит, и тут же ящер встал. Крючок не успел еще ничего сделать, а Така уже спрыгнул с повозки и побежал назад, размахивая руками.

– Нельзя! Нельзя там! – кричал проводник.

Шурша покрышками, затормозил «Панч». Грузовик чуть не сшиб людоеда, тот отскочил, едва не упав, побежал дальше.

Туран удивился: мотофургон сломался – из-под капота валил черный дым, – плохо, конечно, но почему проводник так волнуется?

Из кабины самохода выскочили здоровяк Бочка с молодым Дерюжкой и принялись отчаянно жестикулировать. Видать, обвиняли друг друга в случившемся. Бочка отвесил Дерюжке оплеуху, тот в ответ заверещал. Потом оба бросились к капоту, здоровяк поднял крышку, молодой нырнул в клубы дыма и сразу отпрянул. Что-то крикнув напарнику, он притащил канистру с водой, принялся заливать перегревшийся мотор.

– Эй! Не надо! Нельзя стоять! – Така бежал к фургону, шлепая босыми ступнями по илу. – В кабину надо!

Бандиты пытались справиться с поломкой и не слышали его. Озабоченность их была вполне понятна: вдруг движок загорится, тогда может вспыхнуть цистерна, и если эти двое не погибнут при взрыве, их пристрелит Макота.

Туран давно заметил: Така требует, чтобы машины и телеги держались рядом с ним – именно с ним, а не с первой повозкой. Поэтому Макоте пришлось отказаться от разведки местности, а ведь раньше, до Моста, он каждый день отправлял вперед пару-тройку мотоциклеток. Но в Донной пустыне проводник делать это запретил.

Машины начали останавливаться. Людоед на ходу оглянулся, махнул рукой Крючку, чтобы следовал за ним.

– Ну да, щас я к тебе побегу, – пробормотал бандит и отвернулся.

Но тут занервничал ящер. Взмахнув хвостом, он развернул повозку без команды лопухого. Оторопевший бандит натянул вожжи – башку маниса задрало к небу, шею выгнуло назад, но он не останавливался.

Вскоре Така сел на ил, скрестив руки на груди.

Манис тянул повозку, Крючок ругался, пытаясь образумить непокорную рептилию, а Туран внимательно наблюдал за суетой у фургона. Неспроста ведь людоед всполошился.

Вскоре выяснилось, что так и есть – пленник увидел, как темный бугорок размером с ведро вдруг пополз к машине. Приблизился на пару шагов – и замер. Потом еще подполз. И еще.

Крючок умирал ящера, остальное его мало интересовало. Бандиты поливали двигатель водой. Дверца «Панча» отворилась, на подножке появился Макота:

– Слышь, Крючок, все жуешь свою дрянь? С тупой скотиной справиться не можешь?

Это отвлекло Турана, и он прозевал момент, когда бугорок рывком подобрался еще ближе. Увидев, что тот уже у самого колеса, пленник вскочил и крикнул, показывая рукой:

– Что это?!

Крючок, занятый манисом, не обратил на вопрос внимания, зато Макота с Такой посмотрели на Турана.

– Краб, – громко сказал проводник. – Краб, да. Така не помнит, но старцы говорили: крабы в воде жили. Давно. В очень соленой, пить нельзя. Сейчас нет воды, давно нет, крабы в норах, в иле теперь. Не в воде...

Крючок все сражался с ящером, который, шипя и мотая хвостом, тащил повозку к проводнику.

Бугорок подполз еще ближе к занятым ремонтом бандитам. Людоед поднялся и закричал, сложив ладони рупором:

– Краб!!! Ноги откусит!!!

В этот миг нечто сплющенное, выскочив из облака пыли, помчалось на тонких ножках к бамперу.

Щелкая клешнями, краб добежал до машины, и тогда наконец Дерюжка с Бочкой заметили его. Они запрыгнули на дымящийся мотор, задрали ноги. Краб нырнул под бампер и со звоном вцепился в него клешнями.

Макота достал пистолет и начал стрелять. Расстояние было большим, пули били в землю, но одна раскрошила клешню. Тварь мгновенно скрылась под днищем, и спустя несколько мгновений все увидели ползущий в сторону от фургона бугорок. Он вскоре разгладился – наверное, краб забрался в свою нору в иле.

Туран сидел, упершись лбом в прутья, и наблюдал. Макота спрыгнул в ил; подойдя к Таке, сказал что-то. Тот кивнул, и они зашагали к сломавшемуся самоходу.

Бандиты слезли с двигателя, Дерюжка втянул голову в плечи, опасливо глядя на хозяйина. Туран видел, как шевелятся губы проводника – он что-то втолковывал им. Макота взялся за пистолет, Бочка попятился, Дерюжка отпрыгнул за кабину. Но атаман стрелять не стал – погрозив оружием, спросил что-то. Судя по тому, как энергично закивали в ответ оба бандита, он поинтересовался, сумеют ли они быстро починить фургон, и получил горячие заверения, что сумеют.

Развернувшись на каблуках, атаман широко зашагал обратно, проводник пошел за ним. Дерюжка принялся копать в моторе, Бочка полез в кабину. Вскоре самоход заурчал и плюнул клубом дыма из выхлопной трубы.

Манис, увидев, что смуглый человек с кучерявыми волосами возвращается к нему, тут же успокоился.

– Тупой! – бросил атаман Крючку, проходя мимо. – С ящерицей совладать не можешь, доходяга!

Лопоухий молча потянулся к кошелю на поясе за новой порцией жвачки.

Макота скрылся в «Панче», Така уселся рядом с Крючком.

– Чё его за тобой понесло? – спросил тот. – Ты как медом намазанный...

– Звери любят Таку, – с улыбкой отвечивал проводник.

– За что тебя любить? Ты вонючий, грязный дикарь. Людоед.

– Правильно, – не обиделся Така. – Людей ем, зверей не ем. Только с голодухи, редко. Потому любят. А тебя никто не любит, Крюбочек. Така хоть ящерицу нужен, ты никому не нужен совсем.

– Так и мне никто не нужен, – проворчал лопоухий в ответ.

Повозка вновь поехала первой, за ней потянулись остальные машины. Туран сидел в центре клетки, хмуро размышляя. В пустыне, кроме крабов и рыб-игл, обитают катраны, а что еще может попасться на пути, судя по гигантскому скелету, через который они только что проехали, одному некрозу ведомо. В пустыне он погибнет один – нет смысла опять пытаться бежать, даже если появится возможность. Остается ехать к Кораблю вместе с бандитами.

* * *

Вскоре перед ними выросла каменная гряда, протянувшаяся с запада на восток; она отбрасывала густую тень на подъехавший караван. Казалось, что за гигантской красно-бурой стеной скрывается совсем другой мир.

– Пустыня здесь кончается? – спросил Туран, разглядывая склоны сухого каньона, на который Крючку показал Така.

– Там пустыня, – ответил проводник, не оборачиваясь. – Я – пустыня, он, – людоед ткнул пальцем в маниса, – пустыня. Все. Мы вместе, да.

Пленник пожал плечами, отполз на середину клетки и стал делать упражнения. В клетке не выпрямиться, мышцы затекли, приходилось как-то разгонять кровь в жилах. Он стал подтягиваться на пруте, поджав ноги, потом – приседать, резко выдыхая жаркий воздух.

Крючок оглянулся на караван – атаман из «Панча» не показывался, других приказов не отдавал – и медленно повел телегу вперед.

С нависшего над дорогой каменного уступа посыпалась галька, люди вскинули головы. Вверх, цепляясь за впадины в буром камне, шмыгнуло склизкое тело.

– Кальмарка, – сказал Така. – Сырую нельзя. А зажарить – будет вкусно. Така знает, жарил.

Повозка, за ней мотоциклетки с мотоциклами, «Панч», фургоны и телеги с мутантами втянулись в каньон. Лучи солнца не проникали сюда, стало сумрачно и прохладно.

Присыпанное иловой пылью ущелье извивалось, неровные стены поросли колючим кустарником. Позади в мотоциклетной коляске восседал Морз с обрезом наперевес, Дерюжка высунул голову из окошка фургона, Бочка с ружьем встал на подножке по другую сторону кабины. На телеге с пятнистым мутантом маячил длинный тощий Кромвель, доставший свой серебристый пистолет, рядом сидел Малик. Изнывавшие от жары бандиты оживились, когда караван въехал в прохладное ущелье. Даже Макота выставил голову в люк на крыше «Панча» и с настороженным любопытством разглядывал склоны.

– Долго нам тут ехать? – спросил Туран.

– Солнце не зайдет, как будем в Огненной долине, – ответил людоед.

Крючок, сунув в рот жевательную пластинку, равнодушно бросил:

– Чё за долина?

– Огонь и пар. – Така сел вполборота к нему; запустив пальцы под жилетку, почесал выпалую грудь. – Земля дрожит, но не опасно. Така любит в ключах купаться.

– Дрожит? – повторил Крючок, к чему-то прислушиваясь.

Туран нахмурился, людоед привстал.

Звук доносился оттуда, где ущелье расширилось. Манис нервно дернул башкой, бандит натянул поводья, и повозка остановилась.

На дорогу впереди посыпался щебень. Урчание мотоциклеток и мерное гудение «Панча» постепенно заглушал тяжелый, прерывистый рык.

– А трясет повозку, – заметил Крючок.

Така спрыгнул на дорогу; обежав ящера, припал ухом к илу. Манис зашипел и начал пятиться, бандит ударил его шестом по башке. Выпрямился во весь рост, заслонив Турану обзор, вытащил из-за ремня обрез. Сзади донесся крик Макоты:

– Чего встали?!

Наверное, атаман ничего не слышал, сидя в «Панче» с включенным мотором. Ни Крючок, ни Така не ответили. Людоед присел на корточки, взялся за ожерелье на шее и стал перебирать костяшки. Нахмурился, вслушиваясь, и вдруг резко вскочил.

Подкатилась мотоциклетка Морза, за ней, едва не подперев ее бампером, встал «Панч». Хлопнула дверца, и выскочивший из фургона атаман заорал:

– Чё опять такое?! Какого некроза торчите посреди этих каменюк, чтоб вас... – Он запнулся, услышав непонятный звук и ощутив тряску.

Со склона покатались камни, несколько булыг покрупнее ударили в кузов «Панча». Макота взглянул вверх и нырнул обратно в кабину.

Казалось, на повозку надвигается нечто огромное, страшное – за поворотом лязгало, гремело и рычало так, что Туран невольно начал отползать к задней стенке клетки. Натолкнувшись на прутья, ухватился за них и крикнул:

– Крючок! Эй, выпустите меня!

Бандит, прижав обрез к груди, застыл на передке телеги. Он даже жевать перестал.

Мелко перебирая кривыми ногами, манис засеменил вбок. Крючок кинул обрез, натянул поводья, пытаясь удержать рептилию на месте.

Из-за каменного выступа на повороте ущелья показался ствол, а следом, дребезжа гусеницами, выползла тяжелая махина. Корпус из клепаных железных листов, впереди к скошенной бронеплите приварены два крюка, на них намотан трос, дальше лежат запасные звенья траков, еще дальше висится угловатая надстройка с двумя смотровыми щелями и широким стволом между ними.

Машина отдаленно напоминала трактор, который Туран видел на ферме Ефраима, только была куда массивнее, вся зашита в броню, да к тому же с пушкой.

– Танкер! – Крючок выпустил поводья.

Манис с шипением припал к земле и забил хвостом, как собака. Бандит, обернувшись, повторил:

– Танкер! Омеговский! – Вытерев пот со лба, он подобрал обрез.

Туран только сейчас заметил, что на передних щитках, приваренных к гусеничным полкам машины, намалеваны желтые подковы.

Замок Омега. Про него ничего не знали ни отец, ни Назар, но Шаар Скиталец иногда упоминал в новостях сильный клан, который обучает наемников на своей базе где-то на востоке.

Правая гусеница машины застопорилась, рыкнул двигатель. Выплюнув струи черного дыма из дефлекторов в корме, танкер повернул на колею и, клюнув носом, замер.

Сзади заорал Морз, заголосил в ответ Дерюжка, потом сухо, резко выкрикнул что-то повелительное Кромвель, и бандиты заткнулись.

Ствол опустился, нацелился на повозку, казавшуюся очень маленькой в сравнении с механическим монстром.

Крючок неуверенно прицелился в орудийную башню. Така, присевший рядом с манисом, зажал уши и раскрыл рот.

Туран прижался спиной к прутьям и уставился на машину, которую бандит назвал танкером. Он желал лишь одного: чтобы взрывом снаряда зацепило и «Панч», тогда будет шанс, что он вскоре встретится с Макотой на небесах.

Двигатель танкера смолк.

В орудийной башне откинулся люк, на броню выпрыгнул невысокий подвижный человек, затянутый в черную кожу, в темном облегающем шлеме и круглых очках. В деревянной кобуре на боку болтался маузер, с другой стороны висел кинжал с черной рукоятью.

Человек поднял очки на лоб, присев возле люка, окинул взглядом машины и людей перед собой.

– Кто командир? – негромко спросил омеговец. Он расстегнул ремешок на подбородке, стянул перчатки из мягкой кожи и сунул за ремень.

Хлопнула дверца «Панча». Надев соломенную шляпу и сунув в зубы верную трубку, Макота не спеша обошел повозку и встал перед машиной.

Туран понял, что атаман сейчас больше всего на свете хочет завладеть омеговским танкером. Макота смотрел на машину с напряженным вниманием – прикидывал шансы. Потом его лицо разгладилось, он запустил пальцы под ремень, принял расслабленную позу и громко сказал:

– Мои люди стрелять не будут.

– Ты старший? – спросил человек в шлеме.

– А то. Меня Макотой звать. А ты кто, наемник?

– Альф Сыман. Сержант-шеф, Замок Омега.

– Вижу, что амега. С Корабля едете?

Казалось, Альф Сыман сомневается, отвечать или нет. А еще Туран видел, что омеговец то и дело косится вниз, словно готов в любой миг выкрикнуть в люк команду. И что тогда? Сидящий за пушкой человек выстрелит – и конец Макоте, ведь он бесстрашно встал прямо перед стволом.

– А мы с Моста, – продолжал атаман как ни в чем не бывало. – Давно в пути. Чё нового на Корабле?

Наемник вроде бы принял решение – уселся на краю люка, свесив ноги.

– На Корабле все спокойно, – сказал он. – Прокторы следят за порядком, как всегда.

– Арсенал-то как, на месте?

– Арсенал работает. Говоришь, вы с Моста? Не видели в небе ничего странного?

– Чё? – не понял Макота. – Ты об чем, служивый?

– Видели в небе что-то необычное? – терпеливо повторил наемник.

– Ну, эта... облака там, – протянул атаман. Он сделал шаг вперед и поставил ногу на лежащий в иле камень. Сунул в карман так и не раскуренную трубку. – Птички всякие. Еще и летает, когда ветер. Да ты о чем ваше?

– О летающей машине. Вроде тех, что у небоходов, но иначе выглядит. Видели такую?

– Не, – покачал головой Макота. – Не было никаких машин. А вот буря недавно приключилась...

Атаман что-то еще говорил, Туран не слушал: он вдруг заметил, что сбоку, от склона каньона, к танкеру ползет Кромвель. И понял: после того как на кузов «Панча» упало несколько камней, Макота, вернувшись в грузовик, не просто отсиживался там, дожидаясь развития событий, – он через заднюю дверцу позвонил Кромвелю, и когда из люка показался Альф Сыман, дал охотнику указания, как действовать.

Теперь Кромвель, незаметно обойдя танкер, по-пластунски подбирался к нему, вооруженный пистолетом, ножом и сетью вроде тех, какими ловят сайгаков с машин.

Дернулась голова Крючка – он тоже заметил. Така переступил с ноги на ногу и положил руку на башку маниса.

Макота с омеговцем продолжали обмениваться слухами. Охотник полз бесшумно, в одной руке он держал револьвер, нож – в зубах, свернутая сеть была приторочена к плечу. На что он рассчитывает? – удивился Туран, искоса следя за ним. Ведь наверняка сидящие внутри начеку, и как только раздастся выстрел из револьвера, прозвучит и второй, из пушки. Ясно, что Макота намеренно встал прямо перед стволом, только из-за этого Альф Сыман немного расслабился и позволил втянуть себя в разговор. Ну и что теперь?

Атаман рассказывал про жадность торговцев арбузами, когда Кромвель добрался до гусеницы. Скорее всего, в боку орудийной башни тоже были смотровые щели, но внимание сидящих внутри сосредоточилось на машинах и людях впереди, они не заметили того, кто прополз за растущими у склона кустами.

Кромвель начал выпрямляться. Его и омеговского наемника разделяло не больше пяти шагов, но Сыман был вверху, а охотник – внизу. Что он собирается делать? Неужели хочет набросить сеть, как на сайгака, когда сендер на полной скорости нагоняет несущегося по степи зверя?

Кромвель отстегнул ремешок на плече, медленно расправил сеть, замахнулся...

Из танкера донеслось приглушенное шипение, треск. Альф Сыман сменил позу, заглянул в люк.

– Шеф! – прозвучало из кабины. – Командир взвода на связи.

В этот миг Кромвель бросил сеть – она с шелестом расправилась в воздухе и упала на омеговца. Альф Сыман нагнулся, протягивая вниз одну руку и придерживаясь другой за край люка. Когда сеть накрыла его, он дернулся – и свалился в кабину.

Кромвель вспрыгнул на гусеницу.

Макота, схватив узкий длинный камень, на который опирался ногой, обеими руками занес его над головой и бросился к танкеру.

– В сторону, Крючок! – взревел он. – Отворачивай!!!

Атаман с разбегу вонзил камень в ствол и присел.

Крючок дернул поводья, вцепившийся в шею маниса Така потянул рептилию в сторону.

Кромвель был уже на оружейной башне. Он встал над люком, широко расставив полусогнутые ноги, направил револьвер вниз и дважды выстрелил. Раздался лязг, короткий вскрик... А потом из люка вылетел кинжал с черной рукоятью. Он ударил Кромвеля в плечо, отбросил назад.

Шипящий манис поволок телегу от танкера, машины позади разворачивались. Из дефлекторов плеснулись струи дыма, танкер взревел и поехал.

Макота, поджав ноги, повис на стволе. Раненый Кромвель спрыгнул с гусеницы, отбежал, держась за плечо. Танкер двигался прямо на «Панч». Оружейная башня начала поворачиваться, атаман на стволе закачался. Телега с клетью въехала в кусты под склоном и встала. С этого места Туран видел механика Захара за лобовым стеклом грузовика – отчаянно гримасничая, тот навалился на руль. Тяжелый «Панч» медленно набирал ход, уходя из-под гусениц омеговского танкера, а тот ехал все быстрее, кашляя дымом. Макота подтянулся, забросил ногу на ствол и перебрался с него на скошенную бронеплиту. Выхватил пистолет и стал стрелять в смотровую щель.

Ствол омеговской пушки заскрежетал по борту «Панча». Танкер и грузовик разъезжались – первый двигался вдоль каньона, второй приближался к его склону. Если бы не Макота, омеговцы жажнули бы из пушки, но из-за камня снаряд мог взорваться в стволе. Танкер напирал, проминая борозду в кузове грузовика. Наконец «Панч» свернул с колеи и встал, а танкер поехал между поспешно расползающимися в стороны мотоциклетами, мотоциклами и фургонами, тяжело виляя, пытаясь раздавить их. Следом бежал, спотыкаясь, Кромвель.

Дверца одного фургона распахнулась, наружу вывалился Бочка, размахивая тяжелой железной трубой, с ревом ломанулся за омеговцами. Он догнал Кромвеля, они забрались на танкер, Бочка принялся колотить трубой по оружейной башне.

Потом махина исчезла за поворотом каньона. Еще некоторое время доносились рев мотора, выстрелы и лязг трубы, они делались все тише. Высыпавшие из машин бандиты переглядывались. Крючок сидел на краю телеги, свесив ноги, и жевал. Така обнимал маниса за шею.

– А что, если они развернутся и назад поедут, чтоб отомстить нам? – опасливо спросил Дерюжка.

Говорливый Малик, бывший омеговец, возразил:

– Не поедут, если Кромвель их сержанта убил или ранил сильно. Без приказа – не поедут. Но вот если они...

Дерюжка крикнул, тыча пальцем:

– Назад идут!

Из-за поворота показался Макота, по сторонам шли Кромвель и Бочка с погнутой трубой в руках. Охотник прихрамывал, держался за плечо. Макота шагал, ни на кого не глядя, будто о чем-то размышлял.

– Ну что? – спросил Дерюжка у Бочки, когда тот полез в фургон.

– Упустили, – махнул рукой тот.

Не получив никаких приказов от главаря, бандиты сами стали рассаживаться по машинам. Дойдя до «Панча», Макота встрепетнулся, посмотрел по сторонам. Залез на подножку, оглядел своих людей и бросил:

– Щас они очухаются, камень из ствола выташат, вернутся и станут по нам из пушки своей... Быстро валите отсюда!

Он скрылся в кабине.

* * *

Когда склоны каньона расступились, машины окутал пар.

Оглянувшись, Туран едва разглядел мотоциклетки Морза и косоглазого Леха. Морз включил фару – молочный луч протянулся сквозь клубы; за ним свет врубили остальные водители.

Оживившийся Така забормотал:

– Скоро ключ. Хорошо, хорошо...

Налетевший ветер сбил пелену, и взгляду открылась желтая с прозеленью долина, усеянная каменными глыбами. К небу тянулись столбы пара.

– Туда, – показал людоед направление.

Крючок ткнул маниса шестом в бок. Когда повозка подкатилась к глыбе размером с омеговский танкер, проводник велел объехать ее и остановиться.

За глыбой открылось небольшое озеро, на поверхности его то и дело лопались грязные пузыри. Запахло тухлыми яйцами.

Така прыгнул с телеги и с разбега бросился в озеро.

– Во даешь, людоед! – крикнул вслед Морз. – Оно ж воняет, как помойка!

Не слушая его, проводник поплыл, широко загребая руками, потом нырнул и долго не показывался.

Наконец украшенная шапкой черных волос голова возникла у берега. Выбравшись обратно на камни, Така зажал ухо пальцем и запрыгал на одной ноге, склонив голову к плечу.

Крючок почесал нос, хмыкнув, стянул через голову рубаху, расстегнул пояс с кошельем и ножнами и собрался уже слезть с повозки, когда людоед крикнул:

– Стой! Тут нельзя, купаться нельзя!

Туран оглянулся. Морз, забравшись на сиденье мотоциклетки, с любопытством наблюдал за проводником, рядом стояли Леха и Малик. Макота вылез через люк на крышу «Панча», сел и раскурил трубку.

Подойдя к повозке, Така запустил мокрые пальцы в кошель Крючка, достал жевательную пластинку и бросил на камень неподалеку. Пластинка исчезла, провалившись в круглую влажную дыру – Туран успел заметить осклизлые бугорки по краям, прежде чем та захлопнулась, – а потом камень затянула маслянистая пленка, и он стал таким же, как прежде.

Вытянувший шею Леха охнул. Крючок хрипло спросил:

– Кто ее сожрал?

Така улыбнулся, задрал ногу и медленно поставил на валун. У Турана перехватило дух. Гладкая поверхность ожила под стопой – белесые ниточки, выросшие из камня, обхватили ее, потом лодыжку, голень... Подрагивая, они ощупали ногу Таки и, будто потеряв к ней интерес, втянулись в камень. Кочевник покивал, не переставая улыбаться, забрался на повозку. Высунувшиеся из машин бандиты глядели на него.

– Медузы, – громко пояснил проводник. – По всей пустыне. Много. Целые поля. Растут. Ползают с места на место. Таке можно ходить, где медузы, чужакам – нельзя.

Усевшись поудобнее, он велел ехать дальше.

Пока караван выбирался на ровное плато, где, по словам людоеда, следовало поставить лагерь, Туран узнал от Таки, что медуза легко может оттяпать ногу по щиколотку, а то и выше. У них сильные мышцы и слизь, способная очень быстро растворить плоть – получившейся жижей твари и питаются.

– А почему у тебя нога целая? – спросил Туран.

Така, безмятежно улыбаясь, повторил то, что уже говорил ранее:

– Така с медузой родня. Така – пустыня, она – пустыня. Мы вместе. Свой своих не обижает. А если попробует обидеть... – Он медленно достал из-под жилетки чехол, раскрыл и вытащил нож – обмотанная сыромятной кожей рукоять с дырочкой для шнурка и матово-черный клинок.

Турану показалось, что он сделан не из металла, а из шершавого камня. Разглядывая необычное оружие, парень протянул руку между прутьями, коснулся боковины узкого лезвия. И отпрянул. На пальце выступила кровь.

– Плавник катрана, – со значением пояснил Така. – Очень острый. Все режет, даже железо, если ржавое. Только Таку не режет. Така свой. – Спрятав нож, он толкнул Крючка в плечо, чтобы остановил повозку, и крикнул: – Тут стоим!

Лагерь разбили возле поля медуз – проводник настоял. Сказал, что прямо по пути чует стаю катранов. А те, если медузы рядом, не сунутся.

Макота выслушал доводы Таки, сплюнул в ил, погладил усы и кивнул:

– Лады, отдыхаем.

Машины поставили в круг, атаман приказал выгрузить из фургона десяток арбузов. Мутанты в клетках уже заметно нервничали. Крючок ушел готовить им кашу, а Туран, оставшись в обществе Таки, улегся на пол клетки, заложил руки за голову, и спросил:

– Почему катраны к медузам не полезут?

Проводник развел руками:

– Катраны не любят медуз. Медузы – катранов.

– Но ты говорил, что и те, и те – пустыня, – напомнил Туран, глядя в темнеющее небо. – Так почему же они друг друга не любят?

– Пустыня сама себя пожирает, – наставительно произнес Така. – Иногда любит себя, иногда себя жрет... Чужак не поймет.

Туран обдумал его слова.

– А по-моему, ты все врешь. Болтаешь только, чтобы им, – он кивнул в сторону машин, – голову заморочить. Просто ты знаешь всякие местные приметы, а они нет.

Людоед невозмутимо слушал, и по смуглому лицу его невозможно было понять, прав Туран или нет. Не добившись ответа, пленник спросил:

– Така, ты был на Корабле? Какой он?

Поигрывая ножом из плавника катрана, проводник ответил:

– Большой. Спи, не мешай Таке думать.

На крышах машин дежурили часовые, остальные бойцы Макоты расположились в центре лагеря, где на камнях поставили миски с едой. Атаман к ним не присоединился – Дерюжка с Лехой втащили на кузов «Панча» кресло, косоглазый принес еще поднос с нарезанным арбузом, атаман уселся, положив рядом длинноствольное ружье, и принялся есть. Макота пребывал в редком для него миролюбивом настроении, благодушно поглядывал на своих людей, плевался арбузными косточками и пыхтел трубкой.

Подошедший Морз кинул Турану между прутьями кусок арбуза и убрел обратно. Туран уже почти заснул, когда услышал возглас Дерюжки. Приподнялся на локтях, сонно шурясь, – все бандиты, кроме Крючка и Кромвеля, стояли, задрав головы, даже Макота поднялся из кресла. Дерюжка взволнованно тыкал рукой вверх и что-то втолковывал Бочке. Туран лег на краю клетки, чтобы закрывающий ее брезент не мешал, прижался щекой к прутьям и взглянул на серое вечернее небо.

В вышине, за редкими облаками, похожими на острова пены, плыл огромный тусклый диск.

– Что это? – тихо спросил Туран у проводника. – Оно светится...

Впервые он видел такое: по нижней части платформы ползли размытые сине-зеленые огни, закручивались спиралью. Цвет их был неприятного, какого-то болезненного оттенка.

Огни переливались, медленно вращаясь на поверхности диска. Благодаря им стало видно, что по краям и снизу платформа усеяна покатыми выступами и наростами, словно бородавками.

Туран повернулся к Таке и повторил:

– Что это?

Проводник сидел в прежней позе на краю телеги, только голову поднял.

– Бог, – сказал он.

– Кто?

– Бог. Боги летают в небе, смотрят на нас...

– Да нет же, это что-то... какие-то устройства. Машины, механизмы, вроде дирижаблей летунов. Ты знаешь, кто такие небоходы? Платформы – тоже машины, только большие. Но что это за огни? Ты видел такие раньше? Мы на ферме никогда...

– Глаза Бога, – сказал людоед.

Туран покачал головой. Платформа беззвучно плыла в небе, чуждая и далекая. Откуда они прилетают? Куда летят? Где их причал или улей, как у небоходов? Ведь не могут же они вечно парить в небе... Туран знал про Вертикальный город, отделенный от Пустоши растущей полосой некроза, про Урал – очень высокие горы, в сравнении с которыми красно-бурая гряда, та, что они миновали днем, – лишь холмик. Может, платформы причаливают где-то там? Никто – ни отец, ни Назар, ни Шаар Скиталец, ни самый бывалый пилигрим или охотник из тех, кто когда-либо заглядывал на их ферму, не мог рассказать про платформы ровным счетом ничего. Людям оставалось лишь гадать, обмениваться слухами и строить предположения.

Стемнело, платформа уплыла к горизонту, призрачные изумрудно-синие огни растаяли во мраке. Бандиты утомонились, только Дерюжка еще долго болтал про платформу, изумляясь ее величине и высказывая всякие дикие догадки, пока не получил по морде от Бочки, которого ненароком разбудил, и не замолчал обиженно. Макота, выкрикивая приказы с крыши «Панча», лично распределил время дежурства на постах, после чего залез в люк и захлопнул крышку.

Вернувшийся Крючок заснул на передке повозки, Така улегся рядом с нажравшимся арбузных корок манисом и вскоре тихо, с присвистом, захрапел. Вокруг в черное небо поднимались столбы пара, монотонное шипение и бульканье наполняли долину. Убаюканный ими, Туран быстро заснул.

* * *

Борис Джай-Кан, еще молодой, почти без морщин на обветренном лице, обнимал высокую красивую женщину в домотканом платье, а Туран смотрел на них снизу, потому что был невысокого роста, и за руку его цеплялся едва научившийся ходить Мика, лопотал что-то непонятное и улыбался. Мать тоже улыбалась, даже у отца, всегда серьезного, весело поблескивали глаза. Впереди раскинулось фермерское поле, кукуруза уже взошла – шелестели листья, колыхались сочные, тугие стебли, все было очень ярким – и желтые початки, и зелень, и густо-синее небо над головой. Туран не оборачивался, но знал: за спиной родной дом, по двору идет Назар, следом семенит, ворча что-то по своему обыкновению, старая Брута, а в стороне батраки выводят из сарая бесхвостую лошадь.

Мать говорит: «Доброе утро, дети».

«Дабуту...» – лепечет Мика, показывая редкие молочные зубы.

Туран тоже хочет ответить, но тут мать и отец поднимают головы, безмятежность на их лицах сменяется удивлением и страхом. На землю падают красные отсветы, темнеет небо; Туран оборачивается – ферма горит. Пылает сарай, крыша дома провалилась, стоящий на коленях посреди двора Назар медленно валится лицом вперед, и между лопаток его торчит нож с деревянной рукоятью. И хотя механик далеко, Туран видит: на рукояти выжжена буква «М». Позади Назара скачет объятая пламенем лошадь, бешено ржет, молотит копытами землю, за

ней волочится привязанная за ногу Брута. Старуха мертва, руки откинута назад, голова подсакивает на кочках. Из барака, из дома выбегают батраки – и падают один за другим. Выстрелов не слышно, но Туран знает, что враги где-то здесь, краем глаза он видит их темные силуэты, частоколом обступившие ферму, протянувшиеся к небесам, чудовищные, огромные. Смерчи из пепла кружат по разоренному двору, сухо шелестят, в звук этот влетаются голоса обитателей фермы, отца и матери, Мики и Назара, батраков, охотников, их жен и детей. Они говорят тихо, тревожно, будто просят Турана о чем-то – черные тени в мертвой полутьме. От их неразборчивого шепота бросает в пот и дрожь пробегает по телу.

Он оборачивается – и видит, что отец с матерью лежат на земле. Они обгорели, теперь это черные мумии с провалами глаз на обугленных лицах. А Мика? Ведь Туран все еще держит брата за руку, он и сейчас ощущает его пальцы в своих! Туран поворачивает голову – Мика стоит, ощерившись, выкатив залитые кровью глаза, приоткрывает рот с осколками выбитых зубов и говорит детским голосом, коверкая слова: «Ты меня отпустил. Убил меня. Это ты меня убил...»

Туран Джай рывком сел в клетке, вскрикнув, сжал кулаки и с размаху ударил по днищу. Боль пронзила запястья. Он упал на бок, прижав руки к груди, замер.

Ночь близилась к концу, в небе гасли звезды. Вдруг на востоке их закрыло что-то продолговатое. Туран решил, что это снова платформа, – но нет, оно летело слишком низко и было меньших размеров.

Пленник снова сел, кулаками вытер глаза. Незнакомый аппарат медленно плыл над холмами, удаляясь от лагеря. Заметив, что Така сидит, поджав ноги, рядом со спящим манисом и монотонно раскачивается взад-вперед, перебирая косточки и когти на ожерелье, Туран шепотом позвал:

– Така! Что это летит? Это не платформа!

Проводник, не оборачиваясь, равнодушно сказал:

– Ставр давно тут. Пузыри надувал. Пар горячий, Ставр говорил, вверх тянет. Летает.

Туран хотел узнать, кто такой Ставр, но тут раздался возглас стоящего на часах Лехи. Вскинув пороховой самострел, парень с испугу шарахнул в небо.

Поднялся шум. Бандиты полезли из-под машин, из «Панча» выскочил полуголый Макота с ружьем в руках и своей неизменной шляпой на голове. Пока разбирались, кто стрелял, в кого и зачем, летательный аппарат исчез из виду в рассветных сумерках.

Макота стгоряча чуть не грохнул Леху, но затем поразмыслил – и похвалил за наблюдательность, поставил даже остальным в пример, сказал: «Вот, значит, хлопцы, как надо караул нести».

Быстро светало. Пар поднимался призрачными колоннами, тихо булькало в заводи, возле которой стоял лагерь.

Крючок с Маликом принесли лохань с арбузными корками, поставили перед манисом и по очереди пихнули его сапогами в бок. Ящер зашипел, вскочил и принялся жрать, брызгая арбузной мякотью.

Тем временем бандиты собирались в путь. Дерюжка, Бочка и Захар спешно ремонтировали колеса мотофургона, Леха с Морзом осматривали мотоциклетки, им помогали угрюмомолчаливый Стопор и вечно всклокоченный молодой Ханга. Кромвель у повозки расправил сеть для ловли сайгаков, встряхнул и начал складывать особым образом.

Небо из серого стало светло-голубым, показавшееся над горизонтом солнце окрасило столбы пара в нежно-золотистые тона. Крючок забрался на телегу, поплевав на ладони, взялся за вожжи и поднял шест. Така присел у воды, зачерпнув, плеснул в лицо. У берега булькнуло, и рядом с проводником из жижи вышло склизкое зеленоватое тело. На плоской морде блестяли мутные бессмысленные глазки.

– Кальмарка, – одновременно произнесли Туран и Крючок.

Така отскочил, как ошпаренный, выхватил плавник катрана из-за пазухи. В воздухе прошелестела брошенная Кромвелем сеть, накрыла выползшую на берег тварь. Длинное, как у змеи, тело свернулось кольцами, все больше запутываясь в сетке. Проводник опустил нож. Подошедший к заводу охотник достал револьвер и дважды выстрелил в извивающуюся тварь.

– Чё там? – крикнул Макота с крыши «Панча».

Така ответил:

– Мурена. Хищник. На охоту вышла, могла всех погрызть ночью.

– Так чё ж ты, знаток пустыни, не предупредил?!

– Гнездо под водой. Така давно не встречал мурен. Редкие твари, очень-очень.

Кромвель смерил проводника презрительным взглядом, вытряхнул мертвую мурену из сети и ушел.

– А жрать ее можно? – поинтересовался подошедший Морз.

– Мясо нежное. Освежевать и засолить могу, – предложил Така.

– Так давай! – Морз похлопал себя по животу.

– Еще прозеваешь чего – я тебе мозги вышибу, как вон Кромвель мурене! – крикнул Макота.

Така не ответил, подхватил за хвост рыбину с короткими лапками на боках, хищницу, которую Крючок и Туран приняли за безобидную кальмарку, взмахом ножа распорол ей брюхо. Споро выпотрошив рыбу, прополоскал внутренности в озере и пошел к повозке.

Загудел двигатель «Панча», завелись мотоциклетки. Атаман снова выбрался на крышу, огляделся из-под руки, посмотрел в небо и крикнул:

– Выступаем!

Глава 12

Скалы и Огненная долина остались позади, вокруг снова лежал затвердевший ил. Люди изнывали от жары.

Утром Така показал на темное облако, которое плыло с востока, и пояснил, что это та самая буря, застигшая их еще в первый день пути – она описала круг и теперь возвращалась. По словам проводника, иловые облака могут путешествовать по пустыне долго, много дней, и самое плохое происходит, когда они сталкиваются. В том месте начинают беспрерывно бить молнии, ураган может запросто унести человека, и в конце концов две бури закручиваются громадным смерчем. Такие воронки способны поднять в воздух тяжелую машину и зашвырнуть аж за границу пустыни.

Крючок, в последнее время внимательно слушавший проводника, предложил разбить лагерь на светлой прогалине, видневшейся между холмами впереди, и направил повозку туда.

Така спорить не стал. Он забрался на клетку Турана, а потом слез и объявил, что бури бояться не стоит, она пройдет стороной, потому как ветер поменялся. И, погрузившись, добавил, что кочующие с облаком скаты снова не заберут Таку, а жаль.

Немного позже Туран спросил, что это значит – «не заберут»?

И проводник рассказал о том, во что верят кочевники. Встречи с предками и почившими друзьями достоин лишь человек, которого унесут небесные скаты. Избранный увидит тех, кто давно покинул этот мир ради мира иного – много лучшего, чем Пустошь и Донная пустыня, мира, где в досталь воды, где ил порос буйной зеленой травой и мяса хватает всем.

Но что значит «заберут»? – повторил Туран, и Така пояснил: значит – съедят. Скаты – хищники, которые целыми сезонами неподвижно лежат на иле. Когда поднимается сильный ветер, они отталкиваются плавниками, тела их подхватывает буря и несет над пустыней. А если хищник замечает добычу, он изгибается – и ветер швыряет его вниз. Схватив жертву, скат нагоняет стаю.

Така хотел стать добычей, но небесные скаты не позарились на старика.

– Ты не старик, – хмыкнул Крючок. – Совсем не похож. Я и то тебя старше.

Людоед хлопнул ладонью по впалой груди:

– Така стар здесь. Внутри.

Крючок закинул в рот пластинку болотной травы и ничего не ответил.

Караван приближался к светлой прогалине между холмами. Показав левее, на гладкую равнину, проводник спросил:

– Видишь?

– Ну? – сказал Крючок. – Равнину вижу.

Туран, слушавший разговор, добавил:

– Там ничего нет.

Людоед покачал головой и принялся рассказывать, как определить, что впереди поле медуз, где ни человек, ни зверь не пройдут. Его внимательно слушали, Крючок даже жевать перестал. Из рассказа получалось, что место, занятое медузами, можно отличить по едва заметной маслянистой пленке, затянувшей поверхность ила. Ночью или в пасмурный день ее почти не видно, но на солнце она радужно поблескивает, если же темно – надо разжечь факел или включить фару и направить луч на ил.

Вскоре проводник велел остановить повозку, хотя до светлой прогалины они еще не доехали. Он спрыгнул на ил, пройдя вперед, наклонился, воткнул палец в поверхность, вынул и лизнул.

– Такыр.

– Чего? – не понял Крючок.

– Такыр, – повторил людоед. – Оазис рядом. Люди пустыни там. – Он еще раз ткнул пальцем в ил, потер его о ладонь и вернулся к повозке.

– Такыр – это почва? – догадался Туран. – Впереди кочевники? Или просто где-то рядом?

– Рядом. Такыр сырой. В оазисе жизнь, вода.

– Вода! – оживился слушавший их разговор Морз. – Где он, за холмами теми где-то? Так давайте туда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.